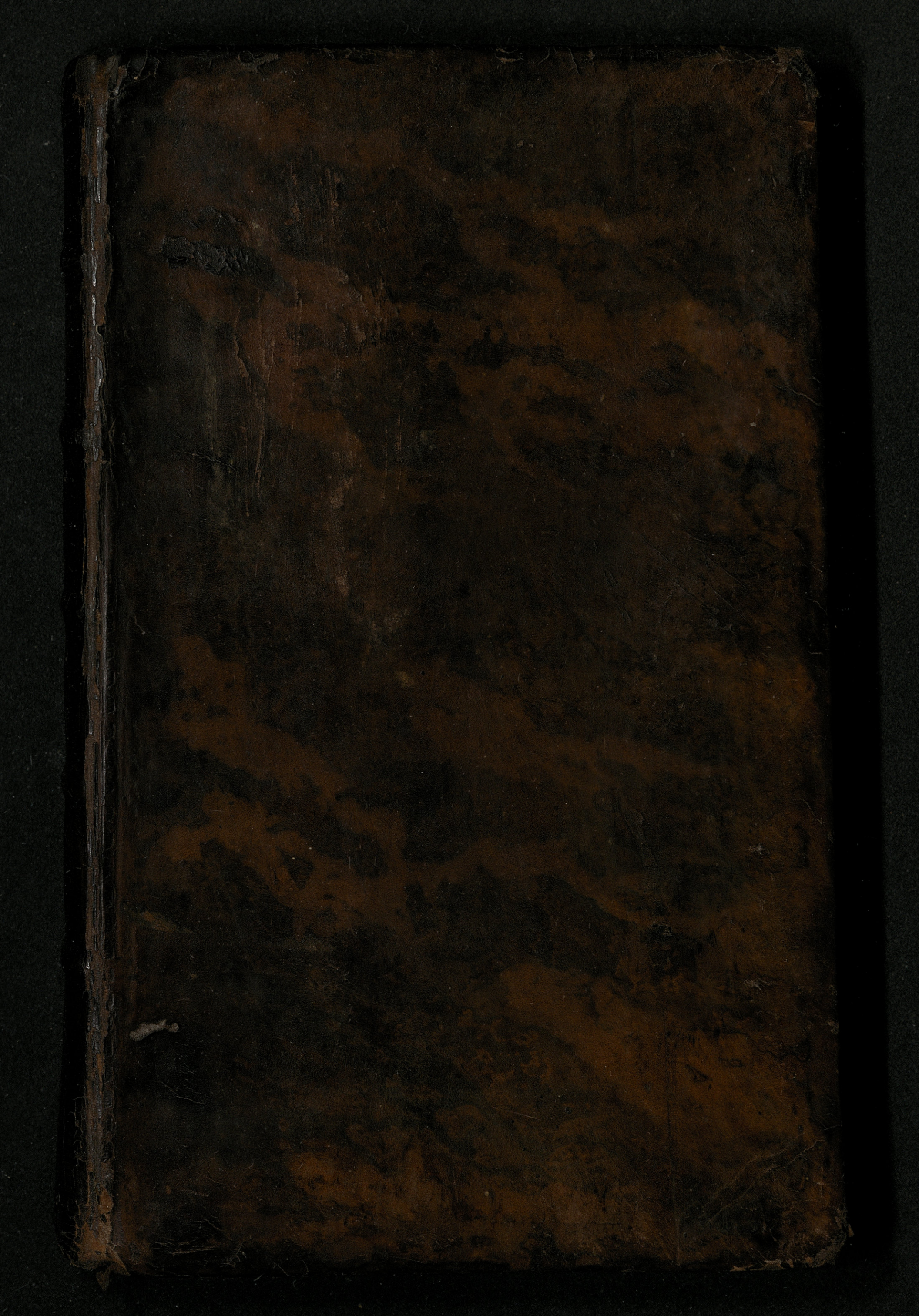
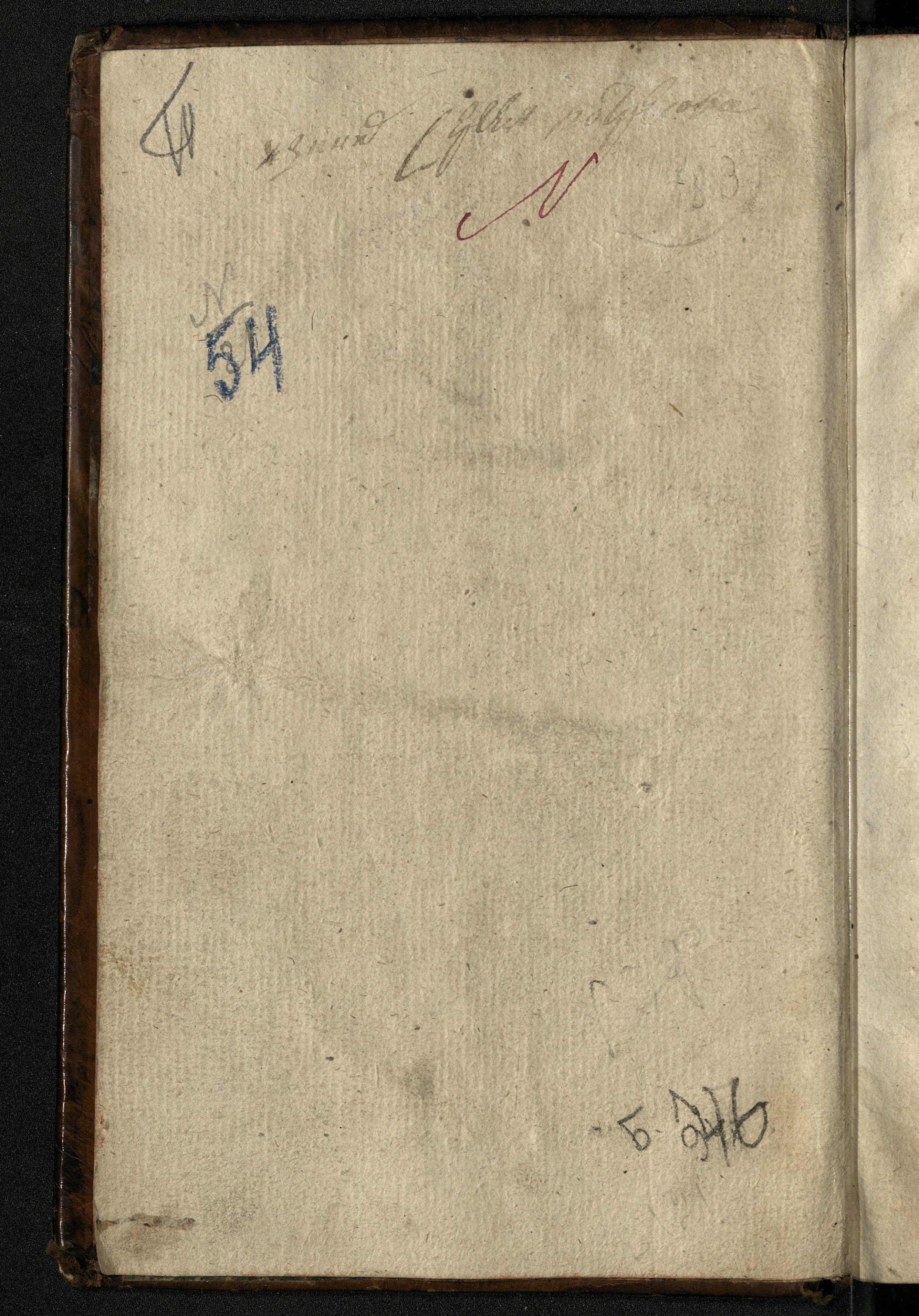

В. И.
Клочковъ
С.П.БУРГЪ
ЛИТЕЙН. ПР. 55.
КНИГОПРОДАВЕЦЪ-АНТИКВАРІЙ

№ 54
Б 346

КАНДИДЪ

или

ОПТИМИСМЪ,

то есть

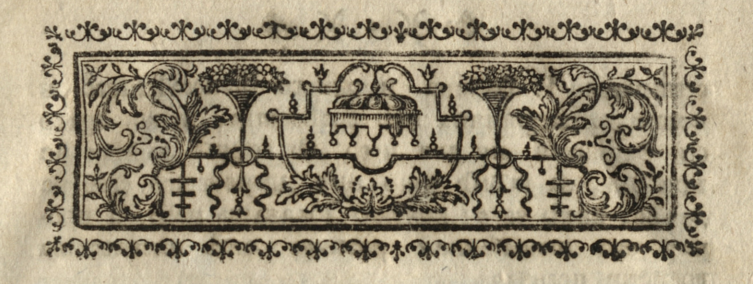
НАИЛУЧШІЙ СВѢТЪ.

Переведенъ съ Французкаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

При морскомъ шляхетномъ Кадетскомъ
Корпусѣ 1779 года.

КАНДИДЪ
ИЛИ
ОПТИМИСМЪ,
то есть
НАИЛУЧШІЙ СВѢТЪ.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ.

Какимъ образомъ воспитали Кандида въ великолѣпномъ замкѣ, и какъ его оттуда выгнали.

Въ Вестфаліи, въ замкѣ господина Барона фонъ Тгун-дер-тен-тронкга, жилъ молодый юноша, одаренный отъ природы наикротчайшими нравами. Черты его лица изъявляли его душу. Онъ имѣлъ разсудокъ нарочито здравый и открытое сердце; по сей то причинѣ, думаю я, и назвали его *Кандидомъ* (простосердомъ). Старинные въ домѣ служители подозрѣвали, что будто онъ былъ сынъ

сестрицы Г. Барона и одного непослѣдняго и честнаго дворянина изъ сосѣдства, за котораго сія барышня ни для чего въ свѣтъ выйти не хотѣла, за тѣмъ что онъ дворянство свое не далѣе, какъ за 71 колѣно доказать могъ, а прочая его поколѣнная роспись отъ насильства времени погибла.

Г. Баронъ былъ одинъ изъ самыхъ знатнѣйшихъ Вестфальскихъ помѣщиковъ; по тому что въ замкѣ его были и ворота и окошки, да и большая его зала была украшена обоями. Дворовые его собаки, по зборѣ въ одну кучу, составляли по нуждѣ стаю; конюхи у него были ко времени охотниками; а попъ тоя деревни былъ великимъ попечителемъ о его душѣ. Барона всѣ звали милостивымъ государемъ, и смѣялись когда онъ точилъ балы.

Госпожа Баронесса, въ которой вѣсу было около 350 фунтовъ, была по сей причинѣ въ весьма великомъ почтеніи; а особливо ея надмѣнность въ домашнихъ упражненіяхъ дѣлала ее еще почтительнѣйшею. Дочь ихъ Кунигунда отъ роду имѣла 17 лѣтъ, и была румяна, здорова, полна и миловидна. Сынъ Баронской во всемъ походилъ на батюшку. Учитель Панглосъ почитался въ домѣ за Оракула, а молодой Кандидъ слушалъ ученіе его со всевозможнымъ по лѣтамъ своимъ и свойствамъ простодушіемъ.

Панглосъ обучалъ Метафизико-Теолого-Космоло-Нигологіи. Онъ великой былъ мастеръ доказывать, что никакое дѣйствіе не можетъ быть безъ причины, и что въ семъ наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ свѣтѣ, замокъ милостиваго государя Барона есть изъ всѣхъ наипрекраснѣйшій, а супруга его изъ всѣхъ возможныхъ Баронессъ наилучшая.

Что сему инако быть не можно, то уже доказано, говорилъ онъ: ибо когда все въ свѣтѣ сотворено съ намѣренiемъ, то уже неотмѣнно сотворено все съ наилучшимъ намѣренiемъ. Примѣчайте, что носы здѣланы для того, чтобъ носить очки; отъ того у насъ и есть очки. Ноги очевидно даны намъ для обуви; и такъ есть у насъ и обувь. Камни ростутъ за тѣмъ, чтобъ ихъ отесывали и строили изъ нихъ замки; отъ того то милостивый государь Баронъ и имѣетъ весьма прекрасный замокъ, за тѣмъ что наивеличайшему въ провинцiи нашей Барону надобно наилучшiй имѣть и домъ: а свиньи сотворены, чтобъ мы ихъ ѣли; такъ мы во весь годъ свинину и ѣдимъ. Слѣдовательно тѣ, которые утверждали, что все въ свѣтѣ хорошо, соврали: а надобно бы имъ было сказать, что все здѣлано наилучшимъ образомъ.

Кандидъ слушалъ ученiя сiи со вниманiемъ, и вѣрилъ всему отъ всего сердца; потому что дѣвица Кунигунда казалась ему весьма прекрасною, хотя онъ и никогда не принималъ еще смѣлости ей о томъ сказать. Онъ заключалъ, что первое на свѣтѣ щастiе состоитъ въ томъ, чтобъ родиться Барономъ Тгун-дер-тен-тронктомъ; вторый онаго степень, быть дѣвицею Кунигундою; третiй, видѣть ее всякой день; а четвертый учиться у господина Панглоса, наипремудрѣйшаго Философа во всей провинцiи; слѣдовательно уже и во всемъ свѣтѣ.

Кунигунда прогуливаючись нѣкогда около замка въ маленькомъ лѣску, который назывался звѣринцомъ, увидѣла, что докторъ Панглосъ, забравшись въ кустарникъ, преподаетъ урокъ изъ экспериментальной Физики горнишной ея матушки

шки дѣвкѣ смугловатой, весьма недурной и очень понятной чернобровкѣ. А какъ дѣвица Кунигунда къ наукамъ имѣла великую склонность, то примѣчала повторяемые передъ нею неоднократно эксперименты, не смѣя и дохнуть. Она видѣла своими глазами достаточное основанїе доктора, дѣйствїя и причины, и пошла домой въ великомъ смущенїи, задумчивости, и съ безмѣрнымъ желанїемъ быть ученою, и разсуждала въ себѣ, что и она можетъ столько же быть достаточнымъ основанїемъ молодому Кандиду, а Кандидъ достаточнымъ основанїемъ ей.

Идучи назадъ въ замокъ встрѣтилась она съ Кандидомъ, и покраснѣла; Кандидъ также покраснѣлъ: она поздоровалась съ нимъ голосомъ дрожащимъ и прерывающимся; а Кандидъ отвѣчалъ ей, не вѣдая и самъ, что говорилъ. На другой день послѣ обѣда, какъ встали изъ за стола, Кунигунда съ Кандидомъ зашли за ширмы: Кунигунда уронила платокъ, Кандидъ ево поднялъ: она взяла его невиннымъ образомъ за руку; а сей юноша цѣловалъ невиннымъ образомъ дѣвушкину руку съ отмѣнною горячностїю, чувствительностїю и прїятностїю: уста ихъ склеились, глаза разгорѣлись, колѣни тряслись, руки заблудились. Между тѣмъ господинъ Баронъ фонъ Тгун-дертен-тронкгъ идучи подлѣ ширмъ увидѣлъ причину сїю и дѣйствїе, и выгналъ Кандида изъ замка пинками. Кунигунда упала въ обморокъ; а какъ опамятовалась, то госпожа Баронесса выбила ее по щекамъ. И такъ все было въ замѣшательствѣ въ наипрекраснѣйшемъ и наипрїятнѣйшемъ изъ всѣхъ возможныхъ замкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Что зделалось съ Кандидомъ у Булгаровъ.

Кандидъ, изгнанный изъ земнаго рая, шелъ долгое время не знаючи и самъ куда, плакалъ, возводилъ глаза на небо, и оглядывался безпрестанно на наивеликолѣпнѣйшій изъ всѣхъ замокъ, въ которомъ жила наипрекраснѣйшая изъ всѣхъ молодыхъ Баронессъ, легъ не ужинавши на полѣ между двумя бороздами, а снѣгъ шолъ преужасный. Кандидъ переколѣвши потащился на другой день къ ближайшему городу, который назывался Валдберкгофъ-трарбкъ-дикдорфъ, не имѣя ни полушки денегъ, умираючи съ голоду и отъ усталости, остановился припечалившись передъ трактиромъ. Увидѣли его два человѣка въ синихъ кафтанахъ: братъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, дѣтина етотъ видъ имѣетъ очень хорошій и ростъ изрядный. Они подошли къ Кандиду, и стали его весьма учтиво просить съ ними отобѣдать. Государи мои, говорилъ Кандидъ съ удивительною кротостію, вы дѣлаете мнѣ очень много чести; но мнѣ нечѣмъ за себя заплатить. А! государь мой, сказалъ одинъ изъ синьчаковъ, люди вашего вида и достоинствъ никогда ничего не платятъ: будетъ въ васъ пять футовъ и пять дюймовъ росту? Ровно такъ, государи мои, отвѣчалъ онъ поклонившись. Просимъ милости, сударь, садитесь за столъ; мы не только заплатимъ за васъ, но и никогда не допустимъ, чтобъ у такова человѣка, какъ вы, не доставало денегъ: люди сотворены единственно для вспоможенія другъ другу. Вы справедливо говорите, сказалъ

залъ Кандидъ, что говаривалъ мнѣ всегда господинъ Панглосъ, и я увѣренъ, что все здѣлано къ наилучшему концу. Просятъ его принять нѣсколько талеровъ: онъ ихъ беретъ, и хочетъ дать росписку: росписки взять не хотятъ, и садятся за столъ. Не любите ли вы страстно . . . . ? Какъ не любить! отвѣчалъ Кандидъ, я люблю страстно дѣвицу Кунигунду. Нѣтъ, сказалъ одинъ изъ сихъ господъ, мы спрашиваемъ васъ, любите ли вы страстно Короля Булгарскаго? Ни мало, говоритъ онъ; я его отъ роду и не видалъ. Какъ! онъ самый лучшій изъ всѣхъ Королей: выпьемъ за его здоровье. О! отъ всего сердца, государи мои; и выпилъ. Довольно, говорятъ ему, теперь ты подпора, защитникъ и герой Булгарской; щастіе твое здѣлано, и слава твоя съ тобою. Тотчасъ сковали ему ноги, и повели въ полкъ. Велятъ ему вертеться на право, на лѣво, вынимать шомполъ, вкладывать шомполъ, прикладываться, палить, удвоивать шаги, и отвѣсили ему тритцать ударовъ палкою. На завтрѣе дѣлаетъ онъ экзерциціи нѣсколько получче, и дали ему только уже дватцать ударовъ; на третій день досталось ему только десять, и товарищи почитаютъ его уже за чудо.

Кандидъ въ крайнемъ изумленіи не понималъ еще хорошенько, какимъ образомъ онъ здѣлался героемъ. Однимъ прекраснымъ вешнимъ днемъ вздумалось ему пойти погулять: онъ шелъ куда его глаза несли, и думалъ, что и людямъ позволено такъ, какъ звѣрямъ, употреблять ноги свои по собственному произволенію. Не успѣлъ онъ еще перейти двухъ миль, какъ вдругъ нагнали его шесть другихъ героевъ о шести ногахъ: связали его, и отвели въ тюрму: спрашивали у него

него приказнымъ порядкомъ, чего ему лучше хочется, пробѣжать ли 36 разъ сквозь весь полкъ, или вдругъ получить 12 пуль въ лобъ? Сколько онъ ни увѣрялъ, что волю у человѣка никто отнять не можетъ, и что онъ ни того, ни другаго не хочетъ; однако надобно было одно что нибудь выбрать. Онъ пользуясь божескимъ даромъ, которой называютъ вольностїю, согласился пробѣжать 36 разъ сквозь строй; двѣ прогулки онъ вытерпѣлъ. Полкъ состоялъ изъ двухъ тысячь человѣкъ; и такъ досталось ему четыре тысячи ударовъ, которые отъ самаго затылка до пояса обнажили ему и мягкїя мѣста и жилы; а какъ дѣло дошло до третьей погонки, то Кандидъ выбившись изъ силы, сталъ просить, чтобъ изъ милости благоволили размозжить ему голову. Склонились на его прозьбу, завязали ему глаза, и поставили на колѣни. Въ ту самую минуту ѣхалъ мимо Булгарской Король, и спросилъ, какое онъ здѣлалъ преступленїе. Король сей былъ весьма великаго духа: онъ изъ отвѣтовъ Кандидовыхъ тотчасъ примѣтилъ, что онъ былъ молодой Метафизикъ, и въ свѣтскихъ дѣлахъ со всѣмъ незнакомъ, простилъ его съ такою милостїю, коя во всѣхъ запискахъ и во всѣ вѣки будетъ прославляема. Искусный лѣкарь вылѣчилъ Кандида въ три недѣли умягчительными лѣкарствами по правиламъ Дїоскорида: кожа у него подростать ужé стала, и онъ могъ ходить, какъ Король Булгарской далъ баталїю съ Королемъ Абарскимъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Какимъ образомъ ушелъ Кандидъ отъ Булгаровъ, и что съ нимъ здѣлалось.

Ничто не было столь прекрасно, столь порядочно и столь блистательно разположено, какъ обѣ арміи. Трубы, флейты, гобои, барабаны, пушки составляли такое согласіе, какого никогда и въ адѣ не бывало. Пушки повалили сначала съ каждой стороны человѣкъ тысячь по шести; потомъ ружья очистили наилучшій изъ всѣхъ свѣтовъ отъ девяти или десяти тысячь мошенниковъ, которые заражали его поверьхность. Штыкъ также былъ достаточнымъ основаніемъ смерти нѣсколька тысячь человѣкъ. Всего на все легло тутъ можетъ быть до 30 тысячь душъ. Кандидъ дрожалъ по философски, и прятался во время сего геройскаго побоища, сколько было можно, лучше.

Напослѣдокъ, между тѣмъ какъ оба Короля, и каждой въ своемъ лагерѣ велѣли пѣть *Тебе Бога хвалимъ*, принялъ онъ намѣреніе итти разсуждать о дѣйствіяхъ и причинахъ въ другомъ мѣстѣ. Перебравшись чрезъ костры мертвыхъ и умирающихъ, дошелъ онъ до ближней деревни: она была превращена въ пепелъ, и принадлежала Абарцамъ, которую Булгары выжгли по законамъ общенароднаго права. Въ одномъ мѣстѣ старики изколотые по всюду были свидѣтелями смерти закланныхъ своихъ женъ, державшихъ при окровавленныхъ грудяхъ дѣтей своихъ; въ другой сторонѣ дѣвушки, коимъ, по удовольствованіи естественныхъ надобностей нѣкотораго

котораго числа героевъ, выпущены были кишки, испускали послѣдния издыханія; другіе, сожженные до половины, кричали и просили, чтобъ ихъ предали поскорѣе смерти. Мозги разбросаны были по землѣ подлѣ отрубленныхъ рукъ и ногъ.

Кандидъ побѣжалъ оттуда, какъ скоро было можно, въ другую деревню: она принадлежала Булгарамъ, и Абарскіе герои поступили съ нею тѣмъ же самымъ порядкомъ. Кандидъ идучи безпрестанно или по трепещущимъ еще членамъ, или по разоренным мѣстамъ, выбрался наконецъ изъ военнаго театра, неся въ котомкѣ своей нѣсколько съѣстнаго припаса, и не выпуская никогда изъ памяти дѣвицу Кунигунду. Припасъ его изошелъ весь, какъ пришелъ онъ въ Голландію: но наслышавшись, что всѣ люди въ землѣ сей богаты, и что они всѣ Христіане, не сумнѣвался, чтобъ не пожилось ему тутъ также хорошо, какъ и въ замкѣ господина Барона, до изгнанія его оттуда за прекрасные глаза дѣвицы Кунигунды.

Онъ попросилъ у нѣкоторыхъ важнаго вида особъ милостины, которые всѣ ему отвѣчали, что естьли онъ ремесла сего не покинетъ, то посадятъ его въ покаянной домъ, гдѣ его научатъ, какъ жить.

Потомъ подошелъ онъ съ тѣмъ же къ одному человѣку, которой въ многочисленномъ собраніи говорилъ цѣлой часъ о человѣколюбіи. Ораторъ сей взглянувши на него косо спросилъ, за чѣмъ ты сюда пришелъ? Добрая ли причина твоему приходу? Нѣтъ никакого дѣйствія безъ причины, отвѣчалъ ему смиренно Кандидъ; все необходимо связано и устроено къ лучшему. Надобно было, чтобъ изгнали меня отъ дѣвицы

Кунигунды,

Кунигунды, чтобъ прогнали сквозь строй; а теперь надобно, чтобъ я просилъ милостины, покуда могу доставать себѣ хлѣбъ трудами: всему сему инако быть было не можно. Другъ мой, сказалъ ему Ораторъ, вѣришь ли ли ты, что Папа есть Антихристъ? Я объ етомъ еще никогда не слыхалъ, отвѣчалъ Кандидъ; но пусть ето правда, или нѣтъ, токмо мнѣ теперь недостаетъ куска хлѣба. Ты того и недостоинъ, сказалъ Ораторъ; поди мошенникъ, поди негодной, не кажись ко мнѣ никогда на глаза. Жена Ораторова выглянувши въ окошко, и увидѣвъ человѣка, которой сумнѣвается, что Папа не Антихристъ, вылила ему на голову цѣлой..... О небо! до какой чрезмѣрности можетъ простираться въ женщинахъ ревность къ вѣрѣ.

Одинъ человѣкъ, котораго никогда не крестили, добрый Анавапстистъ, по имяни Іаковъ, увидѣвши, что поступаютъ такъ безчеловѣчно и поносно съ однимъ изъ его братій, двуножнымъ и неперннатымъ существомъ, которое имѣетъ душу; взялъ его къ себѣ, отерѣ его, поставилъ ему хлѣба и пива, подарилъ два флорина, и хотѣлъ еще выучить его ткать на мануфактурахъ своихъ Персидскія матеріи, какія дѣлаютъ въ Голландіи.

Кандидъ, почти протянувшись предъ его ногами, вскричалъ въ восторгѣ: правду сказывалъ господинъ Панглосъ, что все на свѣтѣ дѣлается къ лучшему; потому что крайнее великодушіе ваше несравненно больше меня тронуло, нежели суровость господина сего въ черной епанчѣ и его сожительницы.

На другой день прогуливаючись увидѣлъ онъ нищаго, покрытаго по всюду ранами, глаза у него

него были какъ у мертваго, конецъ носа згнившій, ротъ на сторонѣ, зубы черные: онъ говорилъ въ носъ, и мучился такимъ жестокимъ кашлемъ; что за каждымъ пріемомъ выплевывалъ зубъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Какимъ случаемъ нашелъ Кандидъ прежняго своего Философіи учителя Доктора Панглоса, и что потомъ здѣлалось.

Кандидъ почувствовавъ въ себѣ больше жалости, нежели омерзѣнія, отдалъ страшному сему нищему тѣ два флорина, которые далъ ему честный его Анавантистъ Іаковъ. Страшилище посмотрѣло на него пристально, заплакало, и бросилось ему на шею. Кандидъ испужавшись отступилъ назадъ. Боже мой! сказалъ бѣдной бѣдному, не ужé ли не узналъ ты любезнаго твоего Панглоса: Что я слышу? Что! ты мой любезный учитель! ты въ такомъ ужасномъ состояніи! Какое же приключилось тебѣ нещастіе? Для чего не живешь ты еще въ наипрекраснѣйшемъ изъ всѣхъ замковъ? Что здѣлалось съ дѣвицею Кунигундою, красою всѣхъ дѣвицъ, наисовершеннѣйшимъ произведеніемъ естества? Я не могу отвѣчать, сказалъ Панглосъ. Кандидъ повелъ его тотчасъ въ Анавантистову работную избу, и далъ ему нѣсколько хлѣба. Какъ скоро Панглосъ оправился; скажи же мнѣ теперь, говорилъ онъ ему, о Кунигундѣ? Она умерла, отвѣчалъ гость. Кандидъ услышавъ слово сіе, упалъ въ обморокъ; другъ

другъ его возвратилъ ему чувства помощїю нѣсколька капель дурнаго уксусу, которой случился по щастїю въ избѣ. Кандидъ открылъ опять глаза: Кунигунда умерла! ахъ! наилучшїй изъ всѣхъ свѣтовъ! гдѣ ты? Да какою она болѣзнїю умерла? Не отъ того ли, что выгналъ меня батюшка ея пинками изъ прекраснаго своего зáмка? Нѣтъ, отвѣчалъ Панглосъ, Булгарскїе солдаты, удовольствовавщи надъ нею страсть свою сколько было можно, распороли ей брюхо; господину Барону, которой хотѣлъ ее защищать, прострѣлили голову; госпожу Баронессу изрубили въ куски; а съ бѣднымъ воспитанникомъ моимъ поступили точно, какъ и съ его сестрицею. Чтожъ касается до зáмка, то не осталось и камня на камнѣ, ни одной житницы, ни одной овцы, ни одной утки, ни одного дерева: но хорошо и имъ за насъ отмстили. Абарцы то же самое здѣлали съ сосѣдственнымъ Баронствомъ одного Булгарскаго господина.

Услышавъ сїе Кандидъ опять лишился чувствъ: но опамятовавшись и выговоривщи съ горести все, что въ такихъ случаяхъ обыкновенно говорятъ, спрашивалъ о причинѣ и дѣйствїи и о достаточномъ основанїи, какїя привели Панглоса въ толь жалостное состоянїе. Увы! сказалъ Филосовъ, любовь, любовь, утѣха рода человѣческаго, содержательница мїра, душа всѣхъ чувствительныхъ существъ, нѣжная любовь. Увы! сказалъ Кандидъ, и я познал сїю любовь, обладательницу сердецъ, сїю душу нашей души: я въ ней ничего не испыталъ, кромѣ исправнаго поцѣлуя и двадцати пинковъ съ зади. Но какимъ образомъ столь прекрасная причина могла произвести толь скаредное дѣйствїе?

Панглосъ

Панглосъ отвѣчалъ ему слѣдующее: О любезный мой Кандидъ! ты зналъ Пакетту, ту пригожую служанку нашей свѣтлѣйшей Баронессы. Я вкушалъ въ объятіяхъ ея райскія сладости, кои произвели сіи адскія мученія, которыми меня видите снѣдаема: она была ими заражена, а можетъ быть отъ того уже и умерла. Пакетта получила подарокъ сей отъ одного весьма ученаго Францисканскаго Монаха; и онъ происходилъ изъ самаго своего источника. Онъ достался ему отъ одной старой Графини, которая приняла его отъ драгунскаго Капитана. Капитанъ долженъ былъ имъ нѣкоторой Маркизѣ, Маркиза Пажу, а Пажъ одному Езуиту, которой будучи еще ученикомъ, досталъ его въ прямой линіи отъ одного изъ товарищей Христофора Колумба; а я его уже никому не отдамъ; я вижу, что моя смерть приближается.

О Панглосъ! вскричалъ Кандидъ, какое странное родословіе! конечно самъ дьяволъ его былъ корнемъ. Никакъ, отвѣчалъ сей великій мужъ, дѣло сіе въ наилучшемъ изъ всѣхъ свѣтовъ необходимо было надобно, оно нужно къ его составленію: ибо, естьли бы Колумбъ не заразился на одномъ изъ Американскихъ острововъ сею болѣзнію, которая вливаетъ ядъ въ источникъ дѣтородства, а часто оному и препятствуетъ, и которая очевидно противуборствуетъ великому намѣренію естества, то не было бы у насъ ни шоколаду ни кошенили. Сверьхъ того надобно примѣтить и то, что болѣзнь сія въ нашей твердой землѣ особенно свойствена только намъ такъ, какъ и споры за вѣру. Турки, Индѣйцы, Персіане, Китайцы, Сіамцы и Японцы оныя еще не знаютъ; однако есть достаточное основаніе,

что чрезъ нѣсколько вѣковъ будетъ она извѣстна и у нихъ. А между тѣмъ она у насъ ужасно ужѐ распространилась; а особливо усилилась она въ сихъ великихъ армїяхъ, состоящихъ изъ честныхъ наемныхъ героевъ, которые рѣшатъ судбину государствъ. Можно на вѣрное положить, что когда 30 тысячь человѣкъ бьются въ баталїи противъ толикагожъ числа другихъ, то ужѐ конечно съ обѣихъ сторонъ человѣкъ тысячь по двадцати есть зараженныхъ.

Какъ ето удивительно, сказалъ Кандидъ; но надобно тебѣ вылѣчиться. Да какъ мнѣ вылѣчиться, сказалъ Панглосъ, у меня нѣтъ ни полушки денегъ; а на всемъ семъ обширномъ шарѣ нѣтъ средства ни крови пустить, ни клистиръ себѣ поставить, не заплатя за то денегъ, или естьли не заплатитъ за насъ кто другой.

Сїи послѣднїя слова Кандида тронули: онъ упалъ къ ногамъ человѣколюбиваго Анаваптиста Іакова, и описалъ ему состоянїе прїятеля своего такъ живо, что сей добродушный человѣкъ взялъ тотчасъ доктора Панглоса къ себѣ въ домъ, и велѣлъ его вылѣчить на свой щетъ. Панглосъ лишился во время лѣченїя только одного глаза и одного уха. Онъ умѣлъ хорошо писать, и зналъ совершенно ариѳметику. Анаваптистъ Іаковъ здѣлалъ его своимъ Букгалтеромъ. Будучи принужденъ по торговымъ своимъ дѣламъ чрезъ два мѣсяца ѣхать въ Лиссабону: взялъ онъ съ собою въ корабль и двухъ своихъ Философовъ.

Панглосъ толковалъ ему, какимъ то образомъ здѣлано на свѣтѣ все такъ, что лучше не можно: Іаковъ думалъ инако. По етому, говорилъ онъ, люди природу свою нѣсколько испор-

тили

тили; ибо, хотя они и не рождены волками, однако здѣлались волками. Богъ не далъ имъ ни пушекъ 24 фунтовыхъ, ни штыковъ; а они здѣлали себѣ для умерщвленія другъ друга и штыки и пушки. То же самое можно сказать и о банкерошахъ, и о правосудіи, которое ко вреду заимодавцовъ захватываетъ имѣнія банкеротовъ въ свои руки. Всему сему надобно было необходимо такъ быть, отвѣчалъ кривой докторъ: нещастія частныхъ людей составляютъ общее добро, такъ что чѣмъ больше бываетъ частныхъ нещастій, тѣмъ больше отъ того всеобщаго добра происходитъ. Между тѣмъ, какъ онъ о семъ разсуждалъ, воздухъ помрачился, вѣтры стали дуть со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта, и преужасная буря захватила корабль въ виду Лиссабонской гавани.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Буря, разбитіе корабля, трясеніе земли, и что здѣлалось съ докторомъ Панглосомъ, съ Кандидомъ и съ Анабаптистомъ Іаковомъ.

Половина ослабѣвшихъ пассажировъ, издыхающихъ отъ несносной тоски причиняемой колебаніемъ корабля, которое всѣ нервы и всѣ соки тѣла человѣческаго приводитъ въ движеніе противное естественному разположенію и порядку, не имѣли силы и мыслить объ опасности. Прочіе кричали и молились; парусы всѣ были изорваны, машты переломаны, въораблѣ здѣлалось отверстіе. Работалъ кто только могъ; никто ни кого не

слушался, и никто не повелѣвалъ. Анавапшистъ пособлялъ по возможности; онъ стоялъ на декѣ; одинъ бѣшеной матросъ ударилъ его изъ всей силы, и повергъ на полъ; но приданномъ ему ударѣ столь сильно размахнулся, что самъ стремглавъ слетѣлъ съ корабля. По случаю зацѣпился онъ за обломокъ машты, и повисъ. Добродушный Іаковъ бросился ему помогать, встащилъ его на корабль, но стараючись его избавить, упалъ самъ въ море; а матросъ видя сіе не токмо ему не помогъ, но и смотрѣть на него не хотѣлъ. Кандидъ прибѣжалъ, видитъ своего благодѣтеля въ крайней опасности; но онъ вынырнулъ изъ воды на минуту, и поглощенъ ею былъ на вѣки. Кандидъ хочетъ броситься за нимъ въ море, но Философъ Панглосъ его удерживаетъ, доказывая ему, что Лиссабонская рейда здѣлана нарочно для того, чтобъ Анавапшистъ сей тамъ утонулъ. Между тѣмъ, какъ онъ сіе доказывалъ *à priori*, (умствованіями) корабль разсѣлся, и всѣ потонули кромѣ Панглоса, Кандида и того грубіяна матроса, который утопилъ добродѣтельнаго Анавапшиста: бездѣльникъ выплылъ по щастію на берегъ, а Панглосъ и Кандидъ добрались до онаго на доскѣ.

Собравшись нѣсколько съ силами пошли они въ Лиссабону: у нихъ осталось еще немного денегъ, съ помощію которыхъ надѣялись они избавиться отъ голоду, свободившись отъ бури.

Едва только переступили они въ городъ, оплакивая смерть своего благодѣтеля, то почувствовали подъ ногами трясеніе земли; море кипитъ и поднимается въ гавани, и ломаетъ стоящіе на якоряхъ корабли. Пламенный и пепельный вихрь покрываетъ улицы и площади, домы рушатся,

шатся, кровли валятся на свои стѣны, а стѣны разсыпаются; тритцать тысячь человѣкъ жителей обоего пола и большихъ и малыхъ погибли подъ развалинами. Матросъ свисталъ и клялся, говоря, что тутъ есть чѣмъ поживиться. Какое бы достаточное основанїе могло быть сему произшествїю? сказалъ Панглосъ. Пришло преставленїе свѣту, вскричалъ Кандидъ. Матросъ бросается тотчасъ въ средину развалинъ, презираетъ смерть, и ищетъ денегъ; находитъ, беретъ, напивается пьянъ, а проспавшись насыщаетъ свое желанїе съ перьвою попавшеюся ему услужливою женщиною на развалинахъ испроверженныхъ домовъ и среди умирающихъ и мертвыхъ. Панглосъ тянулъ его между тѣмъ за рукавъ; другъ мой, говорилъ онъ ему, ето очень дурно, ты поступаешь противъ здраваго разума, теперь ли время ето дѣлать? Ну къ чорту! услышалъ онъ въ отвѣтъ, что мнѣ нужды, я матросъ, и родился въ Батавїи; я ѣздилъ четыре раза въ Японїю, и четыре раза ступалъ на распятїе; нашолъ ты человѣка разсказывать про здравой разумъ!

Нѣсколько каменныхъ обломковъ ранили Кандида: онъ лежалъ протянувшись на улицѣ будучи покрытъ оными. Увы! говорилъ онъ Панглосу, достань мнѣ сколько нибудь вина и масла! я умираю. Землетрясенїе сїе не представляетъ намъ ничего новаго, отвѣчалъ Панглосъ; тоже самое было прошлаго года и въ Америкѣ въ городѣ Лимѣ; тѣже самыя причины, тѣже самыя дѣйствїя; конечно лежитъ отъ Лимы до Лиссабоны сѣрная подъ землею жила. Ето весьма вѣроятно, сказалъ Кандидъ; но Бога ради принеси мнѣ нѣсколько масла и вина. Какъ вѣроятно! отвѣчалъ

 Философъ,

Философъ, я утверждаю, что ето уже доказано. Кандидъ лишился чувствъ; а Панглосъ принесъ ему нѣсколько воды изъ ближайшаго истрочника.

На другой день ползая между развалинами нашли они нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, и немного поооправились. Потомъ работали съ прочими, и помогали спасшимся отъ смерти жителямъ. Нѣкоторые граждане, которымъ они пособили, накормили ихъ изряднымъ обѣдомъ, какой только можно было здѣлать въ такомъ бѣдствіи. Правда, что пиръ сей былъ печальный, и возлежащіе орошали хлѣбъ слезами; но Панглосъ ихъ утѣшалъ, увѣряя, что инако быть было не возможно: потому что приключеніе сіе, говорилъ онъ, есть изъ всѣхъ наилучшее; потому что, естьли находится огнедышущая пропасть въ Лиссабонѣ, то уже въ другомъ мѣстѣ быть ей было не льзя; потому что не возможно, чтобъ что нибудь не было тамъ, гдѣ оно есть; потому что все здѣлано хорошо.

Низинкой черный человѣкъ, служитель Инквизиціи, стоя подлѣ него, сказалъ ему учтивымъ образомъ: конечно, государь мой, не вѣрите вы и первородному грѣху? понеже, естьли все здѣлано наилучшимъ образомъ, то не было ни паденія, ни наказанія.

Всепокорнѣйше прошу ваше преподобіе не прогнѣваться, отвѣчалъ Панглосъ еще съ большею учтивостію; понеже паденіе перьваго человѣка и проклятіе въ наилучшемъ изъ возможныхъ свѣтовъ было необходимо надобно. Такъ не вѣрите вы по етому, государь мой, что намъ дана воля? сказалъ служитель. Извините ваше преподобіе, отвѣчалъ Панглосъ: вольность можетъ совмѣстна быть съ необходимою надобностью,

ностью, потому что необходимо было надобно, чтобъ мы имѣли волю. Ибо наконецъ воля ограниченная... Въ срединѣ сего Панглосова разговора служитель далъ знакъ головою своему приставу, который наливалъ и подавалъ ему Портское или Оппортское вино.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Какимъ образомъ здѣлано было великолѣпное инквизицїонное *auto-da-fe* (сожженїе) для отвращенїя землетрясенїя, и какъ Кандида сѣкли.

По прошествїи землетрясенїя, разрушившаго три части города Лиссабоны, разумные въ государствѣ люди не могли выдумать надежнѣйшаго средства къ предупрежденїю совершеннаго разоренїя, какъ представить народу великолѣпное позорище, называемое у нихъ *auto da fe*. Въ Коимбрскомъ Университетѣ рѣшили, что мѣдлительное сожженїе нѣсколькихъ человѣкъ съ великою церемонїею есть несумнительное таинство къ удержанїю земли отъ трясенїя.

Въ семъ намѣренїи схватили одного Бискайца обличеннаго въ томъ, что женился онъ на кумѣ; и двухъ Португальцовъ, которые ѣвши цыпленка вырывали изъ него вѣтчинное сало. А послѣ обѣда пришли вязать и доктора Панглоса и ученика его Кандида: одного за то, что говорилъ; а другова за то, что слушалъ съ нѣкоторымъ видомъ одобренїя. Повели обѣихъ въ разные покои, весьма умѣренной теплоты, въ которыхъ солнце никогда не обезпокоивало. Чрезъ

восемь

восемь дней нарядили ихъ въ Санбениту (одежда, которую надѣваютъ на приговоренныхъ къ сожженію,) а головы ихъ украсили бумажными вѣнцами; на вѣнцѣ и Санбенитѣ Кандидовой изображены были пламя пылающее съ верьху внизъ, и діаволы неимѣющіе ни хвостовъ, ни когтей: а Панглосовы діаволы были и съ когтями и съ хвостами, и пламя пылало въ верьхъ. Въ убранствѣ семъ шли они въ провожаніи всего города, и слушали проповѣдь, сочиненную весьма въ сильныхъ выраженіяхъ; послѣ которой началась преизрядная музыка плачевнаго напѣва. Кандида сѣкли во время пѣнія въ тактъ; Бискайца и тѣхъ двухъ человѣкъ, которые не хотѣли ѣсть свинаго сала сожгли, а Панглоса повѣсили, хотя это было и не очень употребительно. Тогожъ еще самаго дня тряслась опять земля съ ужаснымъ трескомъ.

Кандидъ въ ужасѣ, въ изумленіи и безъ памяти, изсѣченъ до крови, и трясучись весь разсуждалъ самъ съ собою: естьли и этотъ свѣтъ изъ всѣхъ возможныхъ есть наилучшій, то что уже думать о прочихъ? Пусть бы меня только высѣкли; я уже былъ сѣченъ и у Булгаровъ; но ты любезный мой Панглосъ, наипремудрѣйшій изъ всѣхъ Философовъ! надобно ли, чтобъ я видѣлъ тебя повѣшеннаго, не знаючи за что? О любезный мой Анавапгистъ, наилучшій изъ всѣхъ человѣковъ, надобно ли, чтобъ утонулъ ты въ гавани! О Кунигунда, краса всѣхъ дѣвицъ, надобно ли, чтобъ разпороли тебѣ брюхо?

Онъ побрелъ оттуда такъ, что едва могъ волочить ноги, просвѣщенъ проповѣдію, высѣченъ, разрѣшенъ и благословленъ, какъ подошла къ нему старуха, и сказала: ободрись дитятко, и поди за мною.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какое старуха имѣла попеченіе о Кандидѣ, и какъ нашелъ то, что любилъ.

Кандидъ нимало не ободрился; однако пошелъ за старухою въ вѣтхой домикъ: она дала ему горшечикъ помады мазать тѣло, и оставила ему ѣсть и пить; показала маленкую нарочито опрятную постелю; а подлѣ постели лежала перемѣна платья. Ѣшь, пей и спи, сказала она ему, я препоручаю тебя въ покровительство Атохской Богородицѣ и святымъ великимъ угодникамъ Антонію Падуанскому и Іакову Компостельскому; я приду къ тебѣ завтра. Кандидъ удивляясь безпрестанно всему тому, что онъ видѣлъ, и что вытерпѣлъ, а еще больше человѣколюбію старухи, хотѣлъ поцѣловать у ней руку. Не мою руку надобно цѣловать, сказала старуха; я приду завтра, мажься помадою, ѣшь и пей.

Кандидъ, не смотря на вcѣ сіи нещастія, поѣлъ и заснулъ. На другой день принесла ему старуха позавтракать, осмотрѣла ему спину, помазала его сама другою помадою, потомъ принесла ему обѣдать; подъ вечеръ пришла опять, и принесла ужинать. На третій день дѣлала съ нимъ тѣже самыя церемоніи. Кто вы таковы? спрашивалъ у ней всякой разъ Кандидъ, для чего вы ко мнѣ столь милостивы? чѣмъ могу я вамъ за то благодарить? Попечительная старушка не отвѣчала ему на то ни слова: вечеромъ пришла она опять, и ужинать уже не принесла. Подите со мною, сказала она, и не говорите

рите ни слова. Она беретъ его подъ руку, и ведетъ его въ деревню, около четверти мили отстоящую: напослѣдокъ приходятъ къ одному особенно стоящему дому, окруженному садами и каналами. Старуха постучала въ маленькія дверцы: они отворились; а старушка вводитъ его по потаенной лѣсницѣ въ вызолоченный повсюду кабинетъ, сажаетъ на парчевое канапе, запираетъ двери и уходитъ. Кандидъ думаетъ, что онъ спитъ: онъ почиталъ всю свою жизнь не инако, какъ бѣдственнымъ сномъ, а сію минуту сномъ пріятнымъ.

Старуха появилась тотчасъ опять: она съ немалымъ трудомъ вела подъ руку дрожащую женщину величественнаго вида, блестящую дорогими каменьями, и накрытую покрываломъ. Сними ето покрывало, сказала старуха Кандиду. Сей молодой человѣкъ подходитъ, снимаетъ покрывало робкою рукою. Какая минута! какое удивленіе! ему показалось, что видитъ онъ дѣвицу Кунигунду. Онъ и дѣйствительно видѣлъ ее, и ето была она. Ноги у него подломились, и онъ не можетъ выговорить ни одного слова, упадаетъ къ ея ногамъ; а Кунигунда упала на канапе. Старуха льетъ на нихъ крѣпкія воды: они приходятъ въ чувство, и разговариваютъ: сперьва начались пресѣкающіяся слова, вопросы и отвѣты безъ всякаго порядка, вздохи, слезы и восклицанія. Старуха совѣтуетъ имъ, чтобъ они не столько шумѣли, и оставляетъ ихъ въ покоѣ. Что я вижу! вы ли ето? сказалъ ей Кандидъ. Вы еще живы! я нахожу васъ въ Португалліи! По етому не здѣлали вамъ и насильства? по етому, не разпороли вамъ и брюха, такъ какъ увѣрялъ меня Философъ Панглосъ? Все ето

было,

было, отвѣчала прекрасная Кунигунда; однако отъ сихъ двухъ приключенiй не всегда умираютъ. Но правда ли то, что батюшку и матушку вашихъ убили? Убили, сказала Кунигунда со слезами; а братецъ вашъ? и братца также убили. Да за чѣмъ же вы прiѣхали въ Португаллiю, почему вы узнали, что я здѣсь? и какимъ страннымъ случаемъ велѣли вы привести меня въ етотъ домъ? Я тебѣ все раскажу, отвѣчала Кунигунда; но скажи ты мнѣ прежде, что съ тобою происходило съ самаго того невиннаго вашего поцѣлуя, и съ тѣхъ поръ, какъ выгнали васъ пинками.

Кандидъ исполнилъ повелѣнiе ея съ глубокимъ почтенiемъ; и хотя онъ былъ въ крайнемъ смущенiи, хотя голосъ у него былъ слабъ и дрожалъ, хотя спина у него еще не мношко и болѣла; однако расказалъ ей самымъ откровеннымъ сердцемъ все, что онъ со времяни разлуки ихъ ни претерпѣлъ. Кунигунда возводила глаза на небо, и поплакала по добродушномъ Анавантистѣ и по Панглосѣ; а потомъ начала расказывать слѣдующее Кандиду, которой слушалъ съ великимъ вниманiемъ, и не спускалъ съ нее глазъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Приключенiя Кунигунды.

Я лежала на постелѣ и очень крѣпко спала, какъ наслало небо Булгаровъ на прекрасный нашъ замокъ Тгун-дер-тенъ-тронгъ; батюшку и братца они задавили, а матушку изрубили въ

вЪ куски. ОдинЪ большой БулгарЪ, вышиною вЪ шесть футовЪ, увидя, что я при случаѣ семЪ лишилась чувствЪ, началЪ дѣлать мнѣ насильство; я отЪ того опомнилась, пришла вЪ чувство, стала кричать, биться, кусать, царапать, хотѣла выдрать страшному сему Булгару глаза̀, не зная того. что все приключившееся за̀мку батюшки моего было дѣло обычайное: грубїанЪ далЪ мнѣ рану ножемЪ вЪ лѣвой бокЪ, которая еще и теперь видна. Увы! я надѣюсь, что я ея увижу, сказалЪ простодушный КандидЪ. Я тебѣ ее покажу, отвѣчала Кунигунда, а теперь буду продолжать. Продолжайте, сказалЪ КандидЪ.

Она зачала опять слѣдующимЪ образомЪ: вдругЪ вошелЪ Булгарской КапитанЪ, онЪ увидѣлЪ меня всю вЪ крови, а солдатЪ не смотря на него дѣлалЪ, что ему было надобно. КапитанЪ разсердился, что грубїанЪ сей имѣетЪ кЪ нему столь мало почтенїя, и убилЪ его лежа̀щаго на мнѣ. Пото̀мЪ велѣлЪ меня лѣчить, и повезЪ какЪ военноплѣнницу вЪ свой лагерь. Я перемывала у него нѣсколько рубахЪ, готовила ему кушанье; я ему полюбилась, признаюсь, такЪ какЪ должна сказать и то, что и онЪ былЪ очень пригожЪ, и тѣло имѣлЪ бѣлое и гладкое; вЪ прочемЪ былЪ глупЪ и худой ФилософЪ; видно было, что не докторЪ ПанглосЪ его воспиталЪ. По прошествїи трехЪ мѣсяцовЪ, проигравши всѣ свои деньги, а притомЪ какЪ я ему наскучила, продалЪ онЪ меня Жиду, именемЪ Дону Исахару, который торговалЪ вЪ Голландїи и вЪ Португаллїи, и любилЪ страстно женскїй полЪ. ЖидЪ сей очень ко мнѣ привязался, однако склонить меня не могЪ; я ему сильнѣе противилась, нежели Булгарскому солдату. Честной женщинѣ можно

здѣлать

здѣлать насильствіе одинъ разъ. но тѣмъ болѣе утверждается ея добродѣтель. Жидъ, чтобъ короче со мною познакомиться, отвезъ меня въ сей загородный домъ. Я думала по сіе время, что нѣтъ на свѣтѣ ничего прекраснѣе Тгун-дер-тенъ-тронкгскаго замка; но теперь вижу противное.

Однажды увидѣлъ меня въ церькви великій Инквизиторъ: онъ посматривалъ на меня очень прилѣжно, и велѣлъ мнѣ сказать, что имѣетъ нужду поговорить со мною о тайномъ дѣлѣ. Привели меня въ его палаты, я объявила ему мою породу: онъ представлялъ мнѣ, сколь поносно женщинѣ моего состоянія принадлежать Израильтянину. Дону Исахару предложено было съ его стороны, чтобъ уступилъ онъ меня его высокопреподобію. Донъ Исахаръ, будучи придворный банкиръ и человѣкъ богатый, не хотѣлъ о томъ и слышать. Инквизиторъ грозилъ ему Ауто-дафеемъ (сожженіемъ) Напослѣдокъ Жидъ мой испужавшись окончилъ торгъ тѣмъ, чтобъ домъ и я принадлежали имъ вообще, и что Жидъ будетъ хозяиномъ по понедѣльникамъ, средамъ и по суботамъ; а Инквизиторъ по прочимъ днямъ недѣли. Теперь уже прошло полгода, какъ договоръ сей состоитъ въ своей силѣ. Однако было не безъ хлопотъ: ибо часто происходилъ споръ, къ старому ли, или къ новому завѣту принадлежитъ ночь съ субботы на воскресенье. Чтожъ до меня касается, то я еще по нынѣ ни тому ни другому не здалась, и думаю, что за тѣмъ только меня по сіе время и любятъ.

Напослѣдокъ для отвращенія землетрясенія, и чтобъ испужать Дона Исахара, вздумалось его высокопреподобію Инквизитору праздновать Ауто-да-фе.

то-да-фе. Онъ здѣлалъ мнѣ ту честь, что пригласилъ меня на оное торжество. Мнѣ дали очень хорошее мѣсто; женщинамъ между мшею и эксекуцїею подаваны были конфекты. Я признаюсь, что видя горящихъ двухъ Жидовъ и того честнаго Бискайца, которой женился на кумѣ, чувствовала я въ себѣ крайнее сострадание: но въ какое пришла я удивленїе, въ ужасъ и въ смущенїе, увидѣвши въ Санбенитѣ и въ митрѣ лице, походящее на Панглоса! Я протирала себѣ глаза, разсматривала пристально, и увидѣла, что его повѣсили: я упала въ обморокъ, но только лишь опамятовалась, то увидѣла тебя раздѣтаго до нага: тутъ ужѐ пришла я въ совершенной ужасъ, въ смущенїе, печаль и отчаянїе. Я скажу тебѣ безпристрастно, что тѣло у тебя еще бѣлѣе и нѣжнѣе, нежели у моего Булгарскаго Капитана. Увидя сїе всѣ внутреннїя движенїя, которыя сердце мое обременяли и пронзали, умножились еще больше. Я вскричала, хотѣла сказать постойте варвары; но языкъ мой болѣе не дѣйствовалъ, и крикъ мой былъ бы тщетенъ, какъ ужѐ тебя высѣкли. Можно ли, говорила я сама въ себѣ, чтобъ любезный мой Кандидъ и премудрый Панглосъ прїѣхали въ Лиссабону за тѣмъ, чтобъ одного безъ милости высѣкли, а другаго повѣсили, по приказу его высокопреподобїя Инквизитра, у котораго я любовницею? Панглосъ видно ужасно меня обманулъ, когда мнѣ говаривалъ, что все на свѣтѣ дѣлается наилучшимъ образомъ. Отъ крайняго безпокойства и горести, иногда лишалась я чувствъ, иногда отъ слабости была при послѣднемъ издыханїи. Мнѣ воображались безпрестанно убїенїе отца моего, матери и брата, грубость того мерзкаго Булгарскаго солдата, которой

торой далъ мнѣ ножемъ рану, рабство мое и должность поварихи, Булгарской мой Капитанъ, безобразной Донъ Исахаръ, проклятый мой Инквизиторъ, повѣшенный докторъ Панглосъ, молебное сiе пѣнiе, во время котораго тебя сѣкли, а особливо послѣднiй мой съ тобою за ширмами поцѣлуй въ тотъ день, въ которой я въ послѣдней разъ съ тобою видѣлась. Я благодарила Бога, что возвратилъ мнѣ тебя по такихъ искушенiяхъ. Приказала моей старухѣ, чтобъ она о тебѣ имѣла попеченiе, и привела бы тебя сюда, какъ скоро будетъ возможно. Она исполнила приказъ мой съ совершенною исправностiю. Я чувствую теперь то несказанное удовольствiе, что тебя вижу, слышу, и съ тобою говорю. Я думаю, что ты ужасно голоденъ, и мнѣ также хочется ѣсть, начнемъ ужинать.

Оба они сѣли за столъ, а послѣ ужина возвратились на то богатое канапе, о которомъ я прежде говорилъ: они тутъ сидѣли, какъ вошелъ къ нимъ господинъ Исахаро, одинъ изъ хозяевъ дома. День тотъ былъ субботный, и онъ пришелъ пользоваться своими правами, и изъяснять нѣжную свою любовь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Что здѣлалось съ Кунигундою, съ Кандидомъ, съ великимъ Инквизиторомъ и съ Жидомъ.

Исахаръ сей былъ такъ сердитъ и вспыльчивъ, что подобнаго ему во всемъ Израилѣ не бывало съ самаго Вавилонскаго плѣна. Какъ! сказалъ онъ, проклятая Галилеянка, тебѣ не довольно еще и

Инквизитора? Надобно, чтобъ дѣлился со мною и етотъ бездѣльникъ? Выговоривши сїе выхватилъ онъ кинжалъ, которой всегда у него былъ въ запасѣ, и не думая, чтобъ у соперника его было также оружїе, бросился на Кандида: но Вестфалецъ нашъ получилъ отъ старухи съ платьемъ и шпагу, Онъ ее тотчасъ обнажилъ, хотя былъ и весьма тихаго нрава, и повергъ Израильтянина мертваго на полъ передъ ногами Кунигунды.

Боже мой! вскричала она, до чего мы дойдемъ? Человѣкъ убитъ въ моемъ домѣ! естьли объ етомъ провѣдаютъ, то мы погибли. Естьли бы не повѣсили Панглоса, сказалъ Кандидъ, то онъ далъ бы намъ въ такой крайности полезный совѣтъ; потому что онъ былъ великїй Философъ. А какъ его ужѐ нѣтъ, то посовѣтуемъ съ старухою. Старуха была очень умна, и начала было ужѐ предлагать свое мнѣнїе, какъ отворились другїя маленькїя дверцы. Ужѐ било часъ за полночь, а ето было начало воскресенья. День сей принадлежалъ его высокопреподобїю Инквизитору. Онъ вошелъ, и видитъ сѣченнаго Кандида, стоящаго съ обнаженною шпагою, а на полу мертвое тѣло, Кунигунду испужавшуюся, а старуху дающую совѣты.

Кандидъ при свиданїи семъ разсуждалъ самъ въ себѣ слѣдующимъ образомъ: естьли святый мужъ сей закричитъ, и будетъ требовать помощи, то онъ меня вѣрно сожетъ, а можетъ быть тоже здѣлаетъ и съ Кунигундою; онъ меня сѣкъ безъ милости; онъ мой соперникъ; я теперь людей убивать разохотился, не о чемъ думать. Разсужденїе его было просто и скоропостижно, такъ, что онъ не давши еще Инквизи-

тору

тору времени опомниться, проколол его насквозь, и положил подле Жида. Вот и того еще лучше, сказала Кунигунда! теперь уже нам нет прощенія; мы прокляты, и пришел последній час нашей жизни. Каким образом мог ты, будучи с природы так тих, убить в две минуты и Жида и священную особу? Прекрасная Кунигунда, отвечал Кандид, когда кто влюблен, ревнив, и сечен от Инквизиціи, тот и сам себя не помнит.

Старуха начала тут говорить следующим образом: в конюшне стоят три Андалузскія лошади, для которых есть седла и узды; пусть их храбрый Кандид оседлает; у вас сударыня есть несколько мойядоров и бриллїантов; сядем тотчас верьхами, хотя мне и не инако, как одною половиною сидеть можно, и поскачем в Кадикс; погода теперь самая хорошая, а притом и очень весело ехать в прохладное ночное время.

Кандид оседлал тотчас лошадей. Кунигунда, старуха, и он уехали тритцать миль не кормя. Между тем, как они удаляются, прїехали в дом посланные из Сент Германдадскаго суда; тело его высокопреподобїя погребли в изрядной церькве, а Исахара бросили в живодерную яму.

Кандид, Кунигунда и старуха добрались уже до Авацены небольшаго городка, лежащаго между Сїерро-Моренскими горами, и разговаривали сидя в корчме следующее.

ГЛАВА

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ВЪ какомЪ страхѢ КандидЪ, Кунигунда и старуха прїѢхали вЪ КадиксЪ, и какимЪ образомЪ отправились вЪ море.

Кто же укралЪ у меня мои пистоли и брилїанты? говорила вЪ слезахЪ Кунигунда; чѢмЪ мы будемЪ жить, что станемЪ дѢлать, гдѢ найду теперь ИнквизиторовЪ и ЖидовЪ, которые надѢлили бы меня другими? Увы, сказала старуха, я очень подозрѢваю одного честнаго отца Францисканскаго монаха, которой ночевалЪ вчера вмѢстѢ сЪ нами вЪ БадаїосѢ: Боже меня избавь отЪ такого дерзскаго подозрѢнїя! однако я видѢла, что онЪ два раза входилЪ вЪ нашу горницу, и уѢхалЪ гораздо прежде насЪ. Увы! сказалЪ КандидЪ, другЪ нашЪ ПанглосЪ часто мнѢ доказывалЪ, что земное богатство есть всѢмЪ людямЪ общее, и что всѢ имѢютЪ на него равное право. Монаху сему надлежало бы по силѢ такого правила оставить намЪ столько, чтобЪ мы путь нашЪ окончать могли. И такЪ у васЪ ничего не осталось, прекрасная Кунигунда? Ни одного мараведиса, отвѢчала она. ЧтожЪ теперь дѢлать? сказалЪ КандидЪ. ПродадимЪ одну лошадь, говорила старуха. Я сяду сЪ дѢвицею на одну лошадь по зади ее, хотя мнѢ не инако, какЪ одною половиною сидѢть можно, и доѢдемЪ до Кадикса.

ВЪ томЪ же самомЪ постояломЪ дворѢ случился ПрїорЪ Бенедиктинскаго ордена, и купилЪ лошадь у нихЪ недорогою цѢною. КандидЪ, Кунигунда

нигунда и старуха ѣхали чрезъ Лицену, Хиласъ, Лебриксу, и прибыли напослѣдокъ въ Кадиксъ. Въ то время тамъ вооружали флотъ, и собирали войско для усмиренія честныхъ отцовъ Парагайскихъ Езуитовъ, о которыхъ говорили, что они возмутили одну изъ своихъ ордъ противъ Гишпанскаго и Португальскаго Королей, близъ города Сентъ Сакрамента. Кандидъ побывавши въ Булгарской службѣ дѣлалъ экзерцицïи по Булгарскому манеру передъ Генераломъ сей маленькой арміи такъ прïятно, скоро, проворно, гордо и поворотливо, что дали ему тотчасъ въ комманду одну пѣхотную роту. Теперь онъ Капитанъ, и сѣлъ въ корабль съ дѣвицею Кунигундою, съ старухою, съ двумя слугами и съ двѣмя Андалузскими лошадьми, которыя принадлежали прежде господину великому Инквизитору Португальскому.

Во весь путь разсуждали они очень много о Философіи бѣднаго Панглоса. Мы ѣдемъ въ другой свѣтъ, говорилъ Кандидъ; конечноето самой тотъ, гдѣ все хорошо. А что до нашего принадлежитъ, то надобно признаться, что жить въ немъ, и въ разсужденіи Физики и въ разсужденіи Морали нѣсколько трудновато. Я тебя всѣмъ сердцемъ люблю, говорила Кунигунда; но не могу еще забыть всего того, что я видѣла, и что претерпѣла. Теперь все будетъ хорошо, отвѣчалъ Кандидъ, и море сего новаго свѣта ужѐ лучше нашихъ Европейскихъ морей: оно гораздо тише, и вѣтры дуютъ постояннѣе. Конечно етотъ-то новый свѣтъ изъ всѣхъ возможныхъ есть наилучшій. Дай Богъ, чтобъ ето была правда, говорила Кунигунда; но въ нашемъ свѣтѣ поступали со мною такъ безчеловѣчно,

 что

что я ужѣ почти ничего лучшаго не надѣюсь. Вы жалуетесь, сказала имъ старуха. Увы! вы еще такихъ нещастій не видали, какъ я. Кунигунда чуть не засмѣялась; старуха показалась ей очень смѣшною, что хотѣла быть нещастнѣе ея. Ахъ! говорила она ей, свѣтъ мой, по крайней мѣрѣ не отнята у тебя честь Булгарами, не дано тебѣ раны ножемъ въ брюхо, не срыли у тебя замка, не убили при твоихъ глазахъ матери и отца, и не видала ты, чтобъ сѣкли въ Ауто-да-фе твоего любовника; я не знаю, чѣмъ бы ты у меня взяла преимущество. Подумай сверьхъ всего, что я происходя отъ 72 колѣна Баронскаго была поварихою. Государыня моя, отвѣчала старуха, вы еще не знаете, какой породы я; и естьлибъ показала я вамъ мой задъ, то бы вы конечно такъ не говорили, и отложили бы на время ваше мнѣніе. Слова сіи произвели въ Кунигундѣ и въ Кандидѣ крайнее любопытство. Старуха начала разсказывать слѣдующимъ образомъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Приключенія старухи.

Не всегда были у меня глаза гноючіе и красные, носъ мой не всегда касался подбородка, и не всегда была я служанкою. Я дочь Папы Урбана X. и Принцессы Палестринской. До четырнадцати лѣтъ воспитали меня въ такихъ палатахъ, для которыхъ всѣ замки Нѣмецкихъ вашихъ Бароновъ и въ конюшни не годились: одно изъ моихъ платьевъ стояло больше, нежели всѣ великолѣпія Вестфальскія; съ лѣтами возрастала и красота

сота моя, пріятности и дарованія; со всѣхъ сторонъ окружена была я веселостями, почтеніемъ и надеждами. Уже плѣняла я сердца. Шея моя начинала выравниваться; но надобно знать какая шея! бѣлая, какъ снѣгъ, полная и статная, какъ у Медицейской Венеры; какіе глаза! какіе вѣки! какія черныя брови! какій огонь блисталъ въ моихъ глазахъ! онъ затмѣвалъ блистаніе звѣздъ, такъ какъ увѣряли меня въ томъ наши Стихотворцы. Женщины, которыя меня одѣвали и раздѣвали, видя меня съ переди и съ зади, приходили въ восхищеніе; а мужчины всѣ желали быть на ихъ мѣстѣ.

Я обручена была самодержавному Принцу Масса-Карарскому; но какому Принцу! столь же прекрасному, какъ и я, украшенному тихимъ и пріятнымъ нравомъ, блистающему разумомъ и горящему любовію. Я любила его такъ, какъ любятъ въ первый разъ, то есть даже до обоженія и чрезмѣрности. Къ сочетанію нашему все уже было приготовлено. По всюду видно было неслыханное торжество и великолѣпіе; пиры, карусели, безпрерывныя веселыя оперы, и вся Италія дѣлала въ честь мнѣ сонннеты, изъ которыхъ ни одного не было водняго. Я уже почитала себя щастливою, какъ нѣкоторая старая Маркиза, бывшая любовница моего Принца, позвала его къ себѣ пить шоколата. Онъ умеръ меньше, нежели черезъ два часа въ ужасныхъ мученіяхъ. Но ето еще ничто. Мать моя будучи въ отчаяніи; однако гораздо меньше печальна, нежели я, вздумала изъ толь бѣдственнаго мѣста на нѣкоторое время отъѣхать. У ней была очень хорошая деревня близъ Ганетты. Мы сѣли на галеру, вызолоченную не хуже олтаря свя-

таго Петра въ Римъ. Набѣжалъ на насъ Салейскій разбойникъ, и присталъ къ нашей галерѣ. Солдаты наши оборонялись такъ, какъ обороняются Папскіе солдаты: они всѣ упали на колѣни, и положа ружье просили у разбойника разрѣшенія при смертномъ часѣ.

Тотчасъ раздѣли ихъ до нага, какъ обезьянъ, раздѣли и мать мою, раздѣли фрейлинъ нашихъ, раздѣли и меня. Ужасно какъ проворно умѣютъ сіи господа раздѣвать людей. Но что меня больше всего удивило, то щупали они перстомъ у всѣхъ въ томъ мѣстѣ, въ которое мы женщины обыкновенно не допущаемъ вкладывать ничего лишняго. Церемонія сія показалась мнѣ очень странною. Такъ то все странно кажется тѣмъ, которые не выѣзжали изъ своего отечества! Мнѣ сказали потомъ, что дѣлалось сіе за тѣмъ, чтобъ осмотрѣть не спрятали ли мы гдѣ нибудь брилліантовъ. Просвѣщенные народы, разъѣзжающіе по морю, имѣютъ привычку сію съ самыхъ древнихъ вѣковъ. Я слышала, что и господа духовные Кавалеры острова Мальты обыкновенія сего никогда не забываютъ при взятіи въ полонъ Турокъ и Турчанокъ. Законъ сей основанъ на народномъ правѣ, котораго никогда отмѣнить не можно.

Я почитаю за излишнее расказывать вамъ, сколь несносно молодой Принцессѣ быть веденной плѣнницею въ Марокко и съ матерью. Вы легко можете себѣ вообразить все, что претерпѣли мы на разбойническомъ кораблѣ. Мать моя была еще очень прекрасна; фрейлины наши и простыя горнишныя дѣвушки были такъ пригожи, что подобныхъ имъ во всей Африкѣ не находилось. А я! я была прелестница, самая красота, самая пріятность,

ятность, и была еще непорочна. Однако непорочность моя не долго продолжалась: цвѣтокъ сей, блюдомый для прекраснаго Масса Карарскаго Принца, сорвалъ разбойнической капитанъ. Онъ былъ ужасно черенъ, и думалъ еще, что дѣлаетъ мнѣ тѣмъ честь. Надобно, чтобъ Принцесса Палестринская, и я были довольно крѣпкаго сложенія, когда отъ всего претерпѣннаго нами до прибытія нашего въ Марокко мы не умерли. Но что объ етомъ говорить, ето такія обыкновенныя приключенія, которыя не стоятъ того, чтобъ объ нихъ и упоминать.

Марокко утопалъ въ крови, какъ мы въ него прибыли. У пятидесяти сыновей Императора Мулея-Исмаила у каждаго была своя партія, такъ что въ самомъ дѣлѣ было пятьдесятъ междоусобныхъ браней. Черные бились противъ черныхъ, черные противъ смуглыхъ, смуглые противъ смуглыхъ, темновидные противъ темновидныхъ. По всему государству безпрерывное происходило кровопролитіе.

Лишъ только выступили мы на берегъ, то черные противной нашему разбойнику партіи, бросились отнимать у него добычу. Послѣ бриллїантовъ и золота были мы у него дороже всего. Я видѣла тутъ такое сраженіе, какого вы въ вашихъ Европейскихъ климатахъ никогда не видали. У сѣверныхъ народовъ кровь не столько горяча. Они не такъ страстны къ женскому полу, какъ Африканцы. Кажется, что у Европейцовъ нашихъ въ жилахъ молоко, а не кровь; а у жителей горы Атланта и граничащихъ съ оною земель течетъ въ жилахъ купоросъ и огнь. Они дрались за насъ съ такоюжъ яростію, какъ и львы, какъ тигры, какъ Африканскія змѣи.

 Одинъ

Одинъ Мавръ схватилъ мать мою за правую руку, Поручикъ капитанскій держалъ ее за лѣвую; Мавританскій солдатъ взялъ ее за ногу, а одинъ изъ нашихъ разбойниковъ тянулъ за другую. Въ одну минуту почти всѣхъ нашихъ дѣвушекъ тащили по четыре солдата, и каждый къ себѣ. Капитанъ мой поставилъ меня позади себя. Сабля была у него въ рукахъ: онъ убивалъ всѣхъ тѣхъ, кто отваживался ему противиться. Наконецъ увидлѣла я, что всѣхъ нашихъ Италіанокъ и мать мою отъ части разорвали, отъ части перерубили и перекололи самыя тѣ чудовища, которыя за нихъ дрались. Взятые со мною плѣнники и тѣ, которые ихъ взяли солдаты, матрозы, черные, бѣлые и смуглые, а напослѣдокъ и самъ Капитанъ, всѣ были побиты; а я лежала при послѣднемъ издыханіи на кучѣ мертвыхъ тѣлъ. Подобныя сему дѣйствія происходили, какъ всѣмъ извѣстно, на цѣлыхъ 300 миляхъ, гдѣ при всемъ томъ ежедневныя пять молитвъ, заповѣданныя Махометомъ, отправлялись безъ малѣйшаго упущенія.

Изъ толикаго множества окровавлѣнныхъ тѣлъ лежащихъ одно на другомъ, на силу я выдралась, и побрела подъ большое померанцовое дерево, стоявшее тамъ подлѣ ручья; я бросилась тутъ съ ужаса, съ слабости, съ омерзѣнія, съ отчаянія и съ голода на землю. Скоро послѣ того, по причинѣ утомившихся чувствъ, заснула; но сонъ сей походилъ болѣе на безпамятство, нежели на покой. Будучи въ такой слабости и нечувствительности, между жизнію и смертію почувствовала я, что нѣчто меня тискаетъ и на мнѣ движется. Я открыла глаза, и увидѣла бѣлаго и недурнаго человѣка, который вздыхалъ и говорилъ сквозь зубы нѣчто по Италіански.

ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Продолженїе нещастїй старухиныхъ.

Въ удивленїи и въ радости, услышавъ природный мой языкъ, и чудясь особливо выговореннымъ отъ него словамъ, отвѣчала я ему, что есть еще на свѣтѣ и большїя нещастїя, нежели на какїя онъ жалуется. Я расказала ему въ двухъ словахъ всѣ видѣнныя мною ужасти, и лишилась опять чувствъ. Онъ отнесъ меня въ ближнїй домъ, велѣлъ положить на постелю, принести кушанья, кормилъ меня, утѣшалъ, ласкалъ, говорилъ что онъ прекраснѣе меня никого въ жизни не видывалъ, и что никогда столько не сожалѣлъ о томъ, чего ему никто уже возвратить не можетъ. Я родился въ Неаполѣ, говорилъ онъ мнѣ: тамъ кладутъ до трехъ тысячь мальчиковъ всякїй годъ; иные отъ того умираютъ, другїе прїобрѣтаютъ голосъ чище и нѣжнѣе женскаго, а иные дѣлаются правителями цѣлыхъ государствъ. Надо мною операцїя сїя очень удачно здѣлана; я былъ въ числѣ музыкантовъ Ея Свѣтлости Принцессы Палестринской. У моей матушки! вскричала я. У вашей матушки! сказалъ онъ съ крайнимъ удивленїемъ и заплакавъ. Какъ! вы самая та молодая Принцесса, которую воспиталъ я до шести лѣтъ на моихъ рукахъ, и о которой и тогда уже заключали, что она будетъ такъ прекрасна, какъ я васъ вижу теперь? Конечно я; а матушка моя лежитъ за 400 шаговъ отсюда изрублена въ куски, подъ кучею мертвыхъ тѣлъ.

Я пересказала ему всѣ мои приключенїя; а онъ расказалъ мнѣ свои, и объявилъ, что онъ

 присланъ

прислан былъ къ Королю Марокскому отъ нѣкоторой Христіанской державы, для заключенія съ Государемъ симъ трактата, по которому сія держава обязывается снабдить его порохомъ, пушками и кораблями, и вспомоществовать ему въ истребленіи торговли прочихъ Христіанъ. Порученное мнѣ дѣло уже окончано, говорилъ мнѣ честный сей евнухъ; я отправляюся въ скоромъ времени обратно, и сяду въ Цейтѣ на корабль, и отвезу васъ въ Италію.

Я благодарила ему заплакавши съ радости; но онъ вмѣсто того, чтобъ отвести меня въ Италію, завезъ меня въ Алжиръ, и продалъ тамошнему Дею. Лишъ только меня продали, то извѣстная моровая язва, опустошившая Африку, Асію и Европу начала свирѣпствовать и въ Алжирѣ. Вы видали, какъ земля трясется; однако сударыня, была ли на васъ когда моровая язва? Никогда, отвѣчала Баронесса.

Естьлибъ вы ее имѣли, говорила старуха, то бы признались, что землетрясеніе въ разсужденіи ея есть ничто. Въ Африкѣ она весьма уже обыкновенна; ею заразилась и я. Представьте себѣ каково было Папской дочери пятнадцати лѣтъ, которая въ три мѣсяца испытала бѣдность и рабство, каждый почти день была насилована, видѣла мать свою разрубленную на четыре части, узнала голодъ и войну, умирать еще отъ моровой язвы въ Алжирѣ. Однако я выздоровѣла. А евнухъ мой, Дей, и почти весь Алжирскій сераль померли.

Какъ ужасное сіе моровое повѣтріе нѣсколько утихло, то начали Деевыхъ невольницъ продавать. Меня купилъ одинъ купецъ, и отвезъ въ Тунисъ. Тамъ продалъ онъ меня другому купцу; а сей продалъ меня опять въ Триполь; изъ

Триполя

Триполя перепродали меня въ Александрію; изъ Александріи въ Смирну, а изъ Смирны въ Константинополь. Я принадлежала напослѣдокъ одному янычарскому Агѣ, котораго вскорѣ послѣ того коммандировали для защищенія Азова, въ то время какъ осаждали его Рускіе.

Ага будучи человѣкъ весьма раскошный, взялъ съ собою и весь свой сераль, и отвезъ насъ въ небольшую крѣпостцу на Черномъ морѣ лежащую, которую защищали два черные евнуха и 20 человѣкъ солдатъ. Ужасно сколько побито тутъ Рускихъ! но хорошо заплатили намъ и они. Азовъ раззоренъ огнемъ и мечемъ; и всѣ отъ мала до велика, не выключая и женщинъ, были порублены; осталась только одна наша крѣпостца; непріятели думали принудить насъ ко сдачѣ голодомъ. Но янычары наши клялися, чтобъ не сдаваться никогда. Крайній голодъ принудилъ ихъ съѣсть нашихъ двухъ евнуховъ, дабы не преступить клятвы. Чрезъ нѣсколько дней вздумали они ѣсть и женщинъ.

Съ нами былъ весьма богобоязливый и мягкосердечный Имамъ, который сказалъ имъ преразумную проповѣдь, и уговорилъ ихъ, чтобъ они не вовсе насъ предали смерти: отрѣжте только, говорилъ онъ имъ, у каждой изъ сихъ госпожъ по ягодицѣ; вы изъ нихъ составите преизрядный обѣдъ, въ случаѣ нужды можете вы чрезъ нѣсколько дней опять за нихъ приняться; вы зделаете тѣмъ весьма богоугодное дѣло, и Богъ вамъ даруетъ свою помощь.

Онъ былъ очень краснорѣчивъ: они его послушались, сдѣлали надъ нами сію ужасную операцію. Имамъ приложилъ намъ самаго того бальсама, который употребляется при обрѣзаніи дѣтей. Мы лежали всѣ при смерти.

Янычары лишь только на нашъ щетъ побѣдали, какъ подъѣхали къ намъ Руские на плоскодонныхъ судахъ. Янычаръ всѣхъ перерубили. Руские не оказали надъ состоянїемъ нашимъ никакого сожалѣнїя. Но какъ лѣкарей Французкихъ вездѣ довольно, то одинъ изъ нихъ человѣкъ весьма искусный, взялъ насъ на свои руки; мы вылѣчились; я до смерти не забуду, какїя по совершенномъ закрытїи моихъ ранъ дѣлалъ онъ мнѣ предложенїя. Въ прочемъ уговаривалъ насъ всѣхъ, чтобъ мы не печалились, и увѣрялъ, что подобныя произшествїя бывали и при многихъ другихъ осадахъ, и что сїе дѣлается по военному закону.

Какъ скоро подруги мои начали бродить, то отправили ихъ тотъ часъ въ Москву. Я досталась одному боярину, который сдѣлалъ меня своею садовницею, и давалъ мнѣ каждый день по двадцати ударовъ плетьми. Но какъ господина сего чрезъ два года съ тритцатью человѣками другихъ бояръ за какое-то при дворѣ неспокойство колесовали, то я употребя случай сей въ свою пользу, збѣжала. Я всю Россїю прошла насквозь, и была очень долго трактирною служанкою въ Ригѣ, потомъ въ Ростокѣ, въ Висмарѣ, въ Лейпцигѣ, въ Касселѣ, въ Утрехтѣ, въ Лейденѣ, въ Галѣ и въ Ротердамѣ: состарѣлась въ бѣдности и въ безпокойной жизни, съ одною половиною зада, и не забывая ни на часъ, что я Папская дочь: больше ста разъ хотѣла я предать себя смерти, но жизнь мнѣ была еще мила. Странная сїя слабость можетъ быть изъ всѣхъ нашихъ склонностей есть наибѣдственнѣйшая: ибо естьли, что нибудь на свѣтѣ глупѣе, какъ хотѣть носить на себѣ безпрестанно

но такое время, отъ котораго всякой часъ желаемъ избавиться? Имѣть бытїе свое въ омерзѣнїи, и при всемъ томъ не хотѣть съ нимъ разстаться? однимъ словомъ любить змѣю, которая насъ терзаетъ до тѣхъ поръ, покуда изгрызетъ она наше сердце?

Я видѣла въ тѣхъ земляхъ, гдѣ мнѣ быть случилось, и въ трактирахъ, гдѣ я служила, ужасное множество такихъ людей, которые бытїе свое проклинали; однако нашла только осмерыхъ, которые бѣдность свою добровольно прекратили, троихъ Араповъ, четверыхъ Англичанъ, и одного Нѣмецкаго Профессора, именемъ Робека. Напослѣдокъ служила я у Жида Дона Исахара, онъ приставилъ меня къ вамъ, сударыня; я васъ полюбила, и всегда больше участїя принимала въ вашихъ приключенїяхъ, нежели въ моихъ собственныхъ. Я бы не объявила вамъ никогда и о нещастїяхъ моихъ, естьлибъ вы меня нѣсколько не раздразнили, и естьлибъ не было въ употребленїи препровождать на морѣ время какимъ нибудь расказыванїемъ для прогнанїя скуки. И такъ, сударыня, я уже многова навидѣлась, и свѣтъ спознала; склоните для забавы каждаго пассажира расказать вамъ свои приключенїя; и буде изъ всѣхъ, хотя одинъ сыщется, который бы жизнь свою когда нибудь не проклиналъ, и который бы самъ себѣ часто не говаривалъ, что онъ самый безчастный человѣкъ на свѣтѣ, то бросьте меня стремглавъ въ воду.

ГЛАВА

ГЛАВА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

Какимъ образомъ принужденъ былъ Кандидъ разлучиться съ Кунигундою и съ старухою.

Прекрасная Кунигунда услышавши старухину исторїю, оказывала ей такое учтивство, какого требовала ея знатность и достоинство. Она согласилась на ея предложенїя и склонила всѣхъ пассажировъ расказывать одинъ послѣ другаго свои приключенїя; Кандидъ и она признались, что старуха говорила правду. Жаль, сказалъ Кандидъ, что прумудраго Панглоса противъ обыкновенїя въ Ауто-да-фе повѣсили: онъ бы истолковалъ намъ удивительнымъ образомъ естественное, и нравственное зло, покрывающее землю и море: а я бы кажется довольно теперь смѣлости имѣлъ здѣлать ему съ почтенїемъ нѣсколько возраженїй.

Въ разсказыванїяхъ такихъ прибыли они въ Буеносъ-Айръ. Кунигунда, Капитанъ Кандидъ и старуха пошли къ Губернатору Дону Фернанду д' Ибараа, Фигероа, Маскаренесъ, Лампурдосъ Сузъ. Господинъ сей имѣлъ приличную толь многимъ именамъ и гордость. Онъ говорилъ съ людьми съ наиблагороднѣйшимъ презрѣнїемъ, поднявши носъ такъ высоко, толь громкимъ и повелительнымъ голосомъ, и съ такою спесивою осанкою, что всѣ тѣ, которые къ нему на поклонъ приходили, были въ искушенїи его бить. Женскїй полъ любилъ онъ даже до безумїя. Кунигунда показалась ему такою красавицею, какой онъ никогда не видывалъ. И прежде всего спросилъ онъ, не сожительница

жительница ли она господина капитана? Видъ, съ каковымъ онъ здѣлалъ сей вопросъ, привелъ Кандида въ робость: онъ не смѣлъ сказать, что она его жена; потому что ето бы было не правда: не смѣлъ назвать ее и сестрою за тѣмъ, что и ето бы было не правда; и хотя бы такая непорочная ложь могла ему быть и полезною, однако душа его столь была чиста, что онъ правдѣ измѣнить ни подъ какимъ видомъ былъ не въ состоянiи. Дѣвица Кунигунда, сказалъ онъ, хочетъ мнѣ здѣлать ту честь, чтобъ выйти за меня за мужъ, и мы оба всепокорнѣйше просимъ ваше высокопревосходительство оказать и ваше на сей нашъ бракъ соизволенiе.

Донъ Фернандо д' Ибарая, Фигеора, Маскаренесъ, Лампурдосъ и Суза поглаживая, по своимъ усамъ, улыбнулся съ внутреннимъ огорченiемъ, и приказалъ капитану Кандиду, чтобъ онъ шелъ и здѣлалъ смотръ своей ротѣ. Кандидъ вышелъ; губернаторъ остался съ дѣвицею Кунигундою. Онъ объявилъ ей тотчасъ свою страсть, и увѣрялъ ее, что онъ завтра же съ нею обвѣнчается въ церкви, или въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ прелестямъ ея за благо разсудится. Кунигунда выпросила у него четверть часа о томъ подумать, посовѣтовать съ старухою, и принять намѣренiе.

Старуха говорила Кунигундѣ: Государыня моя, вы щитаете дворянство ваше за 72 колѣна, денегъ у васъ нѣтъ ни полушки, а теперь зависитъ отъ васъ быть супругою наизнатнѣйшаго господина во всей западной Америкѣ; вамъ ли ужѐ искать чести въ непоколѣбимой вѣрности. Васъ насиловали Булгары; вы были ужѐ въ рукахъ у Жида и у Инквизитора. Въ нещастiи все

простительно.

простительно. Я признаюсь, что естьлибъ я была на вашемъ мѣстѣ, то не думая ни о чемъ вышла бы тотчасъ за господина губернатора, и зделала бы щастїе господида Капитана Кандида. Между тѣмъ какъ старуха говорила съ такимъ благоразсужденїемъ, какое свойственно старымъ и искусившимся людямъ, вошелъ въ гавань небольшой корабль. На немъ прїѣхалъ Алкадъ съ Алгвазилами, а потомъ зделалось слѣдующее.

Старуха не ошиблась, что деньги и каменье въ городѣ Бадаїосѣ во время побѣгу ихъ съ Кандидомъ укралъ Францисканскїй монахъ съ большими рукавами. Монахъ сей принесъ продавать нѣсколько камней къ одному Ювелиру. Купецъ узналъ тотчасъ, что они принадлежали великому Инквизитору. Честный отецъ прежде, нежели его повѣсили, повинился что онъ ихъ укралъ. Онъ показалъ у кого они были, и сказалъ въ которую сторону тѣ люди поѣхали. Побѣгъ Кунигунды и Кандида вездѣ уже былъ извѣстенъ. Погнались за нимъ въ Кадиксъ. Оттуда отправили далѣе въ погоню корабль. Корабль сей прибылъ уже въ Буеносъ-Аиръ. Пронесся слухъ, что прїѣхалъ Алкадъ, и что ищутъ убїйцъ его высокопреподобїя Инквизитора. Благоразумная старуха смѣкнула тотчасъ, что было надобно дѣлать. Вамъ бѣжать не для чего, говорила она Кунигундѣ, и нечего опасаться; не вы убили его высокопреподобїе: а сверхъ того губернаторъ любя васъ не допуститъ, чтобъ поступили съ вами сурово, останьтесь. Она бросилась тотчасъ къ Кандиду; бѣгите, сказала она ему, или васъ черезъ часъ сожгутъ. Нечего было мѣшкать; но какъ расстаться съ Кунигундою, и куда бѣжать.

ГЛАВА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

Какимъ образомъ Кандидъ и Какамбо приняты были у Парагайскихъ Езуитовъ.

Кандидъ привезъ съ собою изъ Кадикса слугу; каковыхъ находится очень много на Гишпанскихъ берегахъ и въ селенїяхъ. Онъ былъ четвертая часть Гишпанца. Отецъ его родился отъ Гишпанца и отъ Индїанки въ Тулуманѣ; съ ребячества былъ онъ церьковнымъ пѣвчимъ, потомъ пономаремъ, матрозомъ, монахомъ, факторомъ, солдатомъ, а послѣ слугою. Онъ назывался Какамбо, и имѣлъ къ господину своему великую преданность, потому что господинъ его былъ самый добрый человѣкъ. Онъ осѣдлалъ тотчасъ обѣихъ Андалузскихъ лошадей. Садитесь, государь мой, послушаемъ совѣту старухина, побѣжимъ не оглядываючись назадъ. Кандидъ залился слесами: о любезная моя Кунигунда! надобно ли, чтобъ оставилъ я тебя въ то самое время, когда господинъ губернаторъ хочетъ совершить нашъ бракъ! Я завезъ тебя въ такую дальную сторону, что ты теперь будешь дѣлать! Пусть она дѣлаетъ, что хочетъ, сказалъ Какамбо; женщины всегда знаютъ, что имъ дѣлать; Богъ ихъ никогда не оставляетъ, а намъ надобно убираться. Да куда ты меня везешь? Куда мы ѣдемъ? Что намъ дѣлать безъ Кунигунды? говорилъ Кандидъ. Перестаньте Бога ради, сказалъ Какамбо, вы прїѣхали воевать противъ Езуитовъ; поѣдемъ же теперь воевать съ ихъ стороны; дорога мнѣ довольна извѣстна; я проведу

веду васъ въ ихъ королевство; они очень будутъ рады такому Капитану, который знаетъ Булгарскую экзерцицію; вы тамъ ужасно будете щасливы: когда въ одномъ свѣтѣ худо, то надобно попытаться въ другомъ: какъ же весело видѣть и дѣлать всегда новое!

По етому ты въ Парагаѣ ужѐ бывалъ? сказалъ Кандидъ. Какъ не бывать, говорилъ Какамбо, я былъ пономаремъ въ Успенской церькви, и всю область честныхъ отцовъ такъ знаю, какъ Кадикскія улицы. Правленіе ихъ удивленія достойно. Королевство сіе имѣетъ въ поперешникѣ болѣе трехъ сотъ миль; оно раздѣлено на тридцать провинцій: честные отцы дѣлаютъ тамъ все, а народъ ничего; правительство тамъ основано на самомъ высочайшемъ степени здраваго разсужденія и правосудія. Что до меня касается, то я не вижу ничего толь божественнаго, какъ святыхъ отцовъ, которые здѣсь съ Королемъ Гишпанскимъ и съ Королемъ Португальскимъ имѣютъ войну; а въ Европѣ обѣихъ сихъ Королей исповѣдываютъ; здѣсь Гишпанцовъ убиваютъ, а въ Мадритѣ посылаютъ ихъ въ рай; ето мнѣ очень мило: погоняйте сударь, вы будете скоро наищастливѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Какъ рады будутъ святые отцы, когда провѣдаютъ, что пріѣхалъ къ нимъ Капитанъ, знающій Булгарскую экзерцицію.

Лишъ только пріѣхали они къ первой заставѣ, то Какамбо сказалъ подошедшему къ нему часовому, что нѣкоторый Капитанъ пріѣхалъ къ его Превосходительству Коммендантту. Подали о томъ вѣсть на главномъ отводѣ. Одинъ Парагайской Офицеръ побѣжалъ тотчасъ съ сею вѣдомостью къ Коммендантту. Прежде всего Кан-

дида

дида и Какамбо обезоружили; и взяли у нихъ Андалузскихъ лошадей. Обѣихъ чужестранцовъ ввели въ лагерь въ провожаніи двухъ шереногъ солдатъ; Коммендантъ находился на самомъ концѣ. Шапка на немъ была съ тремя рогами, ряса подоткнута, на бедрѣ палашъ, а въ рукахъ эспантонъ. По данному отъ него знаку, тотчасъ окружили обѣихъ новопріѣзжихъ двадцать четыре человѣка солдатъ; одинъ изъ сержантовъ сказалъ имъ, чтобъ они подождали, и что Коммендантъ съ ними говорить еще не можетъ, потому что честнѣйшій отецъ Провинціалъ изволилъ запретить, чтобъ ни одинъ Гишпанецъ не отворялъ рта, какъ токмо въ его присудствіи, и не былъ бы въ ихъ области болѣе трехъ часовъ. Да гдѣжъ теперь честнѣйшій отецъ Провинціалъ? сказалъ Какамбо. Онъ отслуживши мшу изволилъ пойти въ парадъ, отвѣчалъ сержантъ, и вы не прежде удостоитесь приложиться къ его шпорамъ, какъ черезъ три часа. Но господинъ Капитанъ, которой также, какъ и я, умираетъ съ голоду, не Гишпанецъ, сказалъ Какамбо, но Нѣмецъ; не можноли намъ, пока его высокопреподобіе не изволитъ прибыть, нѣсколько позавтракать?

Сержантъ объявилъ о томъ тотчасъ Коммендашту. Слава Богу, сказалъ святый сей отецъ, когда онъ Нѣмецъ, то могу съ нимъ говорить, приведите его ко мнѣ. Тотчасъ привели Кандида въ здѣланную изъ зелени бесѣдку, украшенную весьма изрядными колоннами зеленаго мармора и позолотою: она окружена была клѣтками, въ коихъ находились попугаи, колибри, такъ называемыя мушки, пинтады и всѣ самыя рѣдкія птицы. Приготовленъ былъ великолѣпный зав-

тракъ въ золотыхъ сосудахъ; и между тѣмъ, какъ Парагайцы ѣли сарачинское пшено изъ деревянныхъ чашъ на открытомъ полѣ, и пеклись на солнечномъ зною, вошелъ въ бесѣдку почтенный отецъ Коммендантъ.

Онъ былъ весьма пригожій молодецъ, лице имѣлъ полное, бѣлое, румяное, брови высокія, глаза живые, уши красныя, губы румяныя, видъ гордый; но гордость его не походила ни на Гишпанскую, ни на Езуитскую. Кандиду и Какамбо отдали назадъ ихъ оружіе, и обѣихъ Андалузскихъ лошадей; Какамбо посыпалъ имъ подлѣ бесѣдки овса, и не спускалъ ихъ съ глазъ, опасаясь похищенія.

Кандидъ поцѣловалъ сперьва полу Коммендантовой рясы, потомъ сѣли за столъ. Такъ вы Нѣмецъ? спросилъ у него Езуитъ по Нѣмецки. Нѣмецъ, честнѣйшій отче, отвѣчалъ Кандидъ. Выговоривши сіи слова смотрѣли они другъ на друга съ крайнимъ удивленіемъ, и съ такимъ внутреннимъ движеніемъ, что оба были внѣ себя. А изъ котораго вы мѣста Нѣмецкой земли? спросилъ Езуитъ. Изъ Салы Вестфальской провинціи, сказалъ Кандидъ: я родился въ замкѣ Тгун-дертен-трункгѣ. Боже мой! Возможно ли, вскричалъ Коммендантъ. Какое чудо! вскричалъ Кандидъ. Ты ли это, говорилъ Коммендантъ. Этому не льзя статься, отвѣтствовалъ Кандидъ. Они оба упали навзничь, обнимались, и проливали ручьи слезъ. Какъ! такъ это вы, честный отецъ! вы братецъ прекрасной Кунигунды! вы, котораго убили Булгары! вы сынъ господина Барона! вы Езуитъ въ Парагаѣ! Надобно признаться, что свѣтъ сей чудно устроенъ. О Панглосъ! Панглосъ! Какже бы ты теперь радовался, естьлибъ тебя не повѣсили.

Коммендантъ отослалъ отъ себя всѣхъ черныхъ невольниковъ и Парагайцовъ, которые подавали при столѣ напитки въ стаканахъ восточнаго хрусталя. Онъ благодарилъ Бога и святаго Игнатія изъ глубины сердца; прижималъ Кандида къ груди; слезы текли у нихъ какъ градъ. Вы еще гораздо больше удивитесь, сказалъ Кандидъ, больше сжалитесь, и въ большее придете восхищеніе, когда я вамъ скажу, что сестрица ваша Кунигунда, о которой вы думаете, что ее закололи, находится въ добромъ здоровьѣ. Гдѣ? въ вашемъ сосѣдствѣ, у господина Губернатора Буеносъ-Аврскаго; а я пріѣхалъ противъ васъ воевать. По произношеніи каждаго слова во весь ихъ долговремянный разговоръ являлось чудо за чудомъ. Вся душа ихъ вилась у нихъ на языкѣ, была въ ушахъ, и блистала и въ глазахъ. Будучи Нѣмцы, просидѣли они за столомъ очень долго, въ ожиданіи преподобнаго отца Провинціала. Коммендантъ расказывалъ любезному своему Кандиду слѣдующее.

ГЛАВА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Какъ убилъ Кандидъ брата прекрасной своей Кунигунды.

Я во весь мой вѣкъ не забуду того ужаснаго дня, въ которой убили при моихъ глазахъ отца моего и мать, и изсиловали сестру. По отшествіи Булгаровъ, любезной сестры моей нигдѣ не могли сыскать, а матушку, батюшку и меня, двухъ служанокъ и трехъ задавленыхъ малыхъ положили въ телѣгу, и повезли погребать у

Езуитской часовни въ двухъ миляхъ отъ замка моихъ родителей. Одинъ Езуитъ сталъ насъ кропить святою водою: она была ужасно солона, попало мнѣ нѣсколько капель въ глаза. Честный сей отецъ примѣтилъ, что одна ресница у меня не множко трогалась: онъ приложилъ мнѣ руку къ сердцу, и ощупалъ, что оно еще бьется: ускорили подать мнѣ помощь, такъ что по прошествїи трехъ недѣль я со всѣмъ выздоровѣлъ. Ты знаешь, любезный мой Кандидъ, что я былъ очень пригожъ, а послѣ того сталъ еще пригожѣе; по причинѣ сей честный отецъ Дидрїй, настоятель Езуитской сей обители, крайне меня полюбилъ: онъ взялъ меня подъ искусъ; чрезъ нѣсколько времяни отправили меня въ Римъ. Отецъ Генералъ набиралъ Нѣмецкихъ Езуитовъ. Парагайскїе Самодержцы убѣгаютъ, сколько можно, Гишпанскихъ Езуитовъ: они лучше любятъ иностранныхъ за тѣмъ, что думаютъ найти въ нихъ больше покорности и послушанїя. Его высокопреподобїе призналъ меня къ насажденїю сего винограда способнымъ. Я поѣхалъ, а со мною одинъ Полякъ и Тиролецъ. По прибытїи посвятили меня поддїакономъ, и здѣлали порутчикомъ. Теперь я Полковникъ и священникъ. Мы встрѣтимъ войско Короля Гишпанскаго храбро, я увѣряю тебя, что они будутъ и прокляты и побиты. Предвѣденїе прислало намъ тебя на помощь. Но правда ли, что любезная моя сестрица Кунигунда у насъ въ сосѣдствѣ, и живетъ у Губернатора Буеносъ-Аирскаго? Кандидъ клялся, что онъ говоритъ ему самую правду. Вторично полились у нихъ изъ глазъ слезы.

Баронъ Кандида безпрестанно обнималъ; называлъ его братомъ и благодѣтелемъ. Ахъ! можетъ быть, говорилъ онъ ему, войдемъ мы, любезный Кандидъ, въ городъ сей побѣдителями, и возвратимъ сестру мою Кунигунду. Дай богъ, сказалъ Кандидъ; потому что я думалъ на ней жениться, да и теперь еще не отчаяваюсь. Какъ! вскричалъ Баронъ, ты грубїанъ можешь столько быть безстыденъ, что думаешъ жениться на моей сестрѣ, которая щитаетъ свое благородство за 72 колѣна! Ты бездѣльникъ смѣешь говорить при мнѣ о такомъ дерскомъ намѣренїи! Кандидъ окаменѣвши отъ такого привѣтствїя отвѣчалъ: честнѣйшїй отче, всѣ поколѣнїя въ свѣтѣ не могутъ тому препятствовать; я избавилъ сестрицу вашу изъ Жидовскихъ и Инквизиторскихъ рукъ, я показалъ ей многїя услуги, и она сама хочетъ за меня выйти; господинъ Панглосъ всегда мнѣ говаривалъ, что всѣ люди между собою равны, и я на ней конечно женюсь. Увидимъ, бездѣльникъ! сказалъ Езуитъ Баронъ Фонъ Тгун-деръ-тен-трункгъ; и въ то самое время вынявши шпагу ударилъ его изъ всей силы плашмя по лицу. Кандидъ выхватилъ тотчасъ свою, и вонзилъ ее въ брюхо Барону Езуиту по самый ефесъ; но вытащивши ее назадъ всю въ крови, сталъ плакать. Ахъ Боже мой! говорилъ онъ, я закололъ стараго моего господина, друга моего и шурина; я самый лучшїй человѣкъ въ свѣтѣ, а убилъ ужѐ трехъ мнѣ подобныхъ, а между сими троими двухъ священныхъ особъ.

Какамбо, который стоялъ у дверей бесѣдки на караулѣ, прибѣжалъ на крикъ. Намъ больше ничего не осталось, сказалъ ему Кандидъ, какъ защищаться до послѣдней капли крови; въ бе-

сѣдку теперь конечно войдутъ: умремъ съ ружьемъ въ рукахъ. Какамбо, который видывалъ дѣла и мудренѣе сего, не оробѣлъ: онъ снялъ съ Барона Езуитскую одежду, надѣлъ ее на Кандида, надѣлъ на него и четвероугольную покойникову шапку, и посадилъ его на лошадь. Все сїе здѣлалъ онъ въ одинъ мигъ. Поскачемъ, сударь, теперь всѣ почтутъ васъ за Езуита, ѣдущаго съ указами; мы переѣдемъ за границу прежде, нежели еще за нами погонятся. Говоря сїе онъ ужѣ летѣлъ и кричалъ по Гишпански: поди! поди! дайте мѣсто честнѣйшему отцу Полковнику.

ГЛАВА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

Что приключилось нашимъ странствующимъ, съ двумя дѣвушками, и двуми обезьянами и съ дикими людьми, называемыми *Орелїонами.*

Кандидъ и слуга его были ужѣ за границею, а въ лагерѣ еще никто не зналъ о смерти Нѣмецкаго Езуита. Проворный Какамбо не забылъ наполнить сумы своей хлѣбомъ, шоколатомъ, окораками, плодами и нѣсколькими мѣрами вина. Они заѣхали на Андалузскихъ своихъ лошадяхъ въ незнаемую землю, въ которой не видно было ни одной дороги. Напослѣдокъ увидѣли они передъ собою прекрасный лугъ, по которому извивались многїе ручьи. Странствующїе наши вздумали тутъ кормить лошадей. Какамбо предложилъ своему господину, не хочетъ ли онъ покушать, и

и подалъ ему тотчасъ примѣръ. Какъ можешь ты отъ меня требовать, говорилъ Кандидъ, чтобъ поѣлъ я окорока, убивши сына господина Барона, и будучи осужденъ не видать во всю мою жизнь прекрасную Кунигунду? Какая мнѣ въ томъ польза, что буду я стараться продлить безчастные мои дни, когда уже я долженъ провождать ихъ въ разлукѣ съ нею, въ мученiи и въ отчаянiи? И что объ етомъ напишутъ въ Тревусскомъ журналѣ.

Говоря такимъ образомъ, самъ однако ѣлъ. Солнце уже закатилось. Оба заблудившiеся услышали небольшiй крикъ, который походилъ на женскiй. Они не знали печальный ли онъ былъ, или радостный. Однако встали тотчасъ съ немалымъ безпокойствомъ и страхомъ, какъ то обыкновенно съ людьми въ незнакомой землѣ бываетъ. Крикъ сей происходилъ отъ двухъ дѣвушекъ, которыя были со всѣмъ нагiя, и бѣжали потихоньку по лугу, между тѣмъ, какъ двѣ обезьяны гонясь за ними кусали ихъ бедра. Кандидъ пришелъ въ жалость. Будучи у Булгаровъ, научился онъ стрѣлять: онъ сострѣливалъ съ куста орѣхъ не коснувшись листьямъ. Схватилъ тотчасъ свою Гишпанскую двуствольную фузею, приложился, и убилъ обѣихъ обезьянъ. Слава Богу, любезный Какамбо, я избавилъ сихъ двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ отъ великаго нещастiя. Есть ли я предъ Богомъ согрѣшилъ убивши Инквизитора и Езуита, то заслужилъ себѣ вѣрно въ томъ прощенiе спасши жизнь двумъ дѣвушкамъ. Можетъ быть онѣ знатной породы; и такъ приключенiе сiе принесетъ намъ въ землѣ сей весьма великую пользу.

Онъ хотѣлъ говорить болѣе, но языкъ у него окостенѣлъ, когда онъ увидѣлъ, что сіи двѣ дѣвушки обнимали жалостнымъ образомъ обѣихъ обезьянъ, утопали лежа на нихъ въ слезахъ, и наполняли воздухъ наипечальнѣйшимъ воплемъ. Я не думалъ, чтобъ онѣ столь были добродушны, сказалъ онъ напослѣдокъ Какамбу. Изрядное вы дѣло здѣлали, отвѣчалъ сей послѣдній; вы застрѣлили у дѣвушекъ двухъ ихъ любовниковъ. Ихъ любовниковъ! можетъ ли ето статься? Ты шутишь Какамбо; я етому вѣкъ не повѣрю. Ахъ государь мой, отвѣчалъ Какамбо, вы всему на свѣтѣ удивляетесь; по чему вамъ такъ странно кажется, что есть въ нѣкоторыхъ земляхъ обезьяны, которыхъ любятъ женщины? Они также четверть человѣка, какъ и я четверть Гишпанца. Увы! говорилъ Кандидъ, помнится сказывалъ мнѣ господинъ Панглосъ, что подобныя сему произшествія бывали и въ старину, и что отъ такой смѣси произошли Эгипаны, Фауны и Сатиры, которыхъ многіе великіе мужи въ древности своими глазами видали. Однако, я думаю, вы совершенно увѣрены, сказалъ Какамбо, что ето правда, и видите, какъ разсуждаютъ люди не имѣвшіе надлежащаго воспитанія. Я боюсь только того, чтобъ сіи госпожи не надѣлали намъ какихъ хлопотъ.

Сіи основательныя разсужденія побудили Кандида съ поля убраться подалѣе, и заѣхать въ лѣсъ. Они тамъ съ Какамбомъ поужинали, и оба побранивши Португальскаго Инквизитора, Губернатора Буеносъ-Аирскаго и Барона, уснули на травѣ. Проснувшись почувствовали, что они не могутъ поворотиться; причина тому была та, что Орелїоны, тамошніе жители, провѣдавши

объ нихъ отъ женщинъ опутали ихъ веревками сплетенными изъ лыкъ. Они увидѣли себя окруженныхъ пятьюдесять Орелїонами, которые были со всемъ наги, вооружены стрѣлами, палицами и сѣкирами выточенными изъ камней: одни варили воду въ превеликомъ котлѣ; другїе приготовляли рожны, а всѣ до одного кричали, ето Езуитъ, ето Езуитъ; мы ему отмстимъ и наѣдимся до сыта; поѣдимъ Езуитянины, поѣдимъ Езуитянины!

Я вамъ говорилъ, любезный мой господинъ, вскричалъ печальнымъ голосомъ Какамбо, что сїи двѣ дѣвушки надѣлаютъ намъ пакости. Кандидъ увидѣвши котелъ и рожны, вскричалъ: насъ вѣрно, или сварятъ, или изжарятъ. Ахъ, что бы сказалъ Философъ Панглосъ, естьлибъ теперь посмотрѣлъ, что дѣлаетъ одна натура не имѣющая просвѣщенїя? Все на свѣтѣ зделано хорошо; пусть такъ; но я признаюсь, что ето очень прискорбно, чтобъ лишиться дѣвицы Кунигунды, и быть взоткнуту на рожонъ Орелїонами. Какамбо и тогда не оробѣлъ; не отчаявайтесь ни въ чемъ, сказалъ онъ унылому Кандиду: я разумѣю нѣсколько ихъ языкъ, я съ ними поговорю. Не забудь, сказалъ Кандидъ, представить имъ, какое ето ужасно безчеловѣчное дѣло варить людей, и сколь противно оно Христїанскому закону.

Государи мои, говорилъ Какамбо, такъ вы думаете севодни покушать Езуитины; вы очень разумно дѣлаете: ничто такъ несправедливо, какъ поступать такимъ образомъ съ своими непрїятелями. И въ самомъ дѣлѣ естественное право научаетъ насъ убивать нашего ближняго; такъ поступаютъ и во всемъ свѣтѣ. А что не

пользуемся правомъ симъ мы, то ето только за тѣмъ, что у насъ есть довольно и другой хорошей пищи; а вамъ того недостаетъ, и такъ конечно лучше непрїятелей своихъ ѣсть, нежели бросать плоды своей побѣды воронамъ и галкамъ. Однакожъ, государи мои, я думаю вы не захотите съѣсть вашихъ прїятелей. Вы думаете взоткнуть на рожонъ Езуита, а вмѣсто того изжарите своего защитника и врага вашихъ непрїятелей. Что до меня касается, я родился въ вашей землѣ; человѣкъ, котораго вы передъ собою видите, есть мой господинъ, и не только онъ не Езуитъ, но самъ сей часъ убилъ Езуита, и надѣлъ на себя его платье; вотъ что васъ привело въ соблазнъ: а чтобъ совершенно увѣриться о сей истиннѣ, то снимите съ него рясу, отнесите ее къ перьвой заставѣ королевства Езуитскаго, и освѣдомтесь, убилъ ли господинъ мой одного Езуитскаго офицера. Времяни на ето не много надобно; вы еще успѣете насъ скушать, когда увидите, что я васъ обманулъ. Естьли же сказалъ правду, то я увѣренъ, что знаючи совершенно общенародное право, нравы и законы, не преминете насъ пощадить.

Орелїонамъ рѣчь сїя показалась очень справедливою: они отправили тотчасъ двухъ человѣкъ изъ знатнѣйшихъ о томъ освѣдомиться. Посланные исполнили порученное имъ дѣло какъ разумные и смышленные люди, и возвратились съ прїятною вѣдомостью. Орелїоны своихъ плѣнныхъ рязвязали, оказывали имъ всякїя учтивости, потчивали ихъ своими дочерьми, принесли имъ всякихъ фруктовъ, и проводили ихъ до самыхъ границъ земли своей при радостномъ восклицанїи, онъ не Езуитъ, онъ не Езуитъ! Кандидъ

дидъ не могъ надивиться причинѣ своего избавленїя. Какой народъ! говорилъ онъ, какїе люди! какїе нравы! естьли бы я не имѣлъ щастїя проколоть насквозь брата дѣвицы Кунигунды, то бы я ужѣ былъ безъ всякой милости съѣденъ. Но какъ ни разсуждай, непросвѣщенная натура сама по себѣ хороша, потому что люди сїи вмѣсто того, чтобъ меня съѣсть, оказали мнѣ всякїя учтивости, какъ скоро узнали, что я не Езуитъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Прибытїе Кандида и слуги его въ Ельдорадскую землю, и что они тамъ видѣли.

Доѣхавши до Орелїонскихъ границъ, видите, сказалъ Какамбо, что и здѣшняя половина земнаго шара не лучше другой; повѣрьте мнѣ, поѣдемъ опять въ Европу самою ближайшею дорогою. Какъ туда ѣхать? сказалъ Какамбо, и куда? Естьли я возвращусь въ мою землю, то Булгары и Абарцы всѣхъ тамъ давятъ; буде же ѣхать опять въ Португаллїю, то меня тамъ сожгутъ; а когда здѣсь останемся, то надобно всякой часъ бояться, чтобъ не взоткнули насъ на рожонъ. Да и какъ можно разстаться съ тою частїю свѣта, въ которой обитаетъ дѣвица Кунигунда!

Поворотимъ въ Кайену, сказалъ Какамбо, мы найдемъ тамъ Французовъ, которые ходятъ по всему свѣту: они могутъ намъ помочь, Богъ надъ нами можетъ быть умилосердится.

Путь

Путь въ Кайену былъ трудноватъ: они хотя и имѣли нѣкоторое понятїе, въ которую сторону имъ ѣхать, но горы, рѣки, стремнины, разбойники и дикїе люди предполагали имъ повсюду ужасныя препятствїя. Лошади ихъ издохли отъ труда, провизїя почти вся изошла, цѣлый мѣсяцъ питались они одними дикими плодами, и доѣхали напослѣдокъ до маленькой рѣчки; по берегамъ оной росли кокосовыя деревья, которыя спасли имъ животъ, и возобновили ихъ надежду.

Какамбо, который всегда не хуже старухи давалъ совѣты, сказалъ Кандиду: у насъ ужѐ не служатъ ноги, полно итти, я вижу на берегу пустое судно, наполнимъ его кокосами, бросимся въ него, и пустимся въ низъ по водѣ; рѣка выходитъ всегда въ какое нибудь обитаемое мѣсто. Естьли не найдемъ мы ничего прїятнаго, то по крайней мѣрѣ увидимъ что нибудь новое. Хорошо, сказалъ Кандидъ, препоручимъ себя провидѣнїю.

Они плыли нѣсколько миль между берегами, которые индѣ были злачны, индѣ сухи, индѣ ровны, индѣ круты. Рѣка часъ отъ часу становилась ширѣ, напослѣдокъ уходила подъ ужасныя плитныя горы, поднимающїяся до облаковъ. Странствующїе наши столько были смѣлы, что пустились по водѣ подъ сей сводъ. Рѣка будучи въ семъ мѣстѣ у́же, понесла ихъ съ ужаснымъ стремленїемъ и шумомъ. Чрезъ 24 часа увидѣли они опять свѣтъ; но судно ихъ разбилось о камни. Надобно было перебираться съ камня на камень цѣлую милю, наконецъ увидѣли они передъ собою безконечную площадь, окруженную неприступными горами. Земля сїя произращала

всѣ и необходимые, и къ забавѣ служащїе плоды. Повсюду нужное соединено было съ прїятнымъ. Дорóги были покрыты, или лучше сказать, украшены великимъ множествомъ колясокъ здѣланныхъ изъ блестящей матерїи, въ которыхъ сидѣли мущины и женщины удивительной красоты, и ѣхали очень скоро на большихъ красныхъ баранахъ, которые рѣзвѣе бѣжали, нежели самыя лучшїя Андалузскїя, Тетуанскїя и Меквинецкїя лошади.

Напослѣдокъ мы нашли, сказалъ Кандидъ, землю, которая лучше Вестфалїи. Они вышли съ Какамбомъ на берегъ у первой деревни. Нѣсколько деревенскихъ мальчиковъ, въ золотомъ парчевомъ платьѣ повсюду изодранномъ, играли передъ деревнею плитками. Выходцы наши съ другаго свѣту остановились на нихъ посмотрѣть; плитки ихъ были широковаты, круглы, желтаго, краснаго и зеленаго цвѣтовъ, и блистали отмѣннымъ образомъ. Вздумалось проѣзжимъ нѣсколько оныхъ поднять и размотрѣть. Ето было золото, изумруды, красные яхонты, изъ которыхъ самый послѣднїй составлялъ бы наидрагоцѣннѣйшее украшенїе трона великаго Могола. Конечно, сказалъ Какамбо, ето дѣти здѣшняго Короля. Въ самое то время вышелъ учитель той деревни, и погналъ ихъ въ школу. Вотъ, сказалъ Кандидъ, и учитель Королевской фамилїи.

Ребятишки бросили тотчасъ игру, и оставили камешки и всѣ свои игрушки на улицѣ. Кандидъ оные подобравши, бѣжалъ за учителемъ, и поднесъ ихъ ему весьма униженнымъ образомъ, давая ему знать, что ихъ королевскїя высочества позабыли золото свое и драгоцѣнные камни

на

на улицѣ. Деревенскій учитель улыбнувшись бросилъ ихъ на землю, посмотрѣлъ Кандиду въ глаза съ великимъ удивленіемъ, и пошелъ своею дорогою.

Проѣзжіе не преминули подобрать золото, изумруды и яхонты. Гдѣ мы, вскричалъ Кандидъ! надобно думать, что дѣти здѣшняго Короля воспитываются очень хорошо, когда ужѣ научаютъ ихъ презирать золото и дорогіе камни. Какамбо былъ въ неменшемъ удивленіи, какъ и Кандидъ. Напослѣдокъ подошли они къ перьвому въ деревнѣ дому; онъ былъ построенъ не хуже Европейскихъ дворцовъ. У воротъ стояло множество людей, а въ домѣ было еще и того больше. Слуху представлялась весьма пріятная музыка, а обоняніе услаждалъ преизящный запахъ отъ кухни. Какамбо подошелъ къ дверямъ и услышалъ, что говорятъ по Перуіански. Ето былъ природный его языкъ; ибо всему свѣту извѣстно, что Какамбо родился въ Тукуманѣ, въ деревнѣ, гдѣ инако не говорятъ, какъ только симъ языкомъ. Я буду вашъ толмачь, сказалъ онъ Кандиду; войдемъ въ горницу, здѣсь корчма.

Тотчасъ подошли къ нимъ двое слугъ и двѣ дѣвушки; платье на нихъ было изъ золотой парчи, а волосы перевязаны лѣнточками: они просятъ ихъ за хозяйской столъ. Подали четыре блюда, изъ которыхъ на каждомъ было по два попугая, кусокъ варенаго мяса, вѣсомъ въ 200 фунтовъ, двухъ весьма вкусно изжаренныхъ обезьянъ, триста колибріевъ на одномъ блюдѣ, а на другомъ шесть сотъ, такъ называемыхъ мушекъ (родъ птицъ), поставили превкусныя похлебки и пирожное; все же сіе на блюдахъ самороднаго хрусталя: слуги и служанки подносили разные напитки, здѣланные изъ сахарнаго тросника.

Гости по большой части были купцы и извощики, всѣ люди весьма учтивые; они здѣлали Какамбу нѣкоторые вопросы съ крайнею скромностїю, и отвѣчали на то, о чемъ и онъ у нихъ спрашивалъ, разумно и обстоятельно. По окончанїи стола Какамбо и Кандидъ думали о себѣ, что они очень были щедры, когда бросили за обѣдъ хозяину на столъ два изъ тѣхъ широкихъ кусковъ золота, которые подняли на улицѣ: хозяинъ и хозяйка захохотали, и катались долгое время со смѣху. Напослѣдокъ перестали. Государи мои, сказалъ хозяинъ, мы видимъ, что вы прїѣхали изъ чужихъ краевъ, мы иностранныхъ рѣдко видаемъ. Не прогнѣвайтесь, что мы засмѣялись увидя, что вы платите намъ каменьемъ съ нашихъ большихъ дорогъ. Конечно нѣтъ у васъ здѣшней монеты; однако здѣсь за обѣдъ денегъ не надобно. Всѣ трактиры, учрежденные у насъ для удобности купечества, содержатся на казенномъ иждивенїи. Вы потчиваны здѣсь очень дурно, потому что деревня наша бѣдна; но повсюду въ другихъ мѣстахъ будете вы приняты по вашему достоинству. Какамбо пересказывалъ все сїе Кандиду, а Кандидъ слушалъ съ такимъ же удивленїемъ, и съ такимъ же изумленїемъ, съ какимъ ему другъ его Какамбо расказывалъ. Чтожъ это за земля, спрашивали они одинъ у другаго, про которую нигдѣ не слышно, и въ которой все естество отъ нашего со всѣмъ отмѣнно? Конечно это та земля, гдѣ все хорошо; ибо необходимо надобно, чтобъ такая земля гдѣ нибудь была: и что бы учитель Панглосъ ни говорилъ, однако я часто видалъ, что у насъ въ Вестфалїи не все дѣлается наилучшимъ образомъ.

ГЛАВА

ГЛАВА ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Что они видѣли въ Ельдорадской землѣ.

Какамбо изъявилъ передъ хозяиномъ все свое любопытство. Хозяинъ сказалъ ему, я человѣкъ очень простой, и простотою моею доволенъ; а есть у насъ здѣсь старичокъ служившей при дворѣ, который почитается за ученнѣйшаго и за словохотнѣйшаго человѣка во всемъ королевствѣ. Тотчасъ повелъ онъ Какамба къ сему старику. Кандидъ представлялъ уже вторую персону, и шелъ за своимъ слугою. Они вошли въ весьма простой домикъ, въ которомъ двери были только серебреныя, а внутреннїе въ покояхъ уборы золотые; но все было здѣлано съ такимъ вкусомъ, что не уступало самымъ драгоцѣннѣйшимъ украшенїямъ. Прихожая горница, хотя правду сказать, и выкладена была только красными яхонтами и изумрудами; однако крайняя простота сїя довольно награждалась порядкомъ, въ которомъ все было уставлено.

Старикъ принялъ чужестранныхъ сидя на софѣ набитой Колибриными перьями, и потчивалъ ихъ напитками изъ алмазныхъ сосудовъ; потомъ удовольствовалъ любопытство ихъ слѣдующимъ образомъ.

Я живу на свѣтѣ 172 года, и наслышался отъ отца моего, который былъ Королевскимъ конюшимъ, о происходившихъ въ Перу ужасныхъ смятенїяхъ при его глазахъ. Королевство, въ которомъ мы живемъ, есть старинное отечество Инкасовъ, которые оставивъ его безразсудно, пошли покорять подъ владѣнїе свое нѣкоторую

часть

часть свѣта, и напослѣдокъ всѣ погибли отъ Гишпанскихъ рукъ.

Принцы ихъ фамилїи, оставшїеся въ природной своей землѣ, были гораздо умнѣе: они здѣлали запрещенїе съ народнаго согласїя, чтобъ ни одинъ изъ здѣшнихъ жителей не выѣзжалъ никогда изъ нашего малинькаго королевства въ чужїя области; а сїе самое сохранило намъ и непорочность нашу и благополучїе. Гишпанцы имѣли о землѣ сей темное понятїе: они называли ее *el Dorado*; а одинъ Англичанинъ, называемый Шевалїе *Ралегъ*, подъѣзжалъ къ намъ, лѣтъ сто назадъ тому, очень близко; но мы будучи окружены неприступными каменными горами и стремнинами, по сїе время находимся внѣ опасности отъ хищенїя Европейскихъ народовъ, которые имѣютъ непонятную жадность до нашихъ камней и грязи, такъ что для етой дряни конечно бы всѣхъ насъ до одного перебили.

Разговоръ продолжался долго; онъ касался до правленїя землй, до нравовъ, до женскаго пόла, до публичныхъ позорищъ и до художествъ. Наконецъ *Кандидъ* будучи всегда страстный любитель Метафизики, велѣлъ Какамбу спросить, естьли у нихъ въ землѣ какая нибудь вѣра.

Старикъ нѣсколько осердился; какъ не имѣть вѣры, сказалъ онъ, и можете ли вы въ томъ сумнѣваться? Развѣ вы насъ неблагодарными почитаете? Какамбо спросилъ униженнымъ образомъ, какая же въ Эльдорадѣ вѣра? Старикъ опять осердился. Можно ли быть на свѣтѣ двумъ вѣрамъ? сказалъ онъ; у насъ, я думаю, такая же вѣра, какая и во всемъ свѣтѣ; мы молимся Богу отъ утра до вечера. Такъ вы молитесь только одному Богу? сказалъ Какамбо, который

переводилъ всегда сумнѣнія Кандидовы. Конечно одному, сказалъ старикъ; за тѣмъ что нѣтъ ни двухъ, ни трехъ, ни четырехъ.

Я признаюсь вамъ, что люди вашего свѣта весьма чудные вопросы дѣлаютъ. Кандидъ не переставалъ у добраго сего старичка далѣе спрашивать: онъ хотѣлъ знать, какъ въ Элдорадѣ молятся Богу. Мы у него никогда ничего не просимъ, отвѣчалъ почтенный мужъ; намъ просить у него нечего; онъ далъ намъ все, что намъ надобно; мы только безпрестанно его благодаримъ. Кандиду захотѣлось посмотрѣть ихъ поповъ, онъ велѣлъ спросить, гдѣ они. Старикъ улыбнулся. Други мои, сказалъ онъ, мы всѣ попы; Король и всѣ начальники фамилій поютъ торжественно благодарственныя пѣсни по всякое утро, а пять или шесть тысячь музыкантовъ препровождаютъ пѣніе ихъ на инструментахъ. Какъ! у васъ по етому нѣтъ и монаховъ, которые учатъ, спорятъ, управляютъ народомъ, дѣлаютъ заговоры, и которые жгутъ людей, какъ скоро кто не одного съ ними мнѣнія? Надобно, чтобъ мы были очень глупы, сказалъ старикъ; у насъ здѣсь у всѣхъ одно мнѣніе, и намъ вовсе не извѣстно, что вы разумѣете чрезъ вашихъ монаховъ. Кандидъ слышавъ такое повѣствованіе былъ внѣ себя, и разсуждалъ самъ съ собою; здѣсь со всѣмъ другое дѣло, нежели въ Вестфаліи и въ замкѣ господина Барона: естьли бы другъ нашъ Панглосъ посмотрѣлъ Эльдорадо, то не сталъ бы онъ больше говорить, что за́мокъ Тгун-дер-тен-трункъ былъ самый лучшій за́мокъ въ свѣтѣ; правда!, надобно ѣздить въ чужіе краи!

По окончанїи сего долговремяннаго разговора добродушный старикъ велѣлъ заложить карету въ 6 барановъ, и далъ нашимъ заѣзжимъ двенадцать человѣкъ своихъ людей проводить ихъ ко двору. Извините меня, говорилъ онъ имъ, что старость моя лишаетъ меня чести съ вами ѣхать. Король приметъ васъ такъ, что вы будете имъ довольны, и я не сумнѣваюсь, чтобъ не простили вы намъ въ нашихъ обыкновенїяхъ, естьли имѣемъ мы такїя, которыя вамъ не нравятся.

Кандидъ и Какамбо сѣли въ карету, бараны летѣли, и меньше, нежели въ четверть часа, довезли ихъ до королевскихъ палатъ, построенныхъ на краю города. Ворота были въ 220 футовъ вышиною и во 100 футовъ шириною; не можно изъяснить изъ какой матерїи они были здѣланы. Довольно уже видно, сколь великое превосходство должны они имѣть передъ тѣми кремнями и пескомъ, которые называемъ мы золотомъ и дорогими каменьями.

Двадцать прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя были тогда на карaулѣ, встрѣтили Кандида и Какамба при выходѣ изъ кареты, повели ихъ въ бани, надѣли на нихъ платье вытканное изъ колибринаго пуху; потомъ знатные придворные господа и госпожи проводили ихъ въ комнату Его Величества сквозь два ряда, изъ которыхъ въ каждомъ стояло по 1000 музыкантовъ, какъ всякой день бываетъ. Подходя къ аудїенцъ залѣ, Какамбо спросилъ у одного вельможи, какимъ образомъ поступаютъ при засвидѣтельствованїи самоличнаго почтенїя Его Величеству? на колѣни ли становятся, или ложатся на брюхо, на голову ли руку кладутъ, или на заднюю часть

 тѣла,

тѣла, и лижутъ ли языкомъ пыль съ полу; однимъ словомъ, какая при томъ наблюдается церемонія? По нашему обыкновенію, сказалъ вельможа, Короля обнимаютъ и цѣлуютъ его въ обѣ щоки. Кандидъ и Какамбо бросились Его Величеству на выю, который принялъ ихъ со всею возможною милостію, и просилъ ихъ учтивымъ образомъ, чтобъ они съ нимъ отужинали.

Между тѣмъ повезли ихъ смотрѣть города, публичныхъ зданій возведенныхъ до облаковъ, торжищъ украшенныхъ тысячью столбами, фонтановъ чистой воды, фонтановъ розовой воды, и другихъ, изъ коихъ били ликеры, здѣланные изъ сахарнаго тросника, упадающіе въ пространные прудки, которые выкладены были нѣкоторымъ родомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, испускающихъ отъ себя запахъ подобной гвоздишному и коришному.

Кандидъ спрашивалъ, чтобъ показали ему, гдѣ у нихъ судебныя мѣста, гдѣ парламентъ? Но имъ говорятъ, что у нихъ ничего такого нѣтъ, и что они никогда не судятся. Спрашиваетъ, естьли у нихъ тюрмы? Отвѣчаютъ, что и тюремъ нѣтъ. Больше всего дивился онъ и радовался, увидя палаты, посвященные наукамъ, въ которыхъ показали ему галлерею въ 2000 шаговъ длинною, украшенную повсюду физическими опытами.

Осмотрѣвши съ самаго утра до вечера едва тысячную часть города, возвратились они къ Королю. Кандидъ сидѣлъ за столомъ между Его Величествомъ, слугою своимъ Какамбомъ, и нѣкоторыми дамами. Никогда не видывано лучшаго кушанья, какъ какое было у Короля на столѣ, и никто не оказывалъ столько остроумія за ужиномъ,

номъ, какъ Его Величество. Какамбо толковалъ Кандиду остроумныя его рѣчи, которыя хотя были уже и переводъ; однако всегда были остроумны. Сіе приводило Кандида въ неменшее удивленіе, какъ и все прочее.

Они прогостили тамъ цѣлый мѣсяцъ. Кандидъ безпрестанно говорилъ Какамбу: правда другъ мой, признаюсь, что замокъ, гдѣ я родился, есть хуже здѣшней земли; однако со всѣмъ тѣмъ, здѣсь нѣтъ дѣвицы Кунигунды, да и у тебя безъ сумнѣнія есть въ Европѣ какая нибудь любовница. Ежели намъ остаться здѣсь, то мы не больше будемъ, какъ и другіе, вмѣсто того, что естьли возвратимся въ нашъ свѣтъ только на двенатцати баранахъ, навьюченныхъ Эльдорадскими каменьями, то будемъ богатѣе всѣхъ Королей вообще; нечего намъ болѣе бояться Инквизиторовъ, и не трудно будетъ достать назадъ дѣвицу Кунигунду.

Разговоръ сей Какамбу понравился; люди такъ страстны бѣгать по свѣту, тщеславиться передъ своими домашними, и хвастать тѣмъ, что они въ чужихъ краяхъ видали, что оба щастливцы наши задумали быть опять нещастными, и просить у Его Величества увольненія.

Вы напрасно хотите его дѣлать, говорилъ имъ Король; правда, земля моя большаго вниманія не заслуживаетъ; однако, когда кто въ какомъ нибудь мѣстѣ нарочито хорошо живетъ, то лучше въ немъ остаться. Я конечно не имѣю права удерживать у себя иностранныхъ; ето такое тиранство, котораго ни въ нравахъ нашихъ, ни въ законахъ нѣтъ. Всѣ люди на свѣтѣ вольны; поѣзжайте когда вы за благо разсудите, но вы-

ѣздъ отсюда очень труденъ. Не можно никоимъ образомъ подняться опять въ верьхъ по той рѣкѣ, по которой вы какимъ то чудомъ сюда пріѣхали, и которая течетъ подъ плитными хребтами. Горы, окружающія со всѣхъ сторонъ мое королевство, въ вышину имѣютъ десять тысячь футовъ, и такъ круты, какъ стѣны. Каждая въ ширину занимаетъ пространства болѣе, нежели на 10 миль, и спуститься съ оныхъ за крутостію никакъ не возможно. Однако, когда ужѐ васъ уговорить не льзя; то велю я моимъ Механикамъ здѣлать вамъ машину, которая бы могла вынести васъ покойно изъ моего королевства. А по препровожденіи васъ на ту сторону горъ ужѐ никто съ вами далѣе не поѣдетъ: ибо мои подданные положили обѣтъ, чтобъ изъ предѣловъ своихъ никогда не выѣзжать; и я не думаю, чтобъ они обѣтъ свой нарушили. Въ прочемъ просите у меня всего, чего вамъ хочется. Мы не просимъ у Вашего Величества инаго, какъ, чтобъ пожаловали вы намъ нѣсколько барановъ, на которыхъ накладемъ мы съѣстныхъ припасовъ, каменья и здѣшней грязи. Король засмѣялся: я не понимаю, сказалъ онъ, какой вкусъ находятъ ваши Европейцы въ нашей желтой землѣ; возмите пожалуйте, сколько вамъ хочется, я еще радоваться о томъ буду, что вы найдете въ томъ много себѣ добра.

Онъ отдалъ тотчасъ инженерамъ своимъ повелѣніе здѣлать машину, чтобъ спустить сихъ двухъ чрезвычайныхъ людей за королевство. Три тысячи искусныхъ физиковъ должны были надъ оною работать; чрезъ двѣ недѣли она была готова, и не болѣе стоила, какъ до миліоновъ фунтовъ стерлинговъ тамошней монеты. Посадили

дили въ машину Кандида и Какамба; поставили въ нее двухъ большихъ барановъ осѣдланныхъ и взнузданныхъ, чтобъ могли они по переправѣ черезъ горы ѣхать верьхами, 20 барановъ возовыхъ навьюченныхъ съѣстными припасами, тритцать барановъ обремененныхъ подарками, и всеми тамошними рѣдкостями, и 50 нагруженныхъ золотомъ, дорогими каменьями и бриліантами. Король обнялъ нашихъ бродягъ дружескимъ образомъ.

Отъѣзды ихъ и искуство, съ которымъ они въ верхъ на горы были подняты, представляли глазамъ великолѣпное зрѣлище. Физики доставивши ихъ до безопаснаго мѣста съ ними простились, а Кандидъ не имѣлъ желаніямъ своимъ инаго предмѣта, какъ пойти подарить своихъ барановъ дѣвицѣ Кунигундѣ. Теперь, говорилъ онъ, есть чѣмъ заплатить губернатору Буеносъ-Аирскому, естьли только можно дѣвицѣ Кунигундѣ опредѣлить цѣну. Поѣдемъ въ Кайену, сядемъ на корабль, и посмотримъ потóмъ, какое бы намъ королевство купить.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Что приключилось имъ въ Суринамѣ, и какъ познакомился Кандидъ съ Мартыномъ.

Перьвый день ѣхали наши дорожные нарочито весело. : они ободрены были воображенiемъ , что имѣютъ теперь столько богатства, съ которымъ всѣ сокровища Азïи, Европы и Африки сравнены быть не могутъ. Кандидъ въ восхищенiи писалъ

на деревьяхъ Кунигундино имя. На другой день два барана увязли у нихъ въ болотѣ, и потонули въ немъ и съ кладью; нѣсколько дней спустя пали еще два барана утомившись отъ тягости; семь или восемь издохли потомъ въ степи съ голоду; другїе попадали съ горъ въ стремнины. Напослѣдокъ по стодневномъ пути осталось у нихъ только два барана. Кандидъ говорилъ Какамбу, другъ мой, ты видишь, что богатство свѣта сего есть тлѣнъ; нѣтъ ничего основательнаго и постояннаго, кромѣ добродѣтели и щастїя увидѣть опять дѣвицу Кунигунду.

Это правда, сказалъ Какамбо, однако у насъ еще осталось два барана и больше сокровищъ, нежели у Гишпанскаго Короля. Я вижу вдали городъ, и думаю, что ето Суринамъ, принадлежащїй Голландцамъ. Теперь кончатся всѣ нещастїя и начнется наше благополучїе.

Приближаясь къ городу наѣхали они на одного Арапа лежащаго на земли, который не болѣе, какъ половину своей одежды на себѣ имѣлъ, то есть половину синихъ портковъ: у бѣднаго сего человѣка не было лѣвой ноги и правой руки. Боже мой! сказалъ ему Кандидъ по Голландски, что ты тутъ лежишь, другъ мой, въ такомъ ужасномъ состоянїи? Я дожидаюсь моего хозяина господина Вандердендура, славнаго здѣшняго купца, отвѣчалъ Арапъ. Да не господинъ ли Вандердендуръ, спросилъ Кандидъ, привелъ тебя въ сїе состоянїе? Онъ, сударь, сказалъ Арапъ; здѣсь такое обыкновенїе. Намъ даютъ по двои холстинные портки на годъ вмѣсто всей одежды. Когда мы работаемъ на сахарныхъ заводахъ, и возмемъ себѣ кусочикъ сахару, то отрубятъ намъ руку; а когда захотимъ уйти, то отрубятъ

рубятъ ногу: надо мною и то и другое случилось. Вотъ каковъ дорогъ намъ сахаръ, которой ѣдите вы въ Европѣ. Однако, когда продала меня мать моя за десять Нидерландскихъ талеровъ на Гвинейскомъ берегу, то говорила мнѣ: дитятко, благодари нашихъ боговъ, молись имъ безпрестанно, они даруютъ тебѣ щастливую жизнь; ты имѣешь честь быть рабомъ нашихъ господъ бѣлыхъ, и чрезъ то устрояешь щастіе отца твоего и матери. Увы! я не знаю здѣлалъ ли я ихъ щастливыми, а они меня не здѣлали. Собаки, обезьяны и попугаи тысячу разъ щастливѣе насъ. Голландскіе попы, обратившіе меня въ свою вѣру, говорятъ мнѣ всякое воскресенье, что мы всѣ дѣти Адамовы бѣлые и черные. Я не родословъ; однако, естьли проповѣдники сіи говорятъ правду, то мы всѣ братья. Теперь скажите мнѣ можно ли безчеловѣчнѣе поступать съ своими родственниками?

О Панглосъ! вскричалъ Кандидъ, ты не предвидѣлъ сей ужасной суровости; нѣтъ, я принужденъ буду напослѣдокъ отказатся отъ твоего наилучшаго свѣта. Что ето значитъ, наилучшій свѣтъ, спросилъ Какамбо? Увы! сказалъ Кандидъ, ето будетъ непреодолимое упрямство утверждать, что все на свѣтѣ хорошо, когда намъ очень худо. Смотря на Арапа проливалъ онъ слезы, и въ плачѣ вошелъ въ Суринамъ.

Прежде всего освѣдомились они нѣтъ ли въ гаванѣ корабля, который бы можно было послать въ Буеносъ-Аиръ. Человѣкъ, у котораго они о томъ спрашивали, былъ самъ Гишпанскій корабельщикъ, и представилъ себя къ ихъ услугамъ за безобидную плату. Онъ назначилъ имъ къ взаимному свиданію одну корчму. Кандидъ и вѣрный

ный Какамбо пошли дожидаться его тамъ съ обѣими своими баранами.

Кандидъ, у котораго вся душа была на языкѣ, разсказалъ Гишпанцу всѣ свои приключенія, и открылся ему, что онъ дѣвицу Кунигунду задумалъ увесть. Избавь меня отъ того богъ, чтобъ повезъ я васъ въ Буеносъ Айръ, сказалъ корабельщикъ; тамъ и меня и васъ повѣсятъ. Прекрасная Кунигунда теперь первая любовница у его превосходительства. Это былъ громовый ударъ для Кандида; онъ плакалъ долгое время, напослѣдокъ отозвалъ Какамба къ сторонѣ: вотъ, что тебѣ надобно здѣлать, любезный другъ, сказалъ онъ ему, у насъ у каждаго есть въ карманахъ миліоновъ на пять, или на шесть алмазовъ; ты меня проворнѣе; поѣзжай въ Буеносъ Айръ, и возми дѣвицу Кунигунду. Естли губернаторъ не будетъ ее отдавать, дай ему миліонъ; а буде и того мало, дай ему два; ты не убилъ Инквизитора, тебя подозрѣвать не будутъ, а я между тѣмъ возму другой корабль, и поѣду дожидаться тебя въ Венецію. Земля сія вольная, тамъ нечего бояться ни Болгаровъ, ни Абарцовъ, ни Жидовъ, ни Инквизиторовъ. Какамбу замыселъ сей очень понравился. Ему весьма не хотѣлось разстаться съ такимъ добрымъ господиномъ, который здѣлался искреннимъ ему другомъ; однако удовольствіе быть ему полезнымъ, преодолѣло его печаль. Обнялись проливая слезы; Кандидъ наказывалъ ему, чтобъ не забылъ онъ взять и старуху. Какамбо отправился того же самаго дня. Какамбо сей былъ самый предобрый человѣкъ.

Кандидъ пробылъ еще нѣсколько времяни въ Суринамѣ, и ожидалъ покуда другой корабельщикъ

щикЪ отвезетЪ его сЪ достальными баранами вЪ Италію. ОнЪ нанялЪ слугЪ, и закупилЪ все, что кЪ дальнему пути было надобно; напослѣдокЪ явился кЪ нему господинЪ ВандердендурЪ, хозяинЪ одного большаго корабля. Сколько возмете вы, спросилЪ онЪ у сего человѣка, отвести меня прямо вЪ Венецію, меня, людей моихЪ, пожитки и етихЪ двухЪ барановЪ, которыхЪ здѣсь видите? КорабельщикЪ попросилЪ десять тысячь піастровЪ. КандидЪ за то не постоялЪ.

О о! сказалЪ самЪ вЪ себѣ прозорливый ВандердендурЪ, чужестранецЪ сей даетЪ вдругЪ десять тысячь піастровЪ! надобно, чтобЪ онЪ былЪ очень богатЪ. ПотомЪ пришедши кЪ нему черезЪ часЪ назадЪ, объявилЪ, что онЪ меньше какЪ за двадцать тысячь не поѣдетЪ. Хорошо, я тебѣ и то дамЪ, сказалЪ КандидЪ.

Что за пропасть! шепчетЪ про себя купецЪ; человѣкЪ сей также легко соглашается дать двадцать, какЪ и десять тысячь піастровЪ. ОнЪ воротился опять, и говоритЪ, что меньше тритцати тысячь піастровЪ вЪ Венецію его отвести не можно. Я тебѣ дамЪ и тритцать тысячь, отвѣчалЪ КандидЪ.

О о! разсуждалЪ самЪ сЪ собою Голландскій купецЪ, етому человѣку и тритцать тысячь не стоятЪ ничего! конечно на баранахЪ сихЪ навьючены несмѣтныя сокровища; перестанемЪ возвышать цѣну; возмемЪ напередЪ тритцать тысячь, а тамЪ посмотримЪ, что будетЪ далѣе. КандидЪ продалЪ два небольшіе алмаза, изЪ которыхЪ самый малый дороже стоилЪ, нежели вся просимая корабельщикомЪ сумма. ОнЪ заплатилЪ ему деньги напередЪ. ОбѣихЪ барановЪ перевезли на корабль. КандидЪ поѣхалЪ за ними вЪ ма-

линькомЪ

линькомъ суднѣ, чтобъ взойти въ корабль на рейдѣ. Корабельщикъ не терялъ времени, поднялъ парусы, пустился и летитъ при благополучномъ вѣтрѣ. Кандидъ изумѣвшись и разинувши ротъ потерялъ его тотчасъ изъ глазъ. Увы! вскричалъ онъ, вотъ мошенничество достойное древняго свѣта. Возвратился назадъ къ берегу въ крайней печали; она была и дѣльная, потому что лишился онъ того, чѣмъ бы можно здѣлать щастіе двацати Монарховъ.

Пошелъ къ Голландскому судьѣ, и будучи нѣсколько въ смущеніи, стучитъ въ двери изо всей силы; входитъ, расказываетъ свое приключеніе, и кричитъ нѣсколько громчѣ, нежели какъ было надобно. Судья началъ дѣло тѣмъ, что велѣлъ ему заплатить тотчасъ десять тысячь піастровъ за стукъ и за шумъ, который онъ надѣлалъ. Потомъ выслушалъ его терпѣливо, обѣщалъ разобрать его дѣло, какъ скоро купецъ возвратится назадъ, и велѣлъ заплатить ему еще десять тысячь піастровъ за протори и волокиты при аудіенціи.

Поступокъ сей привелъ Кандида со всѣмъ въ отчаяніе: онъ, правда, претерпѣлъ уже несравненно большія нещастія, однако безсовѣстіе судьи и корабельщика, которые его ограбили, разгорячила въ немъ желчь, и ввергла его въ глубокую задумчивость. Злость человѣческая представлялась уму его во всемъ ея безобразіи; мысли его наполнены были печальными воображеніями. Напослѣдокъ провѣдалъ онъ, что отправляется въ Бурдо Французской корабль. И какъ уже барановъ, навьюченныхъ алмазами у него болѣе не было, то нанялъ въ кораблѣ семъ одну каютку за сходственную цѣну, и велѣлъ обѣявить въ го-

родѣ,

родѣ, что естьли хочетъ кто честный человѣкъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, то заплатитъ онъ за него корабельщику, будетъ довольствовать его въ пути пищею, и подаритъ ему двѣ тысячи піастровъ; но съ такимъ договоромъ, чтобъ человѣкъ сей былъ самый недовольнѣйшій своимъ состояніемъ и самый безчастнѣйшій во всей провинціи.

Нашло къ нему такое множество охотниковъ, что и на цѣломъ флотѣ помѣстить бы ихъ было не можно. Кандидъ хотѣлъ выбрать одного изъ тѣхъ, которые по видимому были всѣхъ нещастнѣе. Отобралъ такихъ человѣкъ съ двадцать, которые казались ему нарочито обходительными, и всѣ одинъ передъ другимъ хотѣли имѣть преимущество. Онъ собралъ ихъ всѣхъ въ своемъ трактирѣ, и оставилъ ужинать съ тѣмъ, чтобъ каждый далъ клятву расказать жизнь свою по самой правдѣ, и обѣщалъ взять съ собою того, который покажется ему всѣхъ безчастнѣе, и всѣхъ недовольнѣе своимъ состояніемъ, а прочимъ дать по нѣскольку денегъ. Засѣданіе продолжалось до четырехъ часовъ по полуночи. Кандидъ слушая всѣ ихъ приключенія, вспомнилъ старухины слова, когда ѣхалъ въ Буеносъ-Аиръ, которая билась объ закладъ, что не было на кораблѣ ни одного человѣка, который бы не претерпѣлъ великихъ нещастій. За каждою исторіею приходилъ ему на память Панглосъ. Трудно бы было, говорилъ онъ, доказать Панглосу свою систему; желалъ бы я, чтобъ онъ былъ теперь здѣсь. Естьли правда, что все устроено хорошо, то ето конечно не индѣ гдѣ, какъ въ Эльдорадѣ, а не въ прочихъ частяхъ свѣта. Напослѣдокъ выбралъ онъ одного бѣднаго ученаго,

ученаго, который трудился десять лѣтъ для Амстердамскихъ книгопродавцовъ. Онъ разсуждалъ, что ни одно ремесло въ свѣтѣ такъ не можетъ наскучить, какъ ето.

Ученый сей человѣкъ, который при всемъ томъ имѣлъ весьма простую душу, былъ окраденъ отъ жены, битъ отъ сына, и оставленъ отъ дочери, которая збѣжала съ однимъ Португальцомъ. Недавно у него отняли и послѣднее мѣсто, отъ котораго онъ питался, а Суринамскіе проповѣдники на смерть его не любили, почитая его за Социніанина. Правду сказать, и другіе его товарищи по крайней мѣрѣ столько же были безчастны, какъ и онъ; однако Кандидъ надѣялся, что ученый избавитъ его въ пути отъ скуки. Всѣ прочіе совмѣстники роптали, что Кандидъ весьма ихъ тѣмъ обижаетъ; но онъ ихъ тотчасъ успокоилъ, давъ каждому по сту піастровъ.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТАЯ.

Что приключилось Кандиду и Мартыну на морѣ?

Такимъ образомъ ученый старикъ, котораго звали Мартыномъ, поѣхалъ съ Кандидомъ въ Бурдо. И тотъ и другой многаго на свѣтѣ насмотрѣлись, и многаго натерпѣлись; и какъ начали они разсуждать о нравственномъ и естественномъ злѣ, то хотя бы корабль ѣхалъ изъ Суринама въ Японію мимо мыса Доброй Надежды, однако и тогда было бы имъ довольно матеріи, о чемъ говорить во весь путь.

Со всѣмъ тѣмъ Кандидъ передъ Мартыномъ имѣлъ великую выгоду, потому что онъ надѣялся всегда увидѣться опять съ дѣвицею Кунигундою, а Мартынъ не надѣялся ничего: притомъ было у него золото и алмазы, и хотя ужѐ онъ лишился ста большихъ красныхъ барановъ, навьюченныхъ наидрагоцѣннѣйшими сокровищами въ свѣтѣ, хотя мошенничество Голландскаго корабельщика и безпрестанно у него лежало на сердцѣ; однако когда ни обращалъ мысли свои на то, что у него было въ карманахъ, и когда говорилъ о Кунигундѣ, а особливо при концѣ стола, то защищалъ тогда опять систему премудраго Панглоса.

А ты, господинъ Мартынъ, говорилъ онъ ученому, что о всемъ семъ думаешь? Какое ты имѣешь понятіе о злѣ нравственномъ, и о злѣ естественномъ? Государь мой, отвѣчалъ Мартынъ, попы наши говорили про меня, что я Социніанинъ; а въ самомъ дѣлѣ я Манихей. Ты издѣваешься надо мною, сказалъ Кандидъ, Манихеевъ ужѐ больше на свѣтѣ нѣтъ. По крайней мѣрѣ я еще живъ, сказалъ Мартынъ; я не знаю, что мнѣ дѣлать; однако инако думать не могу. Надобно, чтобъ въ тебя вселился діаволъ, сказалъ Кандидъ. Онъ въ дѣла свѣта сего такъ много мѣшается, говорилъ Мартынъ, что легко статься можетъ, что онъ и въ меня также вселился, какъ во всѣхъ прочихъ; но я признаюсь вамъ, что разсматривая сей шаръ, или лучше сказать сей шарикъ, думаю, что Богъ предалъ его во власть какого нибудь злаго существа; выключая однако Эльдорадо. Я не видалъ еще ни одного города, который бы не желалъ разоренія другому сосѣдственному; ни одной фамиліи, которая

торая бы не искала истребить какую нибудь другую. Повсюду безсильные проклинают сильных, перед которыми раболѣпствуют; а сильные поступают съ ними, какъ съ овцами, съ которыхъ продают и шерсть и мясо. Миліонъ раздѣленныхъ на полки убійцъ, бѣгая изъ одного конца Европы въ другой, бьют людей и грабят въ наилучшемъ порядкѣ для своего пропитанія, за тѣмъ, что нѣтъ ни одного ремесла, которое бы было сего честнѣе; а въ городахъ, которые по всему виду наслаждаются миромъ и тишиною, и гдѣ процвѣтают науки, люди снѣдаются такою завистію, заботою и безпокойствомъ, какихъ и въ самомъ осажденномъ отъ непріятелей городѣ невидно. Сокровенныя печали еще гораздо несноснѣе, нежели общія бѣдствія. Однимъ словомъ, я столько на свѣтѣ видѣлъ и столько претерпѣлъ, что здѣлался Манихеемъ.

Однако есть на свѣтѣ и добро, сказалъ Кандидъ. Можетъ быть, отвѣчалъ Мартынъ, но мнѣ оно со всѣмъ неизвѣстно.

Между тѣмъ, какъ они спорились, услышали всѣ пушечный выстрѣлъ. Стрѣльба ежеминутно становилась сильнѣе. Каждый схватилъ свою зрительную трубку. Увидѣли два корабля, которые мили за три были въ жестокомъ сраженіи. Вѣтеръ принесъ обѣихъ ихъ къ Французскому кораблю, на которомъ ѣхалъ Кандидъ, такъ близко, что можно было все сраженіе видѣть весьма ясно. Напослѣдокъ одному изъ сихъ кораблей удалось здѣлать по другомъ всемъ бортомъ выстрѣлъ такъ низко, и такъ исправно, что сей послѣдній пошелъ на дно. Кандидъ и Мартынъ увидѣли тутъ, что человѣкъ до ста находившихся на кораблѣ поглощены были водою: всѣ

простирали

простирали руки на небо, наполняли воздухЪ ужаснымЪ воплемЪ; но вЪ одно мгновенїе всѢ поглощены были пучиною.

Видите ли, сказалЪ МартынЪ, вотЪ какЪ люди между собою поступаютЪ. Признаюсь, сказалЪ КандидЪ, что дѢло ето походитЪ нѢсколько на дїавольское. Разговаривая такимЪ образомЪ, увидѢлЪ онЪ нѢчто красное, которое свѢтилось и плыло за кораблемЪ. Отвязали шлюпку посмотрѢть, что ето такое: ето былЪ одинЪ изЪ его барановЪ. КандидЪ нашедши своего барана больше радовался, нежели сколько печалился потерявши такихЪ сто навьюченныхЪ большими Эльдорадскими алмазами.

Французскїй КапитанЪ узналЪ тотчасЪ, что КапитанЪ потопившаго корабля былЪ ГишпанецЪ, а КапитанЪ потопшаго корабля Голландской разбойникЪ; ето былЪ самый тотЪ, который обокралЪ Кандида. Безчисленныя богатства, пограбленныя симЪ злодѢемЪ, поглощены были и сЪ нимЪ вмѢстѢ моремЪ; а спасся одинЪ только баранЪ. Видишь, сказалЪ КандидЪ Мартыну, что злодѢянїе не всегда безЪ наказанїя остается; сего мошенника, Голландскаго корабельщика, такая судбина и постигла, какой онЪ былЪ достоинЪ. Ето правда, сказалЪ МартынЪ; но надобно ли было, чтобЪ погибли сЪ нимЪ и находившїеся на кораблѢ его люди? БогЪ наказалЪ сего плута, а чортЪ утопилЪ другихЪ.

Между тѢмЪ Французскїй и Гишпанскїй корабли продолжали свой путь, а КандидЪ продолжалЪ свои разговоры сЪ МартыномЪ. Они цѢлыя двѢ недѢли безпрестанно спорились; однако по прошествїи сихЪ двухЪ недѢль столь же много другЪ друга увѢрили, какЪ и вЪ самый перьвый

 день.

день. Со всѣмъ тѣмъ, они говорили, сообщали одинъ другому свои мнѣнія, и одинъ другаго утѣшали. Кандидъ гладилъ своего барана: когда ужѐ нашелъ я тебя, говорилъ онъ, то можетъ быть найду и Кунигунду.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬПЕРВАЯ.

Кандидъ съ Мартыномъ подъѣзжаютъ ко Французскимъ берегамъ и разсуждаютъ.

Напослѣдокъ показались Французскіе берега. Бывалъ ли ты когда нибудь во Франціи, господинъ Мартынъ, спрашивалъ Кандидъ? Бывалъ, сказалъ Мартынъ; я объѣздилъ многія тамъ провинціи. Въ иныхъ половина жителей вертопрашны, въ нѣкоторыхъ они надъ мѣру лукавы, въ другихъ по большой части нарочито тихи, и нарочито глупы; въ иныхъ всѣ хотятъ почитаться остроумными; а во всѣхъ первѣйшее упражненіе есть любовь, второе потомъ злословіе, а третіе говорить вздоръ. Однако, господинъ Мартынъ, видалъ ли ты Парижъ? Да, видѣлъ я и Парижъ, въ немъ всѣхъ сихъ родовъ люди находятся; Парижъ такъ, какъ Хаосъ; онъ есть такое стеченіе народа, въ которомъ всѣ люди ищутъ веселья, и въ которомъ почти ни одинъ человѣкъ его не находитъ, по крайнѣй мѣрѣ сколько я примѣчалъ. Я жилъ въ немъ не долго; по пріѣздѣ моемъ туда обокрали меня тотчасъ на Сентжерменской ярманкѣ мошенники. Потомъ почли меня и самого за вора, и продержали цѣлые восемь дней въ тюрьмѣ; а послѣ того здѣлался я типографскимъ справщикомъ,

чтобъ

чтобЪ нажить столько, чѣмЪ бы дойти пѣшкомЪ вЪ Голландїю. Я знавалЪ тамЪ многихЪ бездѣльниковЪ, которые злоязычествуютЪ и на письмѣ, которые заводятЪ толки и заговоры, и которыхЪ разныя бѣшенства какЪ судороги схватываютЪ. ГоворятЪ, что есть вЪ городѣ семЪ и весьма разумные люди, я о томЪ и не спорю.

Что до меня касается, сказалЪ КандидЪ, то я ни мало не любопытенЪ видѣть Францїю. Подумай, когда кто жилЪ мѣсяцЪ вЪ Эльдорадѣ, то ужѐ захочетЪ ли тотЪ видѣть что нибудь другое на свѣтѣ кромѣ дѣвицы кунигунды; я буду дожидаться ее вЪ Венецїи. Мы поѣдемЪ вЪ Италїю чрезЪ Францїю; согласишься ли и ты со мною? Очень охотно, сказалЪ МартынЪ. ГоворятЪ, что Венецїя хороша только для благородныхЪ ВенецїанЪ; однако сказываютЪ, что весьма ласково принимаютЪ тамЪ и иностранныхЪ, когда у нихЪ много денегЪ; у меня ихЪ нѣтЪ, а у васЪ есть, такЪ я готовЪ всюду за вами слѣдовать. Мнѣ теперь пришло на умЪ, сказалЪ КандидЪ; думаешь ли ты, что земля сЪ самаго начала была море, такЪ какЪ увѣряютЪ вЪ сей толстой книгѣ, принадлежащей нашему Капитану? Я ни чему етому не вѣрю, сказалЪ МартынЪ, такЪ какЪ и всѣмЪ расказываемымЪ сЪ нѣкотораго времени вракамЪ. Да сЪ какимЪ же намѣренїемЪ созданЪ сей свѣтЪ, сказалЪ КандидЪ? ЧтобЪ насЪ взбѣсить, отвѣчалЪ МартынЪ. Не удивительна ли тебѣ кажется, продолжалЪ КандидЪ, любовь двухЪ оныхЪ дѣвушекЪ Орелїонской земли кЪ обезьянамЪ, о которыхЪ я тебѣ прежде расказывалЪ? Ни мало, сказалЪ МартынЪ; я вЪ страсти сей страннаго ничего не вижу; я ужѐ столько чрезвычайныхЪ дѣлЪ навидѣлся, что

 чрезвы-

чрезвычайнаго для меня ничего нѣтъ. Думаешь ли ты, сказалъ Кандидъ, что люди другъ друга всегда убивали, такъ какъ нынѣ, и что они всегда были лжецы, обманщики, вѣроломцы, неблагодарны, разбойники, слабы, легкомысленны, подлы, завистливы, обжоры, пьяницы, скупы, честолюбивы, кровожаждущи, клеветники, сластолюбивы, сумазбродны, лицемѣрны и безразсудны? Вѣрите ли вы, сказалъ Мартынъ, что ястребы ѣли всегда голубей, когда ихъ найти могли? Конечно, отвѣчалъ Кандидъ. Ну, сказалъ Мартынъ, когда ястребы всегда такое же свойство имѣли, то какъ думать, что перемѣнились люди? О! сказалъ Кандидъ, тутъ великая разность; ибо свободное произволенїе . . . . . Разсуждая такимъ образомъ прибыли они въ Бурдо.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬВТОРАЯ.

Что приключилось Кандиду и Мартыну во Францїи.

Кандидъ не долѣе пробылъ въ Бурдо, какъ покуда могъ продать нѣсколько Эльдорадскихъ каменьевъ, и купить надежную двумѣстную коляску за тѣмъ, что безъ Философа Мартына обойтися ему уже было не льзя; ему жаль было только разстаться съ бараномъ своимъ, котораго оставилъ въ Бурдосской Академїи Наукъ, а оная опредѣлила на сей годъ обыкновенное награжденїе тому, кто докажетъ, отъ чего шерсть на баранѣ была красная. Награжденїе получилъ нѣкоторый ученый человѣкъ изъ сѣверной страны, который доказалъ чрезъ A *plus* B, *minus* C раздѣленное

дѣленное на Z, что барану неотмѣнно надлежало быть красному и умереть отъ коросты.

Между тѣмъ всѣ дорожные, съ которыми съѣзжался Кандидъ въ корчмахъ на дорогѣ говорили ему, мы ѣдемъ въ Парижъ. Всеобщее сїе стремленїе произвело напослѣдокъ и въ Кандидѣ охоту посмотрѣть сего столичнаго города. Заѣхать съ Венецїанской дороги въ Парижъ крюку было не много. Онъ въѣхалъ въ городъ сей чрезъ предмѣстїе Сентъ-Марсо, и ему казалось, что находится въ самой послѣдней Вестфальской деревнѣ.

Лишь только вошелъ Кандидъ въ постоялый дворъ, то почувствовалъ небольшой припадокъ, происходящїй отъ безпокойства въ дорогѣ. А какъ на рукѣ у него былъ превеликой алмазный перстень, и притомъ увидѣли, что между прочимъ его екипажемъ есть ужасно тяжелый сундучокъ, то явились къ нему тотчасъ два доктора безъ всякаго призыва, нѣсколько задушевныхъ друзей, которые не отходили отъ него ни на часъ, и два святоши, которые грѣли ему булїоны. Мартынъ говорилъ, я помню, что и я былъ боленъ въ Парижѣ во время перьваго моего сюда прїѣзда; я былъ очень бѣденъ, такъ не было у меня ни друзей, ни святошъ, ни докторовъ; однако я выздоровѣлъ.

Между тѣмъ отъ лѣкарствъ и многократнаго бросанїя крови Кандидъ и въ правду занемогъ. Одинъ Попъ изъ той части города, гдѣ онъ жилъ, пришелъ къ нему со смиреннымъ лицемъ просить векселя, по которому платежъ учиненъ будетъ объявителю на томъ свѣтѣ. Кандидъ не хотѣлъ на то согласиться: святоши увѣряли его, что ето новая мода. Кандидъ отвѣчалъ

вѣчалъ, что онъ не такой человѣкъ, который бы жилъ по модѣ. Мартынъ хотѣлъ Попа выбросить за окошко. Попъ клялся, что Кандида не погребутъ. А Мартынъ клялся, что онъ погребетъ самого Попа, естьли не перестанетъ его безпокоить. Брань становилась часъ отъ часу сильняе. Мартынъ взялъ его за воротъ и вытолкалъ вонъ; а сїе причинило великїй соблазнъ, и дѣло дошло до словеснаго суда.

Кандидъ выздоровѣлъ, и покуда отъ болѣзни оправлялся, ужинала у него всегда весьма отборная компанїя, и всегда была большая игра. Кандидъ былъ въ великомъ удивленїи, что никогда не приходили къ нему тузы, а Мартынъ тому ни мало не дивился.

Между прочими, которые посѣщенїемъ своимъ дѣлали ему честь, былъ нѣкоторый маленькїй Аббатъ, именемъ Перигурдинъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые всегда стараются угодить, всегда легки на ногу, всегда услужливы, безстыдны, ласкательны, и на все согласны, которые караулятъ иностранныхъ во время ихъ проѣзда, разказываютъ имъ соблазнительныя произшествїя въ городѣ, и предлагаютъ забавы за всякую цѣну. Онъ повелъ сперьва Кандида и Мартына въ комедїю. Въ тотъ день представляли новую трагедїю. Кандиду случилось сидѣть среди нѣсколькихъ, такъ называемыхъ веселыхъ головъ. Не смотря на то онъ во время явленїй, представляемыхъ наисовершеннѣйшимъ образомъ, не могъ удержаться отъ слезъ. Одинъ изъ сихъ говоруновъ сказалъ ему по окончанїи дѣйствїя: вы очень напрасно плачете, Актриса ета представляетъ весьма дурно, а Актеръ, который съ нею выходилъ, еще хуже ея, а Трагедїя сама по себѣ

сочинена

сочинена еще и того дурнѣе. Сочинитель не знаетъ по Арапски ни слова, а дѣйствіе происходитъ въ Аравіи. Сверьхъ того онъ такой человѣкъ, который не вѣритъ врожденнымъ понятіямъ. Я завтра принесу вамъ противъ него двадцать тетратей. Государь мой, говорилъ ему Аббатъ Перигурдинъ, примѣтили ли вы эту молодую дѣвушку, у которой лице такое пріятное, и станъ толь пригожій? Она вамъ не больше будетъ стоить, какъ десять тысячь франковъ на мѣсяцъ, и на пятьдесятъ тысячь талеровъ алмазовъ. Я не могу съ нею препроводить больше, какъ день или два, отвѣчалъ Кандидъ, потому что у меня назначено свиданіе съ одною особою въ Венеціи, которое не терпитъ времени.

Въ вечеру послѣ ужина ласкательный Перигурдинъ умножилъ свои учтивства и услужливости. Такъ у васъ есть, государь мой, въ Венеціи свиданіе? Есть, государь мой, сказалъ Кандидъ; мнѣ надобно неотмѣнно видѣться тамъ съ дѣвицею Кунигундою. Тутъ уже получивши пріятный случай говорить о своей любезной, расказалъ ему обыкновеннымъ образомъ нѣкоторую часть своихъ приключеній съ сею знатною Вестфалкою.

Я думаю, сказалъ Аббатъ, что дѣвица Кунигунда очень умна, и прекрасно пишетъ письма? Я писемъ отъ нее никогда не получалъ, сказалъ Кандидъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ выгнали меня за нее изъ замка, не имѣлъ я никогда времени къ ней писать; вскорѣ послѣ того сказали, что она умерла; потомъ нашелъ я ее опять, и опять потерялъ; а теперь отправилъ къ ней отсюда за 2500 миль нарочнаго, и ожидаю отвѣта.

Аббатъ слушалъ прилѣжно, и казалось, что сидѣлъ нѣсколько задумавшись. Скоро послѣ того простился съ обоими иностранными обнявши ихъ отъ всего сердца. На другой день Кандидъ лишь только пробудился, то получилъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Любезный мой Кандидъ! тому уже недѣля, „какъ я больна въ здѣшнемъ городѣ; мнѣ ска„зали, что и ты здѣсь. Я бы полетѣла въ твои „объятія, естьли бы у меня была сила. Провѣ„давши въ Бурдо, что ты поѣхалъ въ Парижъ, „оставила я тамъ вѣрнаго Какамба и стару„ху, съ тѣмъ, чтобъ они немедлѣнно за мною „ѣхали. Губернаторъ Буеносъ Аирской взялъ у „насъ все; но у меня осталось еще твое сердце. „Пріѣзжай ко мнѣ; присутствіе твое или возвратитъ мнѣ жизнь, или я съ радости умру„.

Прекрасное сіе письмо, письмо котораго онъ не ожидалъ, обрадовало Кандида несказаннымъ образомъ; а болѣзнь любезной Кунигунды чрезмѣрно его опечалила. Мучась сими обоими чувствіями схватилъ свое золото и алмазы и пошелъ съ Мартыномъ въ тотъ домъ, гдѣ жила Кунигунда. Входитъ въ оной со внутреннимъ трепетомъ, сердце у него бьется, духъ занимается; хочетъ открыть завѣсы у постели, велитъ принести огня. Бога ради етого не дѣлайте, говоритъ ему служанка, отъ свѣта она умретъ, и тотчасъ закрываетъ опять завѣсу. Любезная моя Кунигунда, сказалъ Кандидъ проливая слезы, естьли тебѣ полегче? Когда не можешь со мною видѣться, то скажи мнѣ по крайней мѣрѣ хоть одно слово. Она не можетъ говорить, сказала служанка. Госпожа протянула между тѣмъ съ постели пухленькую ручку, которую Кандидъ орошаетъ

шаетъ долгое время слезами, наполняетъ ее потомъ всю алмазами, и оставляетъ на креслахъ цѣлый мѣшокъ золота.

Среди наисильнѣйшихъ его восхищенiй входитъ гефрейтеръ въ препровожденiи Аббата Перигурдина, и капральства солдатъ. Вотъ они, говоритъ онъ, сiи два подозрительные чужестранца. Велѣлъ ихъ тотчасъ взять, и приказываетъ удальцамъ своимъ тащить въ тюрму. Въ Эльдорадѣ съ заѣзжими людми такимъ образомъ не поступаютъ, говорилъ Кандидъ. Я никогда толь твердымъ Манихеемъ не былъ, какъ теперь, сказалъ Мартынъ. Да куда вы насъ ведете, государь мой, спросилъ Кандидъ? Въ городскую тюрьму, отвѣчалъ гефрейтеръ.

Мартынъ образумившись догадался, что женщина, называющаяся Кунигундою, была мошенница, господинъ Аббатъ Перигурдинъ былъ плутъ, умѣвшiй скорѣе всѣхъ возпользоваться Кандидовою простотою; а гефрейтеръ другой плутъ, отъ котораго первымъ удобно можно отвязаться.

Кандидъ слѣдуя совѣту Мартынову, а притомъ нетерпѣливо желая увидѣться съ истинною Кунигундою, вмѣсто того, чтобъ подвергнуть себя приказному порядку, даетъ гефрейтеру три небольшiе алмаза, изъ которыхъ каждый стоилъ около трехъ тысячь пистолей. А! государь мой, говоритъ ему человѣкъ, сей палочникъ, хотя бы вы и всѣвозможныя злодѣянiя здѣлали, однако со всемъ тѣмъ вы самый честный человѣкъ въ свѣтѣ; три алмаза! каждый въ три тысячи пистолей! Государь мой, вмѣсто того, чтобъ вести васъ въ тюрму, я за васъ умереть готовъ. Хотя здѣсь и всѣхъ иностранныхъ хватаютъ, однако положитесь на меня? у меня есть въ Нормандiи

въ Діепѣ братъ, я отвезу васъ къ нему, и естьли вы можете бросить нѣсколько алмазовъ и ему, то онъ объ васъ не меньше будетъ имѣть попеченія, какъ и я.

А какая же тому причина, что всѣхъ иностранныхъ берутъ подъ караулъ, спросилъ Кандидъ? Такая, отвѣчалъ Аббатъ Перигурдинъ, что одинъ бродяга изъ Атребатской земли слышалъ пустой вздоръ; а сіе одно побудило его здѣлать отцеубійство, не такое, какое учинено было въ 1610 году въ мѣсяцѣ Маіѣ; но такое, какое здѣлалось въ 1594 году въ мѣсяцѣ Декабрѣ, и какія учинены были въ другихъ годахъ и въ другихъ мѣсяцахъ, другими бродягами, которые слышали вздоръ.

Гефрейтеръ расказалъ потомъ въ чемъ состояло дѣло. Ахъ изверги! вскричалъ Кандидъ; какъ! такія ужасныя дѣйствія бываютъ между народомъ, который пляшетъ, и который поетъ! Я не знаю какъ бы мнѣ поскорѣе убраться изъ такой земли, гдѣ обезьяны свирѣпѣе тигровъ? Въ отечествѣ моемъ видѣлъ я медвѣдей, а людей видѣлъ только въ Эльдорадѣ. Бога ради, господинъ гефрейтеръ, отвези меня въ Венецію; мнѣ надобно дожидаться тамъ дѣвицы Кунигунды. Я не могу васъ въ другое мѣсто отвести, какъ въ нижнюю Нормандію, сказалъ палочникъ. Потомъ велѣлъ тотчасъ снять съ него оковы, говоря, что онъ ошибся, отсылаетъ своихъ людей, отвозитъ Кандида и Мартына въ Діепъ, и отдаетъ ихъ на руки своему брату. На рейдѣ случился тогда небольшой Голландской корабль. Норманецъ, здѣлавшійся помощію трехъ другихъ алмазовъ наиуслужливѣйшимъ человѣкомъ, посадилъ Кандида и людей его въ сей корабль, который отправлялся въ Портсмутъ въ Англію.

Хотя ѣхать было и не по пути; однако Кандидъ думалъ, что вырвался изъ ада, и хотѣлъ отправиться въ Венецію при перьвомъ случаѣ.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬТРЕТІЯ.

Кандидъ и Мартынъ ѣдутъ около Англискихъ береговъ, и что они тамъ видятъ.

О, Панглосъ, Панглосъ! О, Мартынъ, Мартынъ! О любезная моя Кунигунда! что ето за свѣтъ, говорилъ Кандидъ на Голландскомъ караблѣ? Нѣчто весьма зБродное и весьма странное, отвѣчалъ Мартынъ. Ты знаешь Англію, говорилъ Кандидъ Мартыну, не такъ ли и тамъ люди бѣшены, какъ и во Франціи? Тамъ другой родъ бѣшенства, сказалъ Мартынъ; вамъ извѣстно, что сіи два народа находятся въ войнѣ за нѣсколько саженъ снѣгу, лежащаго въ Канадѣ, и что они для сей безпутной войны гораздо больше тратятъ, нежели чего стоитъ вся Канада. Я не могу вамъ по самой точности сказать, въ той или другой землѣ больше людей достойныхъ висѣлицы; слабый разумъ мой такъ далеко не простирается. Я знаю только то, что вообще народъ сей, который мы теперь увидимъ, зараженъ великою меланхоліею.

Разговаривая такимъ образомъ прибыли они въ Портсмутъ. Берегъ покрытъ былъ множествомъ народа, который смотрѣлъ со вниманіемъ на нарочито толстаго человѣка, стоящаго на колѣняхъ съ завязанными глазами на одномъ изъ флотныхъ

флотныхЪ кораблей: четыре солдата, поставленные противЪ сего человѣка, выстрѣлили ему вЪ лобЪ каждый тремя пулями сЪ самымЪ спокойнѣйшимЪ видомЪ, и все собранїе возвратилось сЪ берега сЪ крайнимЪ удовольствїемЪ. А сто, что значитЪ? сказалЪ КандидЪ, и что за демонЪ владычествуетЪ повсюду? ПотомЪ спрашиваетЪ, кто былЪ тотЪ толстый человѣкЪ, котораго застрѣлили столь торжественно. АдмиралЪ, отвѣтствуютЪ ему. А за что же Адмирала сего застрѣлили? За то, говорятЪ ему, что онЪ не довольно много перебилЪ людей. ОнЪ далЪ баталїю сЪ однимЪ ФранцузскимЪ АдмираломЪ, и нашлось, что онЪ не очень близко кЪ нему подЪѣхалЪ. Да и Французской АдмиралЪ вѣть не ближе кЪ нему подЪѣхалЪ, сказалЪ КандидЪ, какЪ и онЪ ко Французскому? Безспорно, отвѣчали ему. Но вЪ здѣшней землѣ необходимо надобно убивать отЪ времени до времени одного изЪ АдмираловЪ, для ободренїя прочихЪ.

КандидЪ столько былЪ изумленЪ и пораженЪ всѣмЪ тѣмЪ, что онЪ видѣлЪ и слышалЪ, что нижѐ ногою на землю выступить не хотѣлЪ, и договорился сЪ ГолландскимЪ корабельщикомЪ (хотя бы онЪ и такой же былЪ ворЪ, какЪ и Суринамскїй) чтобЪ отвезЪ его немедлѣнно вЪ Венецїю.

КорабельщикЪ чрезЪ два дни кЪ отЪѣзду со всемЪ былЪ готовЪ. ОбЪѣхали Французскїе берега, поверстались противЪ Лиссабоны. У Кандида смотря на сей городЪ волосы поднялись дыбомЪ. Вошли вЪ заливЪ и вЪ Средиземное море. НапослѣдокЪ прибыли вЪ Венецїю. Слава Богу, сказалЪ КандидЪ, обнимая Мартына, здѣсь то увижу я прекрасную Кунигунду. Я надѣюсь на Какамба, какЪ на самаго себя. Все на свѣтѣ хорошо, все хорошо

рошо располагается, все располагается сколько возможно наилучшимъ образомъ.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬЧЕТВЕРТАЯ.

О Пакеттѣ и о братѣ Жирофлѣ, Театинскомъ монахѣ.

Какъ скоро Кандидъ прибылъ въ Венецïю, то велѣлъ искать Какамба во всѣхъ корчмахъ, во всѣхъ кофейныхъ домахъ, у всѣхъ веселыхъ дѣвушекъ, но нигдѣ его не нашелъ. По всякой день посылалъ онъ спрашивать не пришелъ ли вновь какой корабль, или какое нибудь судно. Не слышно про Какамба нигдѣ. Какъ! говорилъ онъ Мартыну, я успѣлъ переѣхать изъ Суринама въ Бурдо, изъ Бурдо въ Парижъ, изъ Парижа въ Дïепъ, изъ Дïеппа въ Портсмутъ, объѣхать Португалïю и Гишпанïю, пройти все Средиземное море, и живу ужѣ нѣсколько мѣсяцовъ въ Венецïи, а прекрасной Кунигунды еще нѣтъ. Вмѣсто ее нашелъ я только плутовку, и Аббата Перигурдина. Конечно Кунигунда умерла, къ чему и мнѣ болѣе на свѣтѣ жить. Ахъ! лучше бы остаться въ Эльдорадскомъ раю, нежели ѣхать опять обратно въ проклятую Европу. Какже справедливо, говорилъ ты любезный мой Мартынъ, свѣтъ сей ничто иное, какъ мечта и бѣдствïе.

Онъ впалъ въ прежестокую задумчивость, и не принималъ никакого участïя ни въ оперѣ Аламода, ни въ другихъ Карнавальскихъ увеселенïяхъ; ни одна женщина не привела его ни въ малѣйшее искушенïе. Мартынъ говорилъ ему, я не знаю, какъ вы такъ простодушны, когда думаете, что слуга Метисской породы, у котораго

отъ пяти до шести миліоновъ въ карманѣ, поѣдетъ искать вашу любовницу на край свѣта, и привезетъ вамъ ее въ Венецію. Онъ скорѣе возметъ ее себѣ, естьли найдетъ; а буде не найдетъ, то возметъ другую. Я совѣтую вамъ позабыть и Какамба и любовницу вашу Кунигунду. Мартынъ худой былъ утѣшитель. Задумчивость Кандидова умножилась, а Мартынъ не преставалъ ему доказывать, что на свѣтѣ очень мало добродѣтели, и очень мало благополучія, выключая Эльдорадо, куда никому не можно доѣхать.

Спорясь о сей важной матеріи, и дожидаясь Кунигунды, Кандидъ увидѣлъ на площади святаго Марка молодаго Театинца, который держалъ подъ руку одну дѣвушку. Театинецъ видъ имѣлъ здоровый, полный, и казался крѣпкаго сложенія; глаза у него были живые, осанка надежная, взоръ смѣлый, походка гордая. Дѣвушка была очень не дурна и бѣла. Она глядѣла влюбленными глазами на своего Театинца, и щипала нѣсколько разъ полныя его щоки.

По крайней мѣрѣ признаешься ты мнѣ, сказалъ Кандидъ Мартыну, что сіи люди щастливы; я не нашелъ по сіе время во всей обитаемой землѣ, выключая Эльдорадо никого, кромѣ безчастныхъ; а что до етой дѣвушки и до Театинца касается, то я бьюсь объ закладъ, что они весьма благополучныя созданія. А я бьюсь объ закладъ, что нѣтъ, сказалъ Мартынъ. Не больше стоитъ, какъ попросить ихъ къ себѣ отобѣдать, сказалъ Кандидъ, такъ ты увидишь правду ли я говорю.

Кандидъ тотчасъ къ нимъ подошелъ, и поклонясь проситъ ихъ въ свой трактиръ кушать макароновъ, Ломбардскихъ куропатокъ, осетринной

ной икры, и пить Монтепулчїанскаго, такъ называемаго *Лакрима Кристи*, Кипрскаго и Самосскаго вина. Дѣвушка покраснѣла; Театинецъ согласился, а она пошла за нимъ, осматривая Кандида изумленными и смущенными глазами, которые вскорѣ по томъ затмились слезами. Лишь только вошла она въ Кандидову горницу, то вскричала: какъ господинъ Кандидъ, вы ужѐ не узнали Пакетты! Кандидъ, который пристально на нее еще не смотрѣлъ, потому что голова его наполнена была одною Кунигундою, оборотясь къ ней сказалъ: ахъ! голубушка, такъ ты то привела доктора Панглоса въ то жалостное состоянїе, въ которомъ я его видѣлъ.

Увы! государь мой, сказала Пакетта, я вижу, что вы ужѐ все знаете. Ужасныя нещастїя, приключившїяся всему дому госпожи Баронессы и прекрасной Кунигундѣ мнѣ извѣстны. Я клянусь вамъ, что и моя судбина не меньше была бѣдственна. Тогда я еще ничего худова не знала, какъ вы меня видѣли. Одинъ Францисканской монахъ, бывшїй мой духовникъ, безъ всякаго труда привелъ меня въ искушенїе. Слѣдствїя отъ того были страшныя: я принуждена была убраться изъ зáмка, нѣсколько времени послѣ того, какъ господинъ Баронъ выбилъ васъ оттуда пинками. Естьлибъ не сжалился надо мною нѣкоторый славный Докторъ, то бы я давно ужѐ умерла. Я была изъ благодарности за то нѣсколько времени его любовницею. Жена его, которой ревнивость простиралась даже до бѣшенства, била меня каждый день безъ милости.

Баба ета была настоящая Фурїя. Докторъ былъ наигнуснѣйшїй изо всѣхъ мущинъ; а я, наинещастнѣйшая изо всѣхъ тварей, принуждена

на была терпѣть безпрестанно побои за человѣка, котораго я не любила. Вы знаете, государь мой, сколь опасно для упрямой женщины быть докторскою женою. Сей будучи раздраженъ поступкомъ сожительницы своей, далъ ей однажды отъ маленькаго насморка такое дѣйствительное лѣкарство, что она чрезъ два часа оставила сей свѣтъ съ ужаснымъ мученїемъ. Сродники госпожи Докторши били челомъ, что онъ ее уморилъ. Онъ далъ тягу, а меня посадили въ тюрьму. Невинность моя ни мало бы мнѣ не помогла, естьлибъ я не была нѣсколько пригожа. Судья меня освободилъ съ такимъ договоромъ, чтобъ заступить ему у меня докторское мѣсто. Скоро по томъ збила меня съ моего мѣста соперница; я выгнана была безъ всякаго награжденїя, и принуждена продолжать сей проклятый промыселъ, который вамъ господамъ мущинамъ толь прїятнымъ кажется, и который для насъ ничто иное, какъ самая пропасть бѣдности. Я пошла промышлять въ Венецїю. Ахъ! государь мой, естьлибъ вы столько могли себѣ вообразить, сколь несносно быть принужденною ласкать безъ разбору старому купцу, стряпчему, монаху, Гондолїеру, Аббатту и пр; быть подверженной всякимъ ругательствамъ, всякимъ нападкамъ; находиться часто принужденною занять у кого нибудь юпку на то только, чтобъ послѣ поднялъ ее постылый человѣкъ; быть лишенной однимъ всего того, что нажито съ другимъ; быть ощипанной полицейскими офицерами, и не имѣть предмѣтомъ своего воображенїя, ничего инаго, кромѣ ужасной старости, убогаго дома и смерти. Вы можете изъ сего заключить, что я самая безсчастнѣйшая тварь на свѣтѣ.

Пакетта открывала такимъ образомъ свое сердце добродушному Кандиду въ особливомъ кабинетѣ въ присутствїи Мартына, который говорилъ Кандиду: видите ли, что я ужѐ половину заклада выигралъ.

Отецъ Жирофле остался въ столовой горницѣ, и попивалъ по немножку дожидаясь обѣда. Да отъ чегожъ, сказалъ Кандидъ Пакеттѣ, была ты такъ весела, такъ довольна, какъ я тебя увидѣлъ; ты пѣла, и ласкала Театинца своего съ такою непринужденною благосклонностїю, что ты показалась мнѣ столько щастливою, сколько теперь себя безсчастною почитаешь.

Ахъ, государь мой! отвѣчала Пакетта, и это еще немалое въ промыслѣ нашемъ несчастїе. Вчера я была обобрана кругомъ и прибита отъ одного Офицера, а сего дня принуждена принять на себя веселый видь, чтобъ понравиться монаху.

Кандиду не надобно было дальнѣйшаго доказательства: онъ признался, что Мартынъ говорилъ правду. Сѣли за столъ съ Пакеттою и Театинцомъ; обѣдъ былъ нарочито веселъ, а при окончанїи стола начали поговаривать съ нѣкоторою довѣренностїю. Мнѣ кажется, отче святый, сказалъ Кандидъ монаху, вы наслаждаетесь такою судьбиною, которой всякъ завидовать долженъ; цвѣтъ вашего лица показываетъ твердое ваше сложенїе; вашъ видъ означаетъ внутреннее ваше спокойствїе; для забавы имѣете вы весьма недурную дѣвушку, и кажетесь Театинскимъ вашимъ состоянїемъ очень довольными.

Естьли сказать вамъ правду, гусударь мой, отвѣчалъ отецъ Жирофле, то желалъ бы я, чтобъ всѣхъ Театинцовъ чортъ побралъ. Я больше ста разъ былъ въ искушенїи зажечь мо-

 настырь,

настырь, и пойти здѣлаться Туркомъ. Родители мои принудили меня на 15 году надѣть ету мерзкую рясу, дабы здѣлать чрезъ то щастливѣйшимъ проклятаго, чтобъ его чортъ взялъ, старшаго брата. Зависть, несогласїе и злость обитаютъ въ нашемъ монастырѣ. Правда: я сказывалъ нѣсколько дурныхъ проповѣдей, и досталъ тѣмъ нѣсколько денегъ, изъ которыхъ половину грабитъ у меня Прїоръ, а достальныя употребляю на содержанїе дѣвушекъ; однако какъ скоро подъ вечеръ приду въ монастырь, то всякую минуту думаю разшибить себѣ голову о стѣну; и вся наша братїя въ такомъ же состоянїи, какъ и я.

Мартынъ оборотясь къ Кандиду съ обыкновеннымъ своимъ холоднымъ видомъ, сказалъ ему, что вы теперь объ нихъ думаете, не выигралъ ли я и всего заклада? Кандидъ далъ 2000 пїастровъ Пакеттѣ, и тысячу отцу Жирофлю. Я увѣряю тебя, сказалъ онъ Мартыну, что они съ сими деньгами будутъ щастливы. Я ни мало етому не вѣрю, отвѣчалъ Мартынъ. Вы здѣлаете ихъ сими пїастрами можетъ быть еще несчастливѣе того, какъ они теперь. Что бы отъ того ни было, сказалъ Кандидъ; но меня утѣшаетъ одно; я вижу, что часто находимъ мы опять людей, которыхъ никогда не думали увидѣть; легко станется, что нашедши краснаго моего барана и Пакетту, найду я и Кунигунду. Я желаю ото всего сердца, сказалъ Мартынъ, чтобъ здѣлала она когда нибудь ваше благополучїе; но о томъ то самомъ я и сумнѣваюсь. Ты очень строгъ, сказалъ Кандидъ. Ето потому, что я давно на свѣтѣ живу, отвѣчалъ Мартынъ.

Посмотри

Посмотри же на сихъ гондолїеровъ, говорилъ Кандидъ, не безпрестанно ли они поютъ? Вы не видите, какъ они живутъ съ женами своими и съ дѣтьми, сказалъ Мартынъ. Дожъ имѣетъ свои печали, а и гондолїеры имѣютъ также свои. Правда, что принявши въ разсужденїе все, судьбина гондолїерова всегда предпочтительнѣе Дожевой; но я думаю, что разность въ томъ такъ мала, что не стоитъ и того, чтобъ ее разсматривать.

Говорятъ, сказалъ Кандидъ, про Сенатора Пококуранте, который живетъ въ великолѣпныхъ палатахъ на Брентѣ, и принимаетъ нарочито хорошо *иностранныхъ*: говорятъ, что человѣкъ сей отъ роду не имѣлъ никакой печали. Желалъ бы я посмотрѣть такого рѣдкаго человѣка, сказалъ Мартынъ. Кандидъ послалъ тотчасъ попросить у господина Пококуранте позволенїя прїйти къ нему слѣдующаго дня.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬПЯТАЯ.

Кандидъ и Мартынъ посѣщаютъ господина Пококуранте Венецїанскаго дворянина.

Кандидъ и Мартынъ поѣхали въ гондолѣ по Брентѣ, и пристали у палатъ дворянина Пококуранте. Сады были у него весьма пространны, и украшены прекрасными марморными статуями; а палаты великолѣпной архитектуры. Хозяинъ дома, человѣкъ лѣтъ въ 60 очень богатой, принялъ любопытниковъ нашихъ весьма учтиво; но

не очень искренно. Сїе привело Кандида въ нѣкоторое смущенїе, а Мартыну ни мало противно не было.

Тотчасъ двѣ пригожїя и опрятно одѣтыя дѣвушки стали подавать шоколату, и вспѣнивали его очень хорошо. Кандидъ не могъ удержаться, чтобъ не хвалить ихъ красоты, прїятности и искусства. Онѣ нарочито годныя дѣвчонки, сказалъ Сенаторъ Пококуранте; я беру ихъ иногда къ себѣ на постелю за тѣмъ, что городскїя госпожи мнѣ ужѐ прискучили съ ихъ кокетствомъ, ревнивостїю, ссорами, прихотями, подлостями, спесью, дурачествами и соннетами, какїя надобно для нихъ или самому дѣлать, или заказывать. Однако со всѣмъ тѣмъ и сїи двѣ дѣвки мнѣ ужѐ становятся несносны.

Кандидъ прохаживаясь послѣ завтрака по длинной галлереи удивился красотѣ картинъ. Онъ спросилъ, котораго мастера были двѣ перьвыя? Рафаиловы, сказалъ Сенаторъ; я купилъ ихъ за нѣсколько лѣтъ изъ тщеславїя очень дорого. Говорятъ, что лучше ихъ въ Италїи ничего нѣтъ, а мнѣ они ни мало не нравятся; краски на нихъ очень темны, изображенїя не довольно ясны, и недовольно имѣютъ наружности; одежда и прочее ни мало не походятъ на матерїю. Однимъ словомъ, что бы о нихъ ни говорили, только я не нахожу въ нихъ истиннаго подражанїя натурѣ. Мнѣ можетъ понравиться только такая картина, гдѣ я самую натуру увижу: такихъ нигдѣ нѣтъ. У меня много картинъ, но я ужѐ на нихъ и не гляжу.

Пококуранте въ ожиданїи обѣда велѣлъ играть концертъ. Кандидъ слушая музыку восхищался. Шумъ етотъ, сказалъ Пококуранте, можно

но слушать полчаса; а естьли продолжится долѣе, то онъ всѣмъ наскучитъ, хотя и никто не смѣетъ въ томъ признаться. Въ нынѣшнія времена музыка есть ничто иное, какъ искусство производить въ дѣйство трудныя дѣла; а что трудно, то не можетъ долго нравиться.

Я бы кажется любилъ лучше оперу, естьлибъ не нашли таинства такъ гнусно ее преображать, что я отъ нее бѣгаю. Пусть смотритъ, кто хочетъ, безпутныя музыкальныя трагедіи, въ которыхъ явленія не для инаго чего здѣланы, какъ чтобъ только ввести въ нихъ со всѣмъ не къ стати двѣ или три глупыя пѣсни, и Актрисѣ дать похвастать горломъ. Пусть обмираетъ, кто хочетъ, съ радости видя кастрата разпѣвающаго Кесареву, или Катонову ролю, и похаживающаго развратнымъ видомъ по театру. Что до меня касается, то я отъ такихъ шалостей давно ужѐ отказался, которыя составляютъ нынѣ славу Италіи, и за которыя государи такъ дорого платятъ. Кандидъ нѣсколько поспорилъ, однако скромнымъ образомъ. А Мартынъ былъ съ Сенаторомъ во всемъ согласенъ.

Сѣли за столъ, а послѣ превкуснаго обѣда вошли въ вивліотеку. Кандидъ увидя въ великолѣпномъ переплетѣ Омира, хвалилъ Сенаторовъ хорошій вкусъ. Вотъ, говорилъ онъ, книга, которая составляла увеселеніе великаго Панглоса, наилучшаго Философа во всей Нѣмецкой землѣ. Но она не составляетъ моего, сказалъ холоднымъ видомъ Пококуранте: казалось мнѣ прежде сего, что я читая ее находилъ удовольствіе. Но сіе безпрерывное повтореніе побоищь похожихъ во всемъ одно на другое: сіи Боги, дѣйствующіе всегда только за тѣмъ, чтобъ ничего не здѣлать рѣши-

рѣшительнаго: сія Елена, бывшая причиною войны, о которой въ сочиненіи едва и упоминается: сія Троя, которую осаждаютъ, и не могутъ взять: все сіе причиняло мнѣ смертельную скуку. Я спрашивалъ иногда у ученыхъ, такъ ли и имъ скучно читать ее, какъ и мнѣ? Всѣ безпристрастные люди признавались, что книга сія валится у нихъ изъ рукъ; но что неотмѣнно надобно имѣть ее въ своей вивліотекѣ, какъ остатокъ древности подобно симъ заржавѣвшимъ медалямъ, которые ни на что употреблять не можно.

Я думаю, что ваше превосходительство со всѣмъ инаго мнѣнія о *Виргиліи*, сказалъ Кандидъ. Я признаюсь, сказалъ Пококуранте, что *вторая*, четвертая и шестая книги его Энеиды очень хороши; а что принадлежитъ до набожнаго его Енея, сильнаго Клоанта, друга Ахата, маленькаго Асканія, безумнаго короля Латина, мѣщанки Аматы и до глупой Лавиніи, то я не думаю, чтобъ было что нибудь скучнѣе и непріятнѣе сего. Я лучше люблю Тасса и скаски Аріостовы, отъ которыхъ и стоя можно заснуть.

Смѣю ли я спросить у вашего превосходительства, сказалъ Кандидъ, не находите ли вы великаго удовольствія въ чтеніи Горація? Въ немъ есть, правда, нѣкоторыя правила, сказалъ Пококуранте, которыя въ свѣтѣ живущей человѣкъ можетъ употребить въ свою пользу тѣмъ болѣе, что они будучи сжаты въ пышныхъ стихахъ, легче впечатлѣваются въ памяти. Но я очень мало думаю о путешествіи его въ Бриндесъ, о описаніи дурнаго обѣда, о ссорѣ разнощиковъ, не знаю съ какимъ то Пупилломъ, котораго слова, какъ онъ говоритъ, наполнены были гноемъ; и

съ другимъ, коего рѣчи отзывались уксусомъ. Я не могъ инако читать, какъ съ крайнимъ отвращенiемъ, грубые его стихи на старыхъ бабъ и на колдовокъ; и со всемъ не вижу, что бы въ томъ было похвальнаго, когда онъ говоритъ другу своему Меценату, что естьли онъ здѣлалъ его Лирическимъ стихотворцемъ, то будетъ онъ ударять гордымъ своимъ челомъ въ звѣзды. Глупые люди въ почитаемомъ писателѣ удивляются всему. А я читаю только для себя, и люблю одно то, чѣмъ могу пользоваться. Кандидъ, имѣвшiй такое воспитанiе, которое не дозволяло ему разсуждать ни о чемъ, собственнымъ своимъ разумомъ, слыша такiя слова въ великомъ былъ удивленiи; а Мартыну казалось, что Пококуранте разсуждаетъ нарочито разумно.

О! вотъ Цицеронъ, сказалъ Кандидъ: что до сего великаго мужа касается, то думаю, что вы не можете его начитаться? Я не читаю его никогда, отвѣчалъ Венецiанецъ. Какая мнѣ въ томъ нужда, что онъ говорилъ на судѣ за Рабирiя, или за Клуенцiя; у меня и своихъ дѣлъ много, которыя я сужу. Мнѣ бы лучше нравились философическiя его сочиненiя; но какъ я увидѣлъ, что онъ о всемъ сумнѣвается, то заключилъ, что я и самъ въ етомъ столько же ученъ, какъ и онъ, и что мнѣ не надобно на то учителя, чтобъ не знать ничего.

А! вотъ восемьдесять книгъ трудовъ нѣкоторой Академiи Наукъ, вскричалъ Мартынъ; тутъ можетъ быть есть что нибудь хорошее. Было бы, сказалъ Пококуранте, естьли бы который нибудь изъ сочинителей сего вздора выдумалъ, хотя только то одно искусство, какъ дѣлать булавки. Но вмѣсто того во всѣхъ сихъ

книгахЪ ничего нѢтЪ, кромѢ пустыхЪ системЪ, а полезнаго ни одной строчки не находится.

Какое множество вижу я театральныхЪ сочиненій, сказалЪ КандидЪ, на ИталіанскомЪ, на ГишпанскомЪ и на ФранцузкомЪ языкахЪ! Да, сказалЪ СенаторЪ, ихЪ три тысячи, а хорошихЪ изЪ нихЪ и трехЪ дюженЪ нѢтЪ. ЧтожЪ до сихЪ собраній проповѢдей касается, которыя всѢ вообще не стоятЪ одной страницы изЪ Сенеки, и до всѢхЪ сихЪ толстыхЪ БогословскихЪ книгЪ, то я думаю можете вы заключить, что никогда ихЪ и не раскрывалЪ, ни я, ниже другой кто.

МартынЪ усмотрѢвЪ нѢсколько шкафовЪ, наполненныхЪ Аглинскими книгами, я думаю, сказалЪ онЪ, что республиканцу должна правиться большая часть сихЪ книгЪ, писанныхЪ сЪ толикою вольностію. Ето правда, отвѢчалЪ Покоуранте; я признаюсь, что всякому пріятно писать то, что кто думаетЪ; человѢку вольность сія есть природна. А у насЪ во всей Италіи пишутЪ только то, чего не думаютЪ. Люди, обитающіе вЪ отечествѢ Кесарей и АнтониновЪ, не смѢютЪ ни о чемЪ и подумать, не испросивши на то позволенія у Якобинскаго монаха. Я бы очень былЪ доволенЪ сею вольностію свойственною АглинскимЪ писателямЪ, естьли бы страсти и связанный пристрастіями духЪ не вливали яда во все то, что драгоцѢнная сія вольность ни имѢетЪ вЪ себѢ похвальнаго.

КандидЪ увидѢвши Мильтона, спросилЪ у него, не за великаго ли мужа почитаетЪ онЪ сего сочинителя? Кого, сказалЪ Пококуранте. сего враля, который сочинилЪ предлинное истолкованіе вЪ десяти книгахЪ грубыми стихами первой главы бытія; сего грубаго подражателя ГрековЪ, который

торый обезображаетъ творенїе, и который вмѣсто того, что Моисей представляетъ Бога производящаго мїръ однимъ словомъ, расказываетъ намъ, будто Мессїя беретъ великой циркуль изъ одного небеснаго ящика для начертанїя его творенїя? Какъ я буду почитать того человѣка, который испортилъ Тассовъ адъ и дїавола, который преображаетъ Луцифера то въ жабу, то въ Пигмея, заставляетъ его пореговаривать сто разъ тѣже самыя рѣчи, и спороваться о богословїи; который подражая важнымъ образомъ смѣшному Арїостову изобрѣтенїю огнестрѣльнаго оружїя, заводитъ пушечную пальбу на небѣ посредствомъ дїаволовъ? Ни я, ниже кто другой во всей Италїи не могъ найти во всемъ семъ скучномъ вздорѣ никакого удовольствїя: такъ какъ бракъ грѣха со смертїю, и змѣи рожденные грѣхомъ, возмутятъ на душѣ у всякаго человѣка, кто хотя нѣсколько нѣжный вкусъ имѣетъ. Сїе темное, странное и отвратительное стихотворенїе презираемо было съ самаго начала: я поступаю съ сочинителемъ онаго нынѣ такъ, какъ поступали съ нимъ въ его отечествѣ жившїе съ нимъ въ одно время люди. Впрочемъ я говорю то, что я думаю, и очень мало забочусь, также ли думаютъ и другїе, какъ я.

Просмотрѣвши такимъ образомъ всѣ книги пошли въ садъ. Кандидъ хвалилъ всѣ находящїяся въ ономъ красоты. Не знаю, что бы могло быть расположено хуже етого, сказалъ хозяинъ; мы здѣсь ничего кромѣ самой дряни не имѣемъ: но я завтра же велю разсаживать другой по лучшему рисунку.

Послѣ сего любопытники наши простились съ его Превосходительствомъ. Ну, сказалъ Кан-

дидъ Мартыну, теперь признаешься ты, что нашли мы наищастливѣйшаго человѣка изо всѣхъ смертныхъ, потому что онъ все то, что ни имѣетъ, почитаетъ за ничто. Не видите ли вы, сказалъ Мартынъ, что ему уже все его имѣнїе наскучило? Платонъ давно сказалъ, что не тѣ желудки должны почитаться наилучшими, которые ото всѣхъ ѣствъ отвращенїе имѣютъ. Однако, сказалъ Кандидъ, развѣ это не весело все критиковать, и видѣть недостатки тамъ, гдѣ другїе люди находятъ красоты? То есть, сказалъ Мартынъ, что весело, не имѣть никакого веселья. Когда такъ, сказалъ Кандидъ, то нѣтъ видно никого щастливѣе меня, естьли найду я дѣвицу Кунигунду. Надежда всегда полезна, сказалъ Мартынъ.

Между тѣмъ проходили дни и недѣли, Какамбо еще не бывалъ, а Кандидъ такъ погруженъ былъ въ своей печали, что не примѣтилъ и того, что Пакетта и отецъ Жирофле, не пришли его и поблагодарить.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬШЕСТАЯ.

Какимъ образомъ ужинали Кандидъ и Мартынъ въ трактирѣ съ пятью иностранными, и кто они таковы были.

Однимъ вечеромъ, какъ Кандидъ съ Мартыномъ хотѣлъ садиться за столъ съ находившимися въ томъ же трактирѣ заѣзжими, человѣкъ черный какъ уголь подошелъ къ нему съ зади, и взявши его за руку сказалъ: будьте готовы съ нами

ѣхать,

ѣхать, не забудьтежъ. Кандидъ оглянулся, и видитъ Какамба. Развѣ бы одна Кунигунда могла его больше удивить и обрадовать! Онъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости, обнималъ любезнаго своего друга. Конечно здѣсь и Кунигунда; гдѣжъ она? Поведи меня къ ней, я умру съ радости увидя ее. Кунигунды здѣсь нѣтъ, говоритъ Какамбо, она въ Константинополѣ. О небо! въ Константинополѣ: но хотя бы она и въ Китаѣ была, я туда полечу; поѣдемъ! Мы поѣдемъ послѣ ужина, сказалъ Какамбо; я болѣе съ вами говорить не могу. Я нынѣ невольникомъ, господинъ мой меня ждетъ; мнѣ надобно служить ему за столомъ, не сказывайте объ етомъ никому, подите ужинайте, и будьте готовы.

Кандидъ между радостью и печалью, восхищаясь, что увидѣлъ ревностнаго своего повѣреннаго, удивляясь нашедши его невольникомъ, услаждаясь надеждою, что найдетъ свою и любовницу, съ трепещущимъ сердцемъ и съ заблужденнымъ разумомъ садится за столъ съ Мартыномъ на всѣ сїи приключенїя равнодушно взирающимъ, и съ шестью чужестранцами, прїѣхавшими въ Венецїю для карнавала.

Какамбо, который наливалъ пить одному изъ сихъ чужестранцовъ, наклонился при концѣ ужина господину своему къ уху, и говоритъ: Всемилостивѣйшїй Государь! Ваше Величество можете ѣхать когда изволите; корабль готовъ. Сказавши сїе вышелъ вонъ. Гости въ удивленїи посматривали одинъ на другаго не говоря ни слова, какъ вошелъ другой слуга и подошедши къ своему господину сказалъ: Всемилостивѣйшїй Государь, коляска Вашего Величества въ Падуѣ, и судно готово. Господинъ далъ знакъ, и слуга вышелъ.

Всѣ

Всѣ гости озирались еще, и общее ихъ удивленіе удвоилось. Подошелъ третій слуга къ третьему господину, и говоритъ: Всемилостивѣйшій Государь, извольте мнѣ повѣрить, что Вашему Величеству не надобно здѣсь мѣшкать; я пойду и все приготовлю. Сказавши сіе вышелъ.

Кандидъ и Мартынъ думали, что сіе дѣлается для обыкновеннаго маскераднаго увеселенія въ Карнавалѣ. Подошелъ четвертый слуга къ четвертому господину, и сказалъ: Ваше величество, можете ѣхать, когда изволите; и вышелъ вонъ также, какъ и прочіе. А пятый слуга говорилъ пятому господину, который сидѣлъ подлѣ Кандида, со всѣмъ отмѣннымъ образомъ. Онъ ему сказалъ, теперь уже, Всемилостивѣйшій Государь, не хотятъ Вашему Величеству дѣлать больше никакого кредита, ниже мнѣ, и легко статься можетъ, что въ ету ночь и васъ и меня посадятъ въ тюрьму; я пойду промышлять о себѣ: желаю щастливо оставаться.

По выходѣ всѣхъ слугъ, пятеро чужестранцовъ и Кандидъ съ Мартыномъ сидѣли въ глубокомъ молчаніи. На послѣдокъ Кандидъ его пресѣкъ; что ето за странная шутка, государи мои, сказалъ онъ? для чего вы всѣ Короли? Что до меня касается, то я признаюсь вамъ, что ни я, ни Мартынъ не Короли.

Господинъ, которому принадлежалъ Какамбо, принявъ на себя важный видъ, сказалъ по Италіански. Я ничего смѣшнаго въ себѣ не имѣю; я называюсь Ахметъ III. Я былъ долгое время Великимъ Султаномъ, низвергъ съ престола моего брата, а меня онаго лишилъ племянникъ мой; Визирямъ моимъ отсѣкли головы. Теперь препровождаю я остатокъ жизни моей въ старомъ

ромъ сералѣ. Племянникъ мой, великій Султанъ Магмутъ, дозволяетъ мнѣ проѣзживаться иногда въ другія земли для моего здоровья; теперь пріѣхалъ я въ Венецію препроводить карнавалъ.

Вторый сказалъ, я Едуардъ, Король Аглинскій; отецъ мой уступилъ мнѣ права свои на королевство. Я старался удержать ихъ за собою посредствомъ оружія; восемь сотъ человѣкъ моихъ сообщниковъ погибли жестокою смертію, и извлеченными изъ нихъ сердцами били ихъ по щекамъ, а меня посадили въ тюрьму. Я ѣду теперь въ Римъ посѣтить моего отца, который лишенъ королевскаго престола также, какъ и я и мой дѣдъ, и заѣхалъ въ Венецію на карнавалъ.

Третій началъ потомъ говорить: Я Польскій Король, нещастіе въ войнѣ лишило меня наслѣдственныхъ моихъ земель; равномѣрныя бѣдствія претерпѣлъ и отецъ мой. Я предаю себя въ волю божескую, такъ какъ Султанъ Ахметъ, и Король Карлъ Едуардъ, которымъ желаю долговременной жизни, и пріѣхалъ въ Венецію препроводить карнавалъ.

Четвертый сказалъ: я также Польскій Король. Я лишенъ былъ моего престола два раза; но провидѣніе даровало мнѣ другую землю, въ которой я больше здѣлалъ добра, нежели сколько всѣ Сарматскіе Короли вообще на берегахъ Вислы здѣлать могли. Я покаряюсь волѣ божеской, и пріѣхалъ въ Венецію для карнавала.

Осталось говорить пятому Монарху. Государи мои, сказалъ онъ, я не столь великій государь, какъ вы; однакожъ и я былъ такой же Король, какъ и другіе. Я Ѳеодоръ, избранъ былъ Королемъ въ Корсикѣ; меня называли Ваше Величество,

личество, а теперь едва называютъ и господиномъ. На имя мое дѣлана была монета, а теперь нѣтъ у меня ни полушки. Я имѣлъ двухъ статскихъ Секретарей, а нынѣ съ нуждою имѣю одного слугу. Видѣлъ себя на престолѣ, а послѣ долгое время въ Лондонѣ содержанъ былъ въ тюрьмѣ на соломѣ. Я очень опасаюсь, чтобъ не поступили со мною и здѣсь также, хотя я равномѣрно, какъ и Ваши Величества, пріѣхалъ въ Венецію для препровожденія карнавала.

Прочіе четверо Государей слушали рѣчь его съ великодушнымъ сожалѣніемъ. Каждый далъ Королю Θеодору по двадцати цекиновъ на платье и на рубашки; а Кандидъ подарилъ ему алмазъ въ 2000 цекиновъ. Кто же такой, говорили пять Королей, сей простый человѣкъ, который можетъ дать во сто разъ больше, нежели каждый изъ насъ, и который дѣйствительно столько даетъ?

Въ самое то время, какъ стали выходить изъ за стола, прибыли въ тотъ же самый трактиръ четыре свѣтлѣйшія Высочества, которыя равномѣрно лишились своихъ земель отъ жребія войны, и пріѣхали препроводить остатокъ карнавала въ Венеціи. Но Кандидъ на сихъ новопріѣзжихъ и не смотрѣлъ. Онъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ ѣхать въ Константинополь по любезную свою Кунигунду.

ГЛАВА

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬСЕДЬМАЯ.

Путешествїе Кандида въ Константинополь.

Вѣрный Какамбо упросилъ ужѐ Турецкаго корабельщика, который везъ Султана Ахмета въ Константинополь, чтобъ взялъ онъ съ собою и Кандида и Мартына. И тотъ и другой вошли въ корабль простершись напередъ предъ ногами его бѣднаго Величества. Кандидъ идучи говорилъ Мартыну: вотъ видѣли мы теперь пятерыхъ Королей лишенныхъ престоловъ, и съ ними ужинали; а изъ сихъ пяти Королей былъ одинъ еще и такой, которому далъ я милостыню. Можетъ быть есть много Государей и еще безсчастнѣйшихъ. Что до меня касается, я лишился ста барановъ, а теперь лечу въ объятїя Кунигунды. Какъ бы кто ни разсуждалъ, любезный мой Мартынъ, однако Панглосъ говорилъ правду, все на свѣтѣ хорошо. Дай Богъ, сказалъ Мартынъ. Но вѣроятно ли покажется случившееся съ нами въ Венецїи приключенїе, сказалъ Кандидъ? Никто не видывалъ, нижѐ слыхивалъ, чтобъ пять коронованныхъ главъ, лишенныхъ престола, ужинали вмѣстѣ въ трактирѣ. Ето ни мало не удивительнѣе того, сказалъ Мартынъ, что приключилось и намъ. Королей лишаютъ престола очень часто. Что же принадлежитъ до той чести, что мы съ ними ужинали, то ето такая бездѣлица, которая не стоитъ того, чтобъ о томъ и думать.

Кандидъ лишь только вступилъ въ корабль, то бросился тотчасъ на шею старому своему слугѣ, и искреннему другу Какамбѣ. Скажи же

мнѣ

мнѣ теперь, говоритъ ему, что дѣлаетъ Кунигунда? Также ли она прекрасна? Любитъ ли она еще меня? Можетъ ли она? Ты, я думаю, купилъ для нее въ Константинополѣ палаты.

Любезный мой господинъ, отвѣчалъ Какамбо, Кунигунда моетъ посуду на Пропонтидскомъ берегу у одного Князя, у котораго очень мало посуды. Она невольница въ домѣ нѣкотораго бывшаго Самодержавца, называемаго Рагоцкимъ, которому Великій Султанъ даетъ по три талера на день въ его убѣжищѣ; но что всего досаднѣе, она лишилась своей красоты, и здѣлалась ужасно безобразною. О! прекрасна она или дурна, сказалъ Кандидъ, я честный человѣкъ, и почитаю за должность любить ее всегда. Но какимъ образомъ дошла она до такого презрительнаго состоянія съ пятью или шестью миліонами, которые были съ тобою? Пятью или шестью миліонами, сказалъ Какамбо? Не долженъ ли я былъ дать двухъ миліоновъ господину Дону Фернанду д'Ибараа, Фигеора, Маскаренесъ, Лампурдосъ и Сузѣ, Губернатору Буеносъ-Аирскому, чтобъ позволилъ онъ мнѣ взять съ собою дѣвицу Кунигунду? И не отнялъ ли у насъ морской разбойникъ всего того, что у насъ осталось? Сей головорѣзъ не возилъ ли насъ съ собою въ Капо де Матапанъ, въ Мило, въ Никарію, въ Самосъ, въ Педру, въ Дарданеллы, въ Мармору, въ Скутари? Кунигунда и старуха служатъ у того Князя, о которомъ я вамъ сказывалъ; а я теперь невольникъ низверженнаго Султана. Какія ужасныя бѣдствія, сплетенныя одни съ другими, сказалъ Кандидъ! Но со всѣмъ тѣмъ у меня осталось еще нѣсколько алмазовъ; я Кунигунду легко освобожу, только очень жаль, что она здѣлалась такъ дурна. Потомъ

Потомъ оборотясь къ Мартыну, какъ ты думаешь, сказалъ онъ ему, кто всѣхъ нещастнѣе, Султанъ ли Ахметъ, Король ли Карлъ Едуардъ, или я? Етого я знать не могу, сказалъ Мартынъ, за тѣмъ, что сердецъ вашихъ видѣть мнѣ не можно. Ахъ, сказалъ Кандидъ, естьлибъ былъ здѣсь Панглосъ, то бы онъ сіе зналъ, и объявилъбы и намъ. Не знаю, сказалъ Мартынъ, на какихъ вѣсахъ могъ бы вашъ Панглосъ вѣсить нещастія человѣческія, и цѣнить ихъ печали. Я знаю только то, что на свѣтѣ есть миліоны людей нещастнѣе Короля Карла Едуарда, и Султана Ахмета. И то можетъ статься, сказалъ Кандидъ.

Вошли они въ короткое время потомъ въ каналъ Чернаго моря. Кандидъ началъ дѣло тѣмъ, что выкупилъ напередъ Какамба весьма дорогою цѣною, потомъ не теряя времени бросился въ одну галеру съ товарищами своими, и поѣхалъ по Пропонтидскому берегу искать Кунигунды, какъ бы она дурна ни была.

Въ галерѣ сей были два невольника, которые гребли очень худо, и которымъ восточный корабельщикъ удѣлялъ отъ времени до времени по нѣскольку ударовъ бычачьими жилами по голымъ плечамъ. Кандидъ, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, глядѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ, нежели на другихъ ссыльныхъ гребцовъ, и подошелъ къ нимъ изъ сожалѣнія по ближе. Нѣкоторыя черты на обезображенныхъ ихъ лицахъ показались ему нѣсколько похожія на Панглоса, и на безщастнаго Езуита, Барона, брата дѣвицы Кунигунды. Мысль сія его тронула и привела въ жалость. Онъ разсматривалъ ихъ еще пристальнѣе. Клянусь тебѣ, сказалъ

онъ Какамбу, что естьлибъ не видѣлъ я своими глазами, что учителя Панглоса повѣсили, и естьлибъ не имѣлъ нещастія убить Барона, то бы подумалъ, что ето они гребутъ въ нашей галерѣ.

Услышавъ имя Барона и Панглоса, сіи невольники вскрикнули изо всей силы, остановились, и весла упали у нихъ изъ рукъ. Восточный корабельщикъ, прибѣжавши къ нимъ началъ ихъ бить сильняе прежняго. Постойте, постойте, государь мой, вскричалъ Кандидъ, я заплачу вамъ за нихъ столько денегъ, сколько вамъ угодно. Какъ! ето Кандидъ! говорилъ одинъ изъ невольниковъ. Какъ! ето Кандидъ, говорилъ другой. Не сонъ ли ето, сказалъ Кандидъ? не сплю ли я? на галерѣ ли я? не господина ли Барона вижу, котораго я убилъ? Не Докторъ ли ето Панглосъ, котораго повѣсили?

Мы, мы, дѣйствительно мы, отвѣчали они. Какъ! я вижу здѣсь сего великаго Философа, сказалъ Мартынъ. Господинъ корабельщикъ, сказалъ Кандидъ, сколько выкупа требуете вы за господина фонъ Тгундер-тен-трункга, одного изъ первѣйшихъ Бароновъ Имперіи, и за господина Панглоса, наиглубокомысленнѣйшаго Метафизика во всей Нѣмецкой землѣ? Молчи, христіанская собака, отвѣчалъ восточный корабельщикъ, когда сіи христіанскіе псы суть Бароны и Метафисики, что конечно въ землѣ ихъ какое нибудь знатное достоинство; то долженъ ты заплатить мнѣ за нихъ пятьдесятъ тысячь цекиновъ. Я вамъ ихъ дамъ, государь мой: отвезите меня, какъ скоро можно, въ Константинополь; я заплачу вамъ деньги тогожъ часа. Однако нѣтъ, повезите меня къ дѣвицѣ Кунигундѣ. Восточный корабельщикъ поворотилъ галеру еще

при

при перьвомъ словѣ къ городу, и велѣлъ грести такъ сильно, что судно летѣло, какъ птица.

Кандидъ обнималъ стократно Барона и Панглоса. Да какимъ же образомъ я васъ не убилъ, любезный мой Баронъ? А ты, любезный Панглосъ, будучи повѣшенъ, какъ ты еще живъ? Какъ попали вы оба на Турецкія галеры? Правда ли, что сестрица моя въ здѣшней землѣ, говорилъ Баронъ? Правда, отвѣчалъ Какамбо. И такъ вижу я опять любезнаго моего Кандида, вскричалъ Панглосъ. Кандидъ представилъ имъ Мартына и Какамба. Всѣ взаимно обнимались; всѣ говорили въ одно время. Галера летѣла, и прибыла ужѐ въ гавань. Призвали Жида, Кандидъ продалъ ему за пятьдесятъ тысячь цекиновъ одинъ изъ алмазовъ, который стоилъ ста тысячь; а Жидъ клялся Авраамомъ, что болѣе дать за него не можно. Онъ выкупилъ тотчасъ Барона и Панглоса. Послѣдній упалъ къ ногамъ своего избавителя и орошалъ ихъ слезами; а первый засвидѣтельствовалъ благодарность свою кивнувши только головою, и обѣщалъ заплатить ему деньги при перьвомъ случаѣ. Но возможно ли, чтобъ сестра моя была въ Турецїи, говорилъ онъ. Какъ же не возможно, отвѣчалъ Какамбо, когда она чиститъ посуду у Трансильванскаго владѣльца. Тотчасъ позвали двухъ Жидовъ; Кандидъ продалъ еще нѣсколько алмазовъ, и поѣхали опять всѣ въ другой галерѣ доставать Кунигунду.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬОСЬМАЯ.

Что приключилось Кандиду, Кунигунде, Панглосу, Мартыну и прочим.

Простите мнѣ, я еще васъ прошу, говорилъ Кандидъ Барону, простите честнѣйшій отче, что прокололъ я васъ шпагою насквозь. Не упоминайте больше о томъ, сказалъ Баронъ, признаюсь, что я не много тогда поразгорячился; а какимъ случаемъ попался я на галеры, то надобно знать, что по заживленіи моей раны искусствомъ брата, соборнаго Аптекаря, напала на меня партія Гишпанцовъ, и взяла меня въ полонъ. Меня посадили въ Буеносъ Аирскую тюрьму въ то самое время, какъ выѣхала оттуда сестра моя. Я просилъ, чтобъ отослали меня въ Римъ къ отцу Генералу. Онъ отправилъ меня въ Константинополь въ достоинствѣ казначея къ господину Французкому Посланнику. Не былъ я еще и недѣли въ моей должности, какъ увидѣлъ однажды подъ вечеръ одного молоденькаго Икоглана, который очень былъ пригожъ. День тогда былъ весьма жаркій: молодый человѣкъ вздумалъ купаться, а и мнѣ захотѣлось также купаться. Я не зналъ, что для Христіанина почитается за уголовное преступленіе, когда найдутъ его нагаго съ молодымъ Мусульманомъ. Судья велѣлъ дать мнѣ за то сто ударовъ палкою по пятамъ, и осудилъ меня на галеры. Я не думаю, чтобъ поступлено было когда съ человѣкомъ съ большею несправедливостію. Но мнѣ очень хочется знать, для чего живетъ сестра

моя на поварнѣ у Трансильванскаго владѣльца, убѣжавшаго къ Туркамъ.

А ты, любезный мой Панглосъ, сказалъ Кандидъ, какимъ образомъ вижу я тебя въ живыхъ? Правда, сказалъ Панглосъ, что вы видѣли меня повѣшеннаго; надлежало бы меня по обыкновенію сжечь, но помните ли, что въ то время, какъ вели меня жарить, шолъ заливный дождь: вихорь такой былъ жестокой, что ни коимъ образомъ не льзя было развести огня, и такъ меня за неимѣніемъ лучшаго средства повѣсили. Тѣло мое купилъ одинъ лѣкарь, велѣлъ отнести его домой и началъ меня разнимать. Сперьва разчеркнулъ онъ мнѣ брюхо и въ доль и поперегъ отъ самаго пупа до груди. Не можно хуже быть повѣшену, какъ былъ повѣшенъ я. Палачъ, или совершитель великихъ дѣлъ святой Инквизиціи, который былъ Поддіаконъ, жегъ правда людей съ удивительнымъ искуствомъ; но вѣшать онъ не привыкъ. Веревка была мокрая, и худо затянулась за тѣмъ, что худо была свита; однимъ словомъ, во мнѣ остался еще духъ. Почувствовалъ боль при вскрытіи мнѣ брюха, вскричалъ я такъ громко, что лѣкарь мой упалъ навзничь, и подумавши, что анатомируетъ діавола, ударился бѣжать отъ меня прочь умирая отъ страха. На крикъ прибѣжала изъ побочной горницы жена его; но увидѣвши меня лежащаго на столѣ съ разпоротымъ брюхомъ испужалась еще больше, нежели мужъ, бросилась назадъ, и упала на него. Какъ пришли оба нѣсколько въ чувства, услышалъ я, что лѣкарша говорила лѣкарю: батюшка мой, за чѣмъ ты принимаешься разнимать еретика? Развѣ ты не вѣдаешь, что дьяволъ въ тѣлахъ

людей сихъ всегда обитаетъ? Я побѣгу поскорѣе за Патеромъ, чтобъ онъ его заклялъ. Какъ я сїе услышалъ, то волосы у меня стали дыбомъ, такъ что собравши всѣ достальныя мои силы закричалъ: помилуйте меня! Напослѣдокъ Португальскїй лѣкарь ободрился; онъ зашилъ мнѣ кожу, да и сама жена его имѣла за мною присмотръ, такъ что чрезъ двѣ недѣли сталъ я со всѣмъ на ноги. Лѣкарь сыскалъ мнѣ мѣсто, и пристроилъ меня лакѣемъ къ одному Мальтїйскому кавалеру, который отправлялся въ Венецїю. Но какъ у господина моего не было, чѣмъ мнѣ заплатить, то пошелъ я въ службу къ Венецїанскому купцу, и поѣхалъ съ нимъ въ Константинополь. Однимъ днемъ вздумалось мнѣ зайти въ мечеть: въ ней никого не было кромѣ одного стараго Имана, и молоденькой весьма пригожей богомольщицы, которая читала свои молитвы: шея у ней была вся открыта, а на грудяхъ приколотъ былъ прекрасный пукетъ изъ тюльпановъ, розъ, анемоновъ, ренонкуловъ, гїацинтовъ и медвѣжьихъ ушковъ: пукетъ у ней упалъ; я подхватилъ его тотчасъ, и приколоъ ей опять съ великимъ почтенїемъ. Но прикалывалъ его такъ долго, что Иманъ разсердился, и увидѣвши, что я Христїанинъ, закричалъ караулъ. Отвели меня къ судьѣ, который велѣлъ дать мнѣ сто ударовъ палкою по пятамъ, и сослалъ меня на галеры. Меня приковали къ самой той же галерѣ, и къ самой той же лавкѣ, гдѣ былъ и господинъ Баронъ. На галерѣ сей находились четверо молодыхъ людей изъ Марселя, пятеро Неаполитанскихъ поповъ, и двое Корфускихъ монаховъ, которые сказывали намъ, что подобныя приключенїя ежедневно случаются. Господинъ

сподинъ Баронъ утверждалъ, что ему зделано больше несправедливости, нежели мнѣ; а я утверждалъ, что гораздо простительнѣе приколоть пукетъ къ груди женщинѣ, нежели найдену быть нагому съ молодымъ Икогланомъ. Мы спорились безпрестанно, и получали каждый день по двациати ударовъ въ спину бычачьими жиламми до тѣхъ поръ, какъ союзъ приключеній свѣта сего привелъ васъ на нашу галеру, и вы насъ выкупили.

Скажи же мнѣ теперь, любезный мой Панглосъ, говорилъ ему Кандидъ, когда тебя вѣшали, анатомировали, сѣкли по спинѣ: и когда долженъ ты былъ грести на галерѣ, всегда ли ты думалъ, что все на свѣтѣ идетъ наилучшимъ образомъ? Я всегда держусь перваго моего мнѣнія, отвѣчалъ Панглосъ, потому что я однажды Философъ, и такъ мнѣ неприлично отпираться отъ своихъ словъ. Лейбницъ не могъ ни въ чемъ ошибиться; а сверьхъ того предопредѣленное согласіе есть наилучшая вещь на свѣтѣ, такъ какъ полность и тонкая матерія.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬДЕВЯТАЯ.

Какимъ образомъ Кандидъ нашелъ Кунигунду и старуху.

Между тѣмъ, какъ Кандидъ, Баронъ, Панглосъ, Мартынъ и Какамбо разказывали другъ другу свои приключенія, разсуждали о сослучайныхъ и несослучайныхъ произшествіяхъ въ семъ свѣтѣ, споровались о дѣйствіяхъ и причинахъ, о нравственномъ и естественномъ злѣ, о волѣ и необходи-

обходимости, и о утѣшеніяхъ, которыя можно имѣть будучи на Турецкихъ галерахъ, пристали они къ Пропонтидскому берегу у дома Трансильванскаго Князя. Первые предмѣты, представившіеся глазамъ ихъ, были Кунигунда и старуха, которыя развѣшивали и сушили на веревочкахъ салфетки.

Баронъ побледнѣлъ. Страстный любовникъ Кандидъ, увидѣвши прекрасную свою Кунигунду загорѣвшую отъ солнца, и у которой глаза загноились, груди изсохли, щеки обрюзгли, руки покраснѣли и покрылись мозолью, отскочилъ съ ужасти шага на три назадъ, а потомъ подступилъ къ ней съ благопристойностію. Она обнимала Кандида и брата своего; обнимали и старуху. Кандидъ обѣихъ ихъ выкупилъ.

Недалеко оттуда былъ маленькій подмызокъ; старуха здѣлала Кандиду предложеніе, чтобъ въ ономъ поселиться, доколѣ общество ихъ будетъ имѣть лучшую судьбину. Кунигунда ни мало не знала, что она здѣлалась дурною: никто ее о томъ не увѣдомилъ. Она напомнила Кандиду о его обѣщаніяхъ такимъ повелительнымъ голосомъ, что простодушный Кандидъ не смѣлъ отъ того отказаться. И такъ объявилъ онъ Барону, что онъ на сестрицѣ его намѣренъ жениться. Я въ жизни моей не допущу, сказалъ Баронъ, чтобъ она такую здѣлала подлость, и чтобъ и ты былъ столько безстыденъ: такого безчестія я себѣ никогда не здѣлаю, чтобъ дѣти моей сестры не могли ужè пользоваться правомъ дворянства Нѣмецкой земли. Нѣтъ, сестра моя ни за кого, какъ развѣ за Немецкаго Барона, выдана не будетъ.

Кунигунда бросилась къ его ногамъ, и орошала ихъ слезами; но онъ былъ непреклоненъ. Дуралей, сказалъ ему Кандидъ, я освободилъ тебя съ галеры; я выкупилъ тебя своими деньгами; я выкупилъ и сестру твою. Она мыла прежде посуду, она дурна; а я столько добродушенъ, что хочу на ней жениться, а ты еще вздумалъ тому противиться. Я опять тебя убью до смерти, естьли послѣдую моему гнѣву. Убей меня въ другой разъ, сказалъ Баронъ; а доколѣ я живъ, то сестрѣ моей за тобою не бывать.

ГЛАВА ТРИДЕСЯТАЯ.

Заключенїе.

Кандидъ въ самомъ дѣлѣ ни малѣйшей не имѣлъ охоты жениться на Кунигундѣ. Но крайняя грубость Барона была причиною, что онъ на то согласился: а сверхъ того Кунигунда такъ къ нему приступала, что онъ не могъ отъ того отказаться. Онъ требовалъ совѣта у Панглоса, у Мартына, и у вѣрнаго Какамба. Панглосъ сочинилъ велерѣчивую меморїю, которою доказывалъ, что Баронъ на сетру свою нималѣйшаго не имѣлъ права, и что она можетъ по всѣмъ законамъ Нѣмецкой Имперїи обвѣнчаться съ Кандидомъ. Мартынъ опредѣлилъ, что надобно Барона бросить въ море; а Какамбо рѣшилъ, что надлежитъ возвратить его восточному корабельщику, и отдать обратно на галеры, а потомъ отправить его въ Римъ къ отцу Генералу, на первомъ кораблѣ. Мнѣнїе сїе признано было заналучшее, старуха съ онымъ была согласна, се-

стрѣ его не сказали о томъ ни слова, дѣло произведено было въ дѣйство посредствомъ нѣсколька денегъ; и такъ имѣли они удовольствіе поимать Езуита, и наказать гордость Нѣмецкаго Барона.

Надобно бы неотмѣнно думать, что по толикихъ бѣдствіяхъ Кандидъ женившись на своей обладательницѣ, и живучи съ Философомъ Панглосомъ, съ Философомъ Мартыномъ, съ благоразумнымъ Какамбою и старухою, а сверхъ того привезши съ собою изъ земли древнихъ Инкасовъ толь много алмазовъ, велъ наипріятнѣйшую жизнь въ свѣтѣ; однако Жиды около него такъ щечились, что кромѣ маленькаго его жилища ничего у него не осталось. Жена его становясь день ото дня дурнѣе, здѣлалась своенравною и несносною: старуха безпрестанно хворала, и была еще брюзгливѣе Кунигунды. Какамбо, который работалъ въ саду, и ѣздилъ продавать овощи въ Константинополь, обремененъ былъ чрезмѣрною работою, и клялъ свою судьбину. Панглосъ былъ въ отчаяніи, что не могъ блистать въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ Университетѣ. Что до Мартына касается, то онъ будучи крѣпко увѣренъ, что повсюду на свѣтѣ худо, принималъ все съ терпѣніемъ. Кандидъ, Мартынъ и Панглосъ споровались иногда о Метафизикѣ и Морали. Часто они видали, что проѣзжали на лодкахъ мимо ихъ окошекъ Ефендіи, Паши и Кадіи, которыхъ ссылали въ Лемносъ, въ Митиленъ и въ Ерцерумъ: на мѣсто ссылочныхъ пріѣзжали другіе Кадіи, другіе Паши и другіе Ефендіи, которые равномѣрно въ свое время ссылаемы были въ заточеніе. Видны были опрятно взоткнутые на колъ и головы, которые

рые отсылались ко блистательной портѣ. Позорища сіи усугубляли ихъ разсужденія, а когда переставали спориться, то скука была столь чрезмѣрна, что старуха осмѣлилась имъ нѣкогда сказать: я бы желала знать, что хуже; быть ли насилованою сто разъ Африканскими разбойниками, имѣть половину зада отрѣзанаго, быть прогнану сквозь строй у Булгаровъ, сѣчену прутьями и повѣшену въ Аутодафѣ, быть анатомировану, грести на галерахъ, и испытать всѣ тѣ бѣдствія, которыя мы претерпѣли; или жить здѣсь не имѣючи никакого дѣла? Ето трудный вопросъ, сказалъ Кандидъ.

Рѣчь сія произвела новыя разсужденія; а особливо Мартынъ заключалъ, что человѣкъ раждается только на то, чтобъ жить въ безпрестанномъ безпокойствіи, или въ несноснѣйшей скукѣ. Кандидъ на то не соглашался; однако ничего не утверждалъ. Панглосъ признавался, что онъ вовсю свою жизнь ужасно страдалъ; но какъ уже онъ однажды сказалъ, что все на свѣтѣ располагается наилучшимъ образомъ, то и тогда утверждалъ то же, и ничему не вѣрилъ.

Одно произшествіе утвердило совершенно Мартына въ безбожныхъ его мнѣніяхъ, Кандида привело больше прежняго въ сумнѣніе, а Панглоса въ замѣшательство: они увидѣли однажды, что пристали къ хижинѣ ихъ Пакетта и братъ Жирофле, которые были въ самой крайней бѣдности. Данные имъ три тысячи піастровъ проѣли они очень скоро: разстались, помирились опять, опять поссорились, сидѣли въ тюрмѣ, ушли изъ оной, а напослѣдокъ братъ Жирофле здѣлался Туркомъ. Пакетта продолжала свой промыселъ повсюду; однако уже недоставала ничего.

чего. Вить я вамъ сказывалъ, говорилъ Мартынъ Кандиду, что деньги ваши скоро будутъ промотаны, и здѣлаютъ ихъ еще несчастнѣйшими. Вы съ Какамбомъ извели нѣсколько милїоновъ пїастровъ; а со всѣмъ тѣмъ не больше щастливы, какъ братъ Жирофле и Пакетта. А, а, сказалъ Панглосъ Пакеттѣ, и тебя принесло сюда къ намъ, голубушка! знаешь ли ты, что я потерялъ отъ тебя конецъ носа, одинъ глазъ и одно ухо? Какъ ты перемѣнилась? какой ето свѣтъ? Новое сїе приключенїе подало имъ поводъ философствовать еще больше прежняго.

Недалеко отъ нихъ жилъ весьма славный Дервишъ, который почитался за наилучшаго Философа во всей Турцїи: они пошли требовать у него совѣта. Панглосъ взялъ на себя съ нимъ говорить, и сказалъ ему: святый мужъ, мы пришли тебя просить, чтобъ ты намъ сказалъ, съ какимъ намѣренїемъ создано такое странное животное, каковъ есть человѣкъ?

Что тебѣ до того, сказалъ Дервишъ, твое ли ето дѣло? Однако, честнѣйшїй отче, сказалъ Кандидъ, на свѣтѣ ужасно много зла. Что нужды, сказалъ Дервишъ, худо ли въ ономъ или хорошо? Когда Его Султанское Величество отправляетъ корабль въ Египетъ, то думаетъ ли онъ о томъ, хорошо ли въ кораблѣ мышамъ, или нѣтъ? Такъ что же надобно дѣлать, сказалъ Панглосъ? Молчать, отвѣчалъ Дервишъ. Я ласкался надеждою, сказалъ Панглосъ, что поговорю съ вами нѣсколько о дѣйствїяхъ и причинахъ, о наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ свѣтѣ, о первоначальномъ произхожденїи зла, о свойствахъ души, и о предопредѣленномъ согласїи. Дервишъ услышавъ сїе хлопнулъ дверью.

Между

Между тѣмъ пронесся слухъ, что въ Константинополѣ задавили двухъ главныхъ Визирей и Муфти, и что взоткнули на колъ нѣсколько изъ ихъ пріятелей. Произшествіе сіе произвело на нѣсколько часовъ великій шумъ. Панглосъ, Кандидъ и Мартынъ идучи домой увидѣли одного старика, который прохлаждался у воротъ своихъ въ померанцовой бесѣдкѣ. Панглосъ, который не меньше былъ любопытенъ, сколько и любилъ разсуждать, спросилъ у него, какъ звали того Муфти, котораго задавили. Я ничего не знаю, отвѣчалъ старикъ. Я въ жизни моей не знавалъ по имени ни одного Муфти, и ни одного Визиря. Произшествіе, о которомъ вы говорите, мнѣ со всѣмъ неизвѣстно. Я думаю, что вообще всѣ тѣ, которые мѣшаются въ публичныя дѣла, погибаютъ часто бѣдственнымъ образомъ, и что они того достойны; однако я не спрашиваю никогда, что дѣлается въ Константинополѣ? Я довольствуюсь только тѣмъ, что посылаю туда продавать плоды моего сада, въ которомъ я работаю самъ. Сказавши сіе ввелъ чужестранцовъ въ домъ: двѣ его дочери и два сына подали имъ разные сорбеты, которые они дѣлали сами, каймаку приправленнаго цедровою вареною въ сахарѣ коркою, померанцовъ, цитроновъ, лимоновъ, ананасовъ, писташей, мокаскаго кофе, въ которомъ худаго Батавскаго и растущаго на другихъ островахъ ни одного зерна не было. Послѣ чего дочери добродушнаго сего Мусульмана окурили благовоніями Кандиду, Панглосу и Мартыну бороды.

Надобно думать, сказалъ Кандидъ Турку, что земли у васъ весьма много, и что она очень плодородна? У меня только двадцать четвертей,

отвѣчалъ

отвѣчалъ Турка, и я работаю съ моими дѣтьми самъ; труды удаляютъ отъ насъ три великiя зла, скуку, порокъ и нужду.

Кандидъ возвратившись домой дѣлалъ глубокiя разсужденiя о словахъ Турка. Онъ говорилъ Панглосу и Мартыну: мнѣ кажется, что сей добродѣтельный старикъ наслаждается лучшею судбиною, нежели всѣ пять Монарховъ, съ которыми мы имѣли честь ужинать. Величества, сказалъ Панглосъ, очень опасны, по обьявленiю всѣхъ Философовъ. Ибо Еглонъ, Король Моавитскiй, умерщвленъ былъ Аодомъ, Авесаломъ повисъ на волосахъ, и пронзенъ былъ тремя стрѣлами, Король Надавъ, Iеровоамовъ сынъ, убитъ Васою; Король Ели Замврiемъ, Охосiя умерщвленъ отъ Егу, Аѳалiя отъ Iоада; Короли Iоахимъ, Iехонiя и Седекiя попалися во плѣнъ. Вы знаете какой конецъ имѣли Крезъ, Астiагъ, Дарiй, Дiонисiй Сиракузскiй, Пирръ, Персей, Аннибалъ, Югурта, Арiовистъ, Цесарь, Помпей, Неронъ, Оттонъ, Вителлiй, Домитiанъ, Рихардъ вторый Король Англискiй, Едуардъ вторый, Генрихъ шестый, Рихардъ третiй, Марiа Стуартъ, Карлъ первый, три Генриха Французскiе, Императоръ Генрихъ четвертый. Вы знаете . . . . . Я знаю также и то, сказалъ Кандидъ, что надобно работать въ нашемъ саду. Вы справедливо говорите, сказалъ Панглосъ; ибо когда перьвый человѣкъ введенъ былъ въ садъ Едемской, то введенъ за тѣмъ, *Ut operaretur eum* (чтобъ его обработывалъ); а сiе доказываетъ, что человѣкъ родится не для покою. Станемъ работать, оставя всѣ разсужденiя, сказалъ Мартынъ, сiе есть единственное средство, чтобъ здѣлать жизнь сносною.

Все

Все маленькое общество приступило къ сему похвальному намѣренію; каждый принялся за то, что умѣлъ. Землишка ихъ приносила изобильные плоды. Кунигунда хотя, правда, и очень стала гадка, однако здѣлалась преизрядною пирожницею. Пакетша шила золотомъ; а старуха имѣла присмотръ за бѣльемъ даже до того, что и братъ Жирофле приносилъ пользу: онъ былъ весьма хорошій столярь, а притомъ здѣлался еще и честнымъ человѣкомъ. Панглосъ, говорилъ иногда Кандиду: всѣ произшествія въ наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ свѣтовъ зависятъ одно отъ другаго; ибо, естьли бы не выгнали васъ изъ прекраснаго замка сильными пинками взадъ за любовь къ дѣвицѣ Кунигундѣ, естьли бы не содержались вы въ Инквизиціи, естьли бы не обѣжали всю Америку пѣшкомъ, естьли бы не кольнули хорошенько шпагою Барона, естьли бы не потеряли всѣхъ вашихъ барановъ благословенной земли Эльдорадской, то и не ѣли бы вы здѣсь ни вареныхъ въ сахарѣ цедровъ ни писташей. Ты говоришь справедливо, отвѣчалъ Кандидъ, однако надобно намъ работать въ нашемъ саду.

КОНЕЦЪ.

